

Вячеслав Бахмин

ЗАМЕТКИ

**Москва
2000**

СОДЕРЖАНИЕ	Стр.
Предисловие	4
Детство	5
Школа. Кирпичный завод (1955)	6
Переезд в город (1959)	6
Интернат (1964)	8
Физтех (1966)	9
Ввод войск в Чехословакию (1968)	11
Приобщение к правозащитному движению (1968)	12
Первая встреча с КГБ (сентябрь 1969)	13
Последние месяцы на свободе (сентябрь-ноябрь 1969)	14
Первый арест. Лефортово.	15
Неожиданная свобода и жизнь в Москве (1970-1975)	18
Начало Хельсинкского движения	21
Рабочая Комиссия (январь 1977 – февраль 1980)	22
Опять арест, снова Лефортово (февраль – сентябрь 1980)	26
Первый суд и первый приговор	28
Этап	29
Учреждение ЯУ-114/2. Знакомство	30
Самолетом в Москву и возвращение на зону (1981)	32
Жизнь в лагере	33
Асино. Год первый	34
Хроника противостояния (1982)	36
Новый арест. Томская тюрьма (январь – март 1983)	38
Томск. Строгий режим	40
Первые дни на свободе (1984)	42
Калинин. Под надзором милиции (1984-1985)	43
Новое дело, новый арест и неожиданный финал	43
Годы в Калининне (1985-1989)	45
Москва, перестройка (1989-1990)	45
Первый год в качестве дипломата	48
Дипломатическая карьера (1991-1995)	50
Приложения	53
1. Запись разговора в КГБ в октябре 1979 года.	54
2. Заявление на случай ареста	61
3. Письма протеста в связи с арестом В.Бахмина	62
4. Заявления В.Бахмина следователю Московской городской Прокуратуры Пономареву Г.В.	69

5. Приговор Московского городского суда 1980 года	71
6. Примеры лагерного жаргона	86
7. Из письма С.Двилиса	87
8. Приговор Томского областного суда 1983 года	89
9. Кассационная жалоба на приговор Томского областного суда 1983 года	93
10. Протест прокурора на приговор Томского областного суда 1983 года	96
11. Определение Верховного суда РСФСР 1983 года	98
12. Приговор районного суда г.Калинина 1985 года	101
13. Постановление Правительства об образовании комиссии	105

Предисловие

В разных обстоятельствах мне не раз приходилось рассказывать историю своей жизни с разной степенью подробности. В конце концов, я пришел к выводу, что проще изложить ее на бумаге. Но перед вами – не воспоминания в обычном смысле этого слова. Это, скорее, видимая канва событий, пунктир, отмечающий запомнившиеся эпизоды и моменты биографии. Многие черточки этого пунктира могли бы быть развернуты в зарисовки событий, которые, при правильной композиции и аранжировке, образовали бы живую ткань цельного мемуарного повествования. Но для такой работы нужны время, желание и талант – всего этого мне явно недостает.

То, что получилось, я назвал «Заметки». Где-то поверхностные и поспешные, где-то более основательные и неторопливые заметки эти касаются в основном видимой, общественной стороны моей жизни. Конечно, в них отражены и некоторые характерные приметы времени, которое переживала наша страна. Отдельные важные документы того периода, иллюстрирующие и детализирующие рассказ, помещены в многочисленных и довольно объемных приложениях. Их читать совсем не обязательно.

За любые замечания и поправки буду очень благодарен.

Вячеслав Бахмин

Август 2000 года

Детство

Первые воспоминания, рождение брата Володи (1950 год – мне 3 года), жизнь на самом берегу Волги в небольшом поселке (деревне) Новая Константиновка. Летом красивые пароходы, длинные бревенчатые плоты, весной - шум ледохода и ловля рыбы сетями на длинных шестах (подъемками).

Отец, мать, младший брат Володя, бабушка Настя. Ее муж и мой дедушка Михаил был каким-то священнослужителем и пропал без вести на войне. С детства бабушка занималась по-своему нашим религиозным воспитанием. Время от времени брала нас на службу в церковь, единственную в городе, где мы с братом чинно выстаивали положенное время. Рассказывала священные истории, предупреждала о близящемся конце света и учила молитвам. Благодаря ей некоторые молитвы помню до сих пор.

Мать Александра Михайловна (в девичестве Иванова) - из Псковской области, недалеко от Пушкинских гор. Работала на комбинате “Искож”. Какая-то жутко тяжелая работа (вальцовщица, кажется). Потом была в автоколонне бензозаправщицей. Ее брат Петр - в армии, когда вернется, мы переедем в поселок кирпичного завода, чуть дальше вниз по реке. Там живет дед Федор, папин отец.

Отец Иван Федорович из Рязанской области, где, как и в Калининe, много его родственников (у отца было 4 брата и одна сестра), работает мастером (начальник!) на Комбинате искусственного волокна (хорошо известный в Калининe огромный химический комбинат 513, который отравлял своими миазмами все окрестности).

О брате в то время помню мало. Как-то гайкой он мне засадил в лоб - это воспоминание, пожалуй, наиболее яркое. Помню, что нередко дрались, за что потом доставалось обоим.

Азбука на деревянных кубиках. Читать научился в пять лет. Очень мне это нравится, читаю, что попало. Люблю просматривать газеты, одев на нос очки без стекол - “как папа”. Хулиганом не был, но за всякие проступки от мамы доставалось, иногда ремнем. Помню, разбил графин. Когда родители вернулись с работы, сразу стал плакать. “Что ты плачешь, тебя ведь еще никто не бил”. “Когда станут бить, плакать уже поздно”. Ответ оценили, и в этот раз, кажется, пронесло.

Жизнь была довольно скромной - конфет, пирожных, фруктов и масла не видели. Когда топились печка, поджаривали на плите кружочки сырого картофеля. Вкусно! Любимое лакомство - кусок белого хлеба с сахарным песком, а сверху водичкой, чтобы не ссыпался. Тогда это было нормально - все вокруг жили не богаче.

Переезд вниз по Волге на полтора километра. Там кирпичный завод, где работает дед Федор. Ближе к школе. Может быть, из-за переезда в школу пошел с восьми лет.

Школа. Кирпичный завод (1955)

Школа, 1955 год - первый класс. Начальная школа №4 в поселке Большие Перемерки. Учительница начальных классов, пожилая добрая женщина, ее занятия по русскому языку. Пожалуй, моя приличная грамотность от нее и от книг. Учился хорошо, плохо давалось только чистописание.

Самостоятельность (похоже, до меня никому нет дела). Фабричный поселок - кирпичный завод. До школы больше километра. Добираемся пешком или на рейсовом автобусе. Жизнь в длинном бараке с двумя входами с противоположных концов и комнатами-конурками по сторонам (когда-то там держали свиней). Общая кухня с керогазами, примусами и ребячья вольница. На противоположном конце поселка за самым кирпичным заводом (его еще звали “гофман” по имени немецкого изобретателя такого процесса обжига) были длинные “шоры” - продуваемые ветром бараки для сушки кирпича, где мы любили играть. Таинственное и страшное место, с рельсами, теряющимися во всегда сумрачном коридоре, с бесконечными полками сырых кирпичей, где легко спрятаться и спрятать. Там же, в поселке на кирпичном заводе, впервые увидел двухэтажный дом, удивлялся, как это люди забираются наверх и смотрят в окно. И все это на берегу Волги, хотя (стыдно!) за эти годы я так и не научился плавать. Дед, курит махорку, сидя на лавочке возле барака. Посылает сбегать за самой дешевой водкой (с картонной пробкой, залитой сургучом). Дожил, кажется, до 76 лет. Двоюродный брат - первоклассник - Саша, который утонул, возвращаясь из школы, в маленькой, грязной, но бурной речушке.

Тогда же в первый раз увидел телевизор. Он стоял в клубе поселка, и по вечерам многие приходили посмотреть это чудо. В клубе показывали кино. Тогда шел фильм «Фан-Фан Тюльпан», который мы рвались посмотреть. Поездка с братом на родину отца (станция Скопино Рязанской области). Я, кажется, во втором классе. Электричества там нет - только керосиновые лампы. Пожар в соломенной риге, сгорела собака. Мы - поджигатели. Хорошо, что всем вместе удалось отстоять соседние дома. Мытье в русской печке на соломе. Книга Шишкова “Угрюм-река” - о далекой, неизвестной Сибири. Но очень интересная, про любовь.

Переезд в город (1959)

Получили квартиру в городе, в Новопромышленном районе. С четвертого класса я в новой школе (восьмилетняя №26). Пионер (октябрят тогда еще не было).

Много читал, вся нормальная детская и юношеская литература. Крестный отец (дядя Петя, брат мамы) подарил на день рождения двухтомник Достоевского (а может это подарок из школы) и “Жерминаль”. Золя был скучен, Достоевского прочитал после фильма “Идиот” с Яковлевым, который увидел по телевизору. Фильм меня поразил, особенно женщины в нем. Тут же прочитал двухтомник. Долго не мог прийти в себя. Достоевский - любимый.

Болезнь сердца («недостаточность митрального клапана») и ревматизм. Больница №6 и городской санаторий. Там много читаю.

Майн Рид и Жюль Верн (синие и оранжевые тома их сочинений, прочитано все). Хоровое пение в санатории, до сих пор неплохо помню военные и пионерские песни того времени.

Увлечение театром. Кружок во Дворце культуры “Химволокно” и спектакль “Хрустальный башмачок”, где я играл роль короля. Победа на областном конкурсе чтецов (читал Твардовского из «Василия Теркина» - “Гармонь”).

Затем - театральный кружок (студия) в городском дворце пионеров. Руководитель - Виктор Васильевич. Выступаю на новогодних праздниках в ролях разных зверушек или Деда Мороза. Вадим Степанов, Игорь Добровольский, Люда Танасийчук, Володя Тишинин - друзья по театральной студии. Хочется стать актером... или разведчиком.

В школе учился хорошо. Четверки редкость. Несколько грамот, почти после каждого класса, за отличную учебу и участие в общественной жизни. Есть даже грамота за «распространение книг среди населения» - помогал продавать книги от ближайшего книжного магазина. Увлечение математикой, а потом и физикой. Учительница математики (Леонтьева). Участие в олимпиадах. Кружок по математике во Дворце пионеров (уже тогда в первый раз изучал теорию множеств и математический анализ). Затем областные олимпиады. Призовые места. Активен в общественной жизни. Но не любил вранья и хамского отношения к людям. Как-то даже поднял одноклассников на «забастовку», когда класс послали от школы на стройку, но не обеспечили того, что обещали. Я доказывал потом директору нашу правоту...

Участие в походе (озеро Селигер, озеро Пено, верховье Волги), грязь, дождь, нет хлеба, но дошли. Были у маленького ручейка, который дал начало великой реке. Это, кажется, шестой класс. Позже - поездка на теплоходе по Волге до Ярославля. Экскурсии с классом в Москву. Был в Мавзолее, видел Ленина и Сталина - тогда они еще лежали вместе. Новые деньги 1961 года. Помню первые "три рубля" одной бумажкой - красивые, а сколько можно купить... Первые шариковые ручки в соседнем книжном магазине (раньше только перьевые). Первые влюбленности и страдания.

Приняли в комсомол (не сразу: разговаривал на уроках - и совет отряда "не рекомендовал"). Перед приемом ночь почти не спал. Директор школы №26 Соловьев (историк), его жена (тоже историк). Характеристика при окончании восьмилетки ("иногда излишне прям" - это из-за «забастовки»).

Девятый класс в школе №17 - далеко от дома, но там - специальный математический класс, в который надо сдавать экзамен. 1963 год. Коллективный поход в кино - всем классом. Фильм кинематографистов из восточной Германии Торндайк “Русское чудо”. Чувство гордости за свою страну, - сколько ей досталось, а выдержала! - и обида, что остальным в зале все это “до лампочки”. Учитель математики Виолетта Антоновна (назвали в честь героини “Травиаты”). Любит классическую музыку и дома имеет большую фонотеку (пластинки). Слушал у нее ее любимую оперу и первый раз шестую симфонию Чайковского (до сих пор помню из нее фрагменты). В 1963 году из Москвы приехала комиссия для отбора лучших математиков и

физиков в школу-интернат при МГУ. Она только что открылась и шел первый (зимний) набор. Сначала провал (кажется, на собеседовании не смог что-то решить), потом, через полгода - получилось! Володя Филатов, я и еще одна девочка (Катя?) попали в Колмогоровский интернат при МГУ из г.Калинина (в 10-й класс, 1964 год). Тогда было четыре подобных интерната на Советский Союз (в Москве, Киеве, Ленинграде и Новосибирске).

Летом (перед отъездом в Москву) первая самостоятельная поездка через Ленинград в Псковскую область, недалеко от Михайловского, на родину матери.

Интернат (1964)

На серой бумаге пришла «повестка» с вызовом в интернат, указан адрес и как добираться. Из Калинина ехал один. Интернат был расположен в районе Кунцево. 104-й автобус от метро «Филевский парк», Кременчугская улица. А можно и от Киевского вокзала на 45 автобусе. Рядом - такой же типовой интернат для умственно отсталых. Хорошее соседство. В принципе, за учебу в Интернате надо было платить, кажется 45 рублей в месяц. Но я учился бесплатно, поскольку семья наша считалась малообеспеченной, что не удивительно - к тому времени родились еще два моих брата Виктор и Валерий.

Самостоятельная жизнь в интернате. Директор - Кузнецов. Особая атмосфера, особые учителя. Конечно, попасть в такой интернат - большое везение. Там учили думать, самому находить решения. Любые справочники на экзамене - пожалуйста, пользуйся. Учили читать научную литературу, разбираться самостоятельно в сложных теориях. Олег Николаевич Найда (физик, классный руководитель), Евгений Гайдуков (математика), Татьяна Нечаева (литература с необычной программой - например, Шекспир, Блок, ранний Горький, Достоевский, сочинения с нестандартными темами - скажем, «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать»). Ахманова (автор англо-русского словаря) - преподавание английского, новая, эффективная методика, новые слова заносим на карточки, иногда уроки вели иностранцы. Юлий Ким (обществоведение), в нашем классе не преподавал, но однажды, когда заболел учитель, провел урок, рассказывал о Ленине, его последних работах. Было очень интересно, в необычном ракурсе представляли и сама революция и ее пролетарский вождь.

В октябре 1964 г. - снятие Хрущева. Мне было жалко, что его все ругают (ведь только что превозносили, и, казалось, искренне!). Непреходящая вера в коммунизм, правильность и героизм нашей истории остаются. В интернате впервые увидел самиздатский документ - запись суда над Иосифом Бродским. Поверить в его подлинность не мог. Такого в нашей стране быть не может - это же пародия на судью и на суд. Появились первые магнитофонные записи кумиров того времени - Битлз и Ролинг Стоунз, песни Высоцкого, все это знаем наизусть. Музыкальный ансамбль Кима, песни, спектакли - пользовались большим успехом. Я тоже участвую в его ансамбле (петь любил всегда).

И все-таки интернат - есть интернат. Там научился играть в карты: преферанс, покер и даже бридж. По выходным дням и воскресеньям, когда многие воспитанники (в основном, москвичи) уезжали по делам или к родственникам, все с нетерпением дожидались, пока откроется столовая. Задача - "заесть" лишнюю порцию, что значит плюнуть в "свободный" компот и сунуть вилку в незанятую порцию второго. И тогда можно пировать...

Семинары академика Колмогорова. Он, к тому же - страстный любитель и пропагандист классической музыки. В интернате была организована фонотека классики и можно было, сидя в полумраке, слушать любимую музыку. Так я узнал и услышал, например, Вивальди, Альбини, Глюка, Вагнера, Скрябина. Профессор Яков Смородинский, академик Кикоин - наши лекторы по физике.

Где-то ближе к выпускным экзаменам в интернат приезжают, не афишируя себя, сотрудники КГБ. Предлагают ребятам продолжить обучение в их структурах. Кто-то соглашается. Мне опять повезло - Бог меня уберег и ко мне не обратились.

Выпускной экзамен по физике (1966 год). Принимал Смородинский, а я не смог "вывести значение постоянной Ридберга из соображений размерности". Получил обидную четверку.

Физтех (1966 г.)

Двойной выпуск 1966 года (десятый и одиннадцатый класс). Конкурс довольно большой. Поступление в Физтех (г.Долгопрудный) на факультет химической и молекулярной физики. Пробовал поступать на ФОПФ (общая и прикладная физика), но не добрал один балл. Физтех тогда котировался очень высоко и был, пожалуй, лучшим физическим образовательным институтом в СССР. Свободное посещение при множестве сложных домашних заданий, специализация и практика в базовых научных учреждениях (после третьего курса). Из-за закрытости многих базовых институтов все студенты Физтеха имели допуск по форме №2, а процент принимаемых евреев был, видимо, строго фиксирован. При поступлении многое определяло собеседование (последний этап). Помню, как прекрасно сдавшего экзамен парня из нашего интерната не приняли по результатам собеседования из-за «пятого» пункта – видимо, квота была уже заполнена. Были случаи, когда поступал троечник, но с хорошей анкетой.

Жил на одну стипендию (45 рублей), которая в МФТИ была повышенной, летом старался подработать. Часто ездил в Калинин, общался там с друзьями. Дома драма. Родители разводятся. Мама уезжает вместе с новым мужем Валентином Алексеевичем Антоновым, шофером, в Таджикистан строить Нурекскую ГЭС. Забирает моих младших братьев - Витю и Валеру. Они там будут учиться в школе. Отец и брат Володя остаются в Калинин. Переживаю это тяжело, хотя рад за маму, которая, кажется, счастлива.

Необычная атмосфера в Институте. На экзаменах можно пользоваться учебниками и справочниками (как в интернате), классные преподаватели. Литературный клуб, студенческий театр, КВН,

студенческие бары в общежитиях (организовали у себя такой, торговал бутербродами и кофе - тоже способ подработать). Девушек в Физтехе мало, приглашаем на вечера из других институтов.

Встречи с замечательными людьми, приезжавшими в Физтех (Искандер, Ким, Окуджава, Таривердиев и Пугачева, известные артисты и литературоведы). Поездка в Ленинград (25 апреля 1967 года) на спектакль БДТ "Идиот" со Смоктуновским. Вместе со Светой Клинковской, в которую был влюблен еще в Калинин, в школе №26. После почти бессонной ночи в поезде смутное ощущение чего-то великого от игры Смоктуновского. До этого - огромное впечатление от фильма Козинцева "Гамлет". Книга "Гамлет" - одна из любимых, как и Шекспир в целом.

Первые суды - над Синявским и Даниэлем, потом над Гинзбургом, Галансковым, Добровольским и Лашковой, Хаустовым и Буковским прошли фоном, читал статьи в газетах, не очень понимая, что за этим стоит. Но уже было сочувствие, была информация из «голосов», слышал о письмах протеста. Все это - материал для последующих размышлений.

Театр на Таганке, были с Юркой Ярым-Агаевым, моим сокурсником, почти на всех спектаклях того времени (обычно доставали "лишний билетик"). Новая встреча с Кимом, участие в очередной постановке музыкального спектакля в интернате (ездил туда).

Студенческий театр - как школа политического взросления. Юрий Костоглодов - бывший физтеховец, наш режиссер и сценарист, учится в Литинституте на сценарном факультете. Юрий Ярым-Агаев, Владимир Вьюков - активисты театра. Самый замечательный спектакль, над которым долго в спорах работали, - "Убили поэму" (сценарий собственный, о деградации русской поэзии от "серебряного века" через цензуру и постановление "О журналах "Звезда" и "Ленинград" до "Поэзии рабочих рук" нашего времени). Главная в спектакле - фигура цензора, невзрачного человека в сером, который душит все творческое и живое. Горячие диспуты о российской (советской) истории в процессе работы над спектаклем. Интерес к источникам, протоколы партийных съездов (стараюсь найти и купить, прочитать и понять все). Болезненное прозрение, к которому я, впрочем, был готов: ведь я рос книжным, достаточно благополучным мальчиком, чем немало тяготился.

Другой спектакль чисто абстрактный, навеянный Беккетом - "Устрица в пустыне" (тоже собственный сценарий). Готовили к постановке "Роковые яйца" Булгакова. Тогда книга эта была полузапрещенная, имелось только ее первое издание, кажется, 20-х годов. Чтобы получить добро на постановку, отыскивали где-то в воспоминаниях Максима Горького фразу: «Очень живо написаны «Роковые яйца» Булгакова». Это все-таки одобрение официального классика. Встреча с женой Булгакова - Еленой Сергеевной. Рассказали о нашем замысле и получили ее благословение, но до спектакля дело так и не дошло. Первые постановки в театре. Обсуждение студентами-зрителями спектакля "Убили поэму" в присутствии представителя парткома, выступление однокурсника Анатолия Щаранского, откровенное и решительное. Эта вольница понравиться не могла. После нескольких спектаклей студенческий театр закрывает партком.

Группа “самиздатчиков” в Физтехе. Один из таких - Валерий Сендеров - потом, кажется, его выгнали. Горячий интерес к событиям в Чехословакии и Польше. Вывешиваем на факультете газетные вырезки из польских и чехословацких газет, сообщения о ситуации в Чехословакии. Читаю об этой стране все, что можно, собираю вырезки из газет, пытаюсь учить чешский язык. Слушание “голосов”, споры о ситуации в Чехословакии в летнем студенческом отряде (что-то строили под Загорском). Сочувствие и надежда, что там - получится.

Ввод войск в Чехословакию (1968)

Ввод войск в Чехословакию в день возвращения из студенческого отряда. Бессилие и отчаяние. Сообщение о вводе войск читаем на газетных стендах в Москве. Ходим с Юркой Костоглодовым по городу, настроение такое, что хочется найти демонстрацию протеста и присоединиться. Но везде тихо. Лишь у посольства Чехословакии крутится милицейская машина. Только через три дня информация о демонстрации на Красной площади - жаль, нас там не было. С этого времени – активная, с безоглядностью неопита, вовлеченность в правозащитную деятельность. Собираю библиотеку самиздата (хочется, чтобы все было под рукой). Первые номера “Хроники текущих событий”, которые увидел (это был третий номер о Чехословакии). Знакомство с новыми людьми из этой среды через Иру Якир (она - жена Юлика Кима).

Политический откат после Чехословакии. Закрытие клубов на факультетах и в общежитиях. Появление в самиздате работы Сахарова “О прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе”, идеологическая комиссия комитета комсомола Института, я в ее составе (делегировали свои ребята). Обсуждение в комитете комсомола отношения к книге Сахарова, которую никто не видел. Решили, что осуждают, но хотят почитать.

Тогда же вдруг я понял, что в нашей стране не заниматься политикой - непозволительная роскошь, рано или поздно она тобой точно займется. Это был для меня важный вывод.

Интерес к биофизике. Лекции А.С.Спирина в МГУ по молекулярной биологии. Ходили туда вместе с Сашей Вологодским, успешно сдали экзамен Спирина, потом Саша стал доктором наук и после перестройки уехал в Америку.

Приобщение к правозащитному движению (1968)

С конца 1968 года часто бываю у Юлия Кима и его жены Ирины Якир дома на Рязанском проспекте. Там и на квартире Петра Якира, на

Автозаводской, встречаю много разных людей. Это - один из центров правозащитной активности. Помощь в сборе материалов для Хроники, впечатлившая меня работа “Государство и социализм” Виталия Помазова (пытаюсь написать рецензию для “Хроники”). Знакомство с группой студентов вокруг Ирины Якир (Ира Каплун, Люда Кордасевич, Ольга Иофе, Таня Хромова). Читаю много самиздатовской и философской литературы, передаю ее своим друзьям, стараюсь оставить копию и для себя - страсть к собирательству, а значит стараюсь найти пути ее размножить (неплохо, хотя и двумя пальцами, научился печатать на машинке - потом сильно пригодилось в жизни). Гена Ноткин, тоже бывший физтеховец, организовал даже фотолабораторию на дому для размножения таких книг. Лучшие книги - Джилас “Новый класс”, Авторханов “Технология власти” - там есть анализ. Как-то забыл в столовой Физтеха пачку фотографий с копией книги Джиласа. Утром валялись там же, лишь слегка разворошенные уборщицей - пронесло. Документы недавно созданной Инициативной группы, письма протеста, хроники, статья Григоренко “Соккрытие исторической правды - преступление перед народом” - мои учебники того времени. Книга Некрича о начале войны, стенограмма ее обсуждения, в котором участвовал и Петр Якир. Некоторые материалы (в частности, книга Авторханова) попадают через меня моим знакомым в Калинин (Виктору Кипровскому - моему бывшему соученику).

Тут же и художественная литература. Сначала Булгаков (“Мастера” читал с восторгом в Москве в Некрасовской библиотеке в журнале «Москва», за которым стояла очередь), затем - первые книги Солженицына, сначала легальные, в журнале «Новый мир» (еще в интернате), теперь - самиздат. “Раковый корпус”, “В круге первом” (давали на одну-две ночи), его письмо съезду писателей (16 мая 1967 года), его пятидесятилетие (11 декабря 1968 года), фотография с юбилейной надписью - распространенный сувенир в домах интеллигенции. Где-то через год (4 ноября 1969 года) его исключение из Союза писателей, все это и многое другое читается, обсуждается. Большое впечатление произвела на меня книга Орвела “1984”, понял, что каждого человека можно сломать, нужно только найти его самое слабое место.

Конец 1968 года, 9-11 октября, суд над демонстрантами на Красной площади. Маленькое здание суда на Серебрянической набережной Яузы. Конечно, никого, кроме родственников, не пускают. Погода мерзкая, дождливая. Я там, у здания, провожу все три дня, пытаюсь даже вести запись своих впечатлений. Своего рода боевое крещение, которое многое мне дало. Знакомство у суда с генералом Григоренко, Татьяной Ходорович и многими другими известными правозащитниками. Провокации «случайно» оказавшихся там «сознательных», но подвыпивших рабочих, споры об “интернациональной помощи” Чехословакии у здания суда с прохожими и некоторыми людьми в штатском. Среди этих штатских вижу одного из наших интернатовцев, - теперь он работает на КГБ.

Весной 1969 года небольшой группой (Петр Якир, Илья Габай, Ира Якир, Таня Хромова, Юлий Ким) идем в поход по русским деревням в поисках пропадающих икон. Петр Якир - большой их ценитель и

собиранье. Знакомство с Ильей Габаем, очень талантливым и умным человеком, его стихи.

В мае 1969 года сообщения об аресте Петра Григоренко и Ильи Габая за их поддержку крымско-татарского движения. Один будет признан невменяемым и на долгие годы отправлен в Черняховскую спецпсихбольницу, другой получит три года по ст. 190-1, отсидит их и покончит с собой вскоре после освобождения (1973 г.).

Случайная встреча с Олегом Николаевичем Найда, моим учителем физики в интернате, споры о социализме (я еще пытаюсь его защищать, он доказывает, что социализм вреден и обречен). Листовки, которые разбрасывали итальянские туристы в ГУМе, в защиту арестованных в Советском Союзе (в частности, Гинзбурга и Галанскова). Знакомство с итальянцами на квартире Якира.

Тем же летом побывал в Нуреке у матери. Посмотрел на ударную стройку Нурекской ГЭС, увидел Таджикистан. Жара 40 градусов, ишаки, халаты и тюрбаны, горы, на которые очень люблю лазить, местный национализм и опасения русских. Палаточный городок строителей, пыль и огромные туннели. Все ново и интересно.

Первая встреча с КГБ (сентябрь 1969)

Поездка в Калинин перед началом учебного года. Узнаю о том, что Витю Кипровского (мы вместе учились в 26 школе) вроде бы вызывали в КГБ, а ведь ему я оставил почитать книгу Авторханова "Технология власти". Он темнит, ничего не рассказывает. Дело явно нечисто. Дома целый чемодан самиздата в шкафу. Решаю перед отъездом в Москву отнести его Володе Тишину (хороший знакомый по театральному кружку во Дворце пионеров, с которым мы не раз обсуждали ситуацию в Советском Союзе). Он в курсе моей деятельности. Ночью передаю в городе чемодан ему и возвращаюсь домой - утром в Москву, в Физтех, на занятия. Рано утром звонок в дверь. Дома, кроме меня, никого. Человек в штатском представляется и предлагает проехать с ним в КГБ. Допрос целый день. Книга Авторханова у них, и Кипровский написал объяснение, от кого он ее получил. Вопрос один: "Кто дал?". Говорят о Якире и Киме, подсказывают ответ, но я из упрямства ничего не признаю. Стараясь повлиять на мое поведение, вызывают с работы отца, оставляют наедине. Он растерян и напуган, пытается меня уговорить. Я же прошу его забрать все, что у меня в карманах (была листовка итальянских туристов и еще что-то). Он все покорно забирает. Затем вместе с кагэбэшниками едем домой, я обещаю отдать все, что у меня есть (вернее, что осталось). В шкафу нахожу папку с оставшимся литературным самиздатом, собираюсь отдать, но вижу, что сверху - о, ужас!, - аккуратно пронумерованный список всего моего "чемоданного" архива. Как-то ухитряюсь засунуть его в карман и разорвать в туалете. Забрав скудный улов, гэбэшники меня отпускают. Пока.

Еду в Москву, к себе в общежитие Физтеха, понимая, что учиться мне осталось недолго - все равно не дадут. Первые месяцы четвертого

курса косвенно это подтверждают. Меня не пускают на практику в базовый институт, где я собирался заниматься биофизикой. Институт закрытый и они все тянут и тянут с разрешением на допуск. Пришлось перевестись в Институт проблем механики, туда было можно.

Последние месяцы на свободе (сентябрь - ноябрь 1969 г.)

В то время стали ясно видны попытки властей исподволь вести к реабилитации Сталина (вновь появились статьи в журналах о его величии, фильмы, передачи). Отсюда родилась у нас идея напечатать листовки к 90-летию со дня рождения Сталина (к декабрю). Содержание - о его истинной роли в Великой Отечественной войне. Во многом по материалам статьи Григоренко "Соккрытие исторической правды - преступление перед народом", а также книги Некрича. Инициаторы - группа студентов, о которой я уже упоминал, - обсуждали, как разбрасывать листовки, чтобы не попасться (для этого придумывали специальные разбрасывающие устройства и особые места). В ночь с 7 на 8 ноября мы собираемся в квартире у Ирины Каплун (ее мама и тетя ушли в гости - праздник) и печатаем на машинке более 250 экземпляров листовок (в перчатках, по очереди). Ира и Ольга Иофе - ветераны: они еще в школе попадались с листовками. Готовые листовки я для пущей сохранности отвез в Калинин и передал Володе Тишину, у которого уже хранился мой чемодан с литературой. Позже собираемся дома у Тани Хромовой в Черкизово обсудить детали операции. Таня, элегантная и красивая, была тогда студенткой Историко-архивного института и мне очень нравилась. Возле ее дома были замечены какие-то подозрительные типы, но мы этому серьезного значения не придали. Как потом оказалось, зря.

26 ноября 1969 года в Харькове был назначен суд над Генрихом Алтуняном, членом первой Инициативной группы по правам человека в СССР. На суд собиралась поехать Ирина Якир. Я вызвался сопровождать ее. Задача - попасть на суд, получить информацию о том, что там будет происходить, для Хроники текущих событий. Новые знакомства (Владислав Недобора, Владимир Пономарев, Леня Плющ, Аркадий Левин и др.) Зал суда, как всегда, набит заранее приглашенной "общественностью", которая в ожидании зрелища лениво читает газеты или живо обсуждает результаты вчерашней игры киевского "Динамо". Мест нет. Наша группа приносит дополнительные стулья и усаживается в проходе. Мне же удается сесть прямо в ряды общественности на место заскучавшего и покинувшего зал ее представителя. Вяло поддерживая дискуссию о футболе, я дождался начала судебного заседания. Тут то и выяснилось преимущество моего положения - судья приказал убрать все лишние стулья, которые мешают нормальному ходу процесса (конечно, вместе с лишними людьми). Так я один в первый раз попал на политический процесс. Пытался незаметно записывать ход заседания, в перерыве передавая запись своим. Алтунян вел себя замечательно, получил свои три года по 190-1 (украинский номер статьи другой, конечно).

Вечером после суда собрались на квартире Вадима Недоборы, чтобы обработать записи. За нами, естественно, следили и вскоре нагрянули с обыском и проверкой документов. Вадима, нас с Ирой и Леню Плюща увозят, записи отбирают, но кое-что удалось спрятать. Обыск и допрос в местной прокуратуре. У Лени Плюща отбирают книжку Рабиндраната Тагора “Национализм” (подозрительное название). Вадима задерживают на трое суток, нас отпускают. Позже, в декабре, Володя Пономарев и Владик Недобора будут арестованы и в марте 1970 года получают положенные три года за распространение клеветнических измышлений. А мы летим обратно в Москву. Надо восстановить остальные записи, пока все еще свежо в памяти.

Первый арест. Лефортово

30 ноября 1969 года, встреча на квартире Юлика Кима на Рязанском проспекте. Разговор о листовках, Юлик и Ирина доходчиво объяснили нам всю опасность и бесперспективность нашей затеи. В результате мы решили отказаться от намеченной акции. На пути к метро меня задерживают. Двое хватают за руки, рядом машина (“А, Слава, мы сейчас тебя подвезем”). С собой сумка с самиздатом, записи процесса над Алтуняном. Наивно пытаюсь ее выбросить, но опытные чекисты не позволили. Едем в машине (двое по бокам) на Малую Лубянку, время - около полуночи. Встречает импозантный веселый мужчина лет сорока пяти, Зайцев Юрий Анатольевич, майор КГБ, следователь по особо важным делам. Сумку с бумагами забирают. Я пытаюсь отстаивать свои права и требую постановления о проведении личного обыска. В ответ ироничная усмешка: “Какие права! Я тебя задерживаю. Теперь тюрьма тебе - родной дом”. Обыск, составление протокола, все изъятые документы тщательно переписаны, окончили далеко за полночь. Везут в Лефортово. Вспомнился роман “В круге первом”. Первый арест, встреча с Лефортово описаны там очень похоже. Глухие двойные ворота, пощелкивание конвоиров, ковровые дорожки, скрадывающие шаги надзирателей, боксы в подвале, раздевание и тщательный осмотр дамой в белом халате и, наконец, одиночная камера.

Все случилось неожиданно. Не столько страшно, сколько обидно, что почти ничего не успел. И мысли: а как там, на воле, знают ли, что случилось.

Что было на следующий день? Обыски, у друзей, у всей нашей команды. Арестовали еще двоих: Ирину Каплун и Ольгу Иофе - обе студентки МГУ (у них что-то нашли). Таня Хромова умудрилась накануне отдать весь «компромат» случайно заглянувшей к ней школьной подруге. Поэтому обыск у нее ничего не дал, ее не арестовали, хотя и мучили допросами. Листовки - похоже, главная причина, не переносят их в КГБ. Обыск в общежитии Физтеха, в моей комнате. Для начальства (ректор - Белоцерковский) это потрясение (институт считался “закрытым”, а тут такой прокол - не углядели). На обыске на всякий случай брали все подряд (в протоколе: бутылка с красной жидкостью и надписью “чернила”, крышка от чайника, запасной шрифт для пишущих машинок и т.п.). Слухи по Физтеху: “У Бахмина шрифт нашли!”.

Лефортово, как лучшая тюрьма Советского Союза. В это время - полупустая. Построена еще при Екатерине в форме буквы К, к большой палочке которой (буквой П) был позже пристроен следственный корпус. В центре во дворе пространство, где были расположены прогулочные дворики с шершавыми бетонными стенами (надпись не оставишь), над которыми помост для “вертухая” - следит, чтобы не переговаривались или не перебросили что-нибудь в соседний дворик. Позже поверху натянули стальные сетки.

Первые ощущения. Шум аэродинамической трубы (ЦАГИ по соседству), аккуратные камеры на двоих или троих. Жесткий режим безопасности (каждую минуту смотрят в глазок, стекла нигде нет - только пластик, металлическая посуда должна быть на виду, руки ночью поверх одеяла). Ручки не положены – только карандаши. Из тетрадей вытаскивают скрепки, а из ботинок - шнурки. Походы в баню (каждые десять дней), бритье каждые два-три дня (приходит парикмахер) и ежедневная часовая прогулка. Изоляция, вежливость персонала (со всеми на Вы). Радио нет. Газета “Правда”, которую передают из камеры в камеру, единственный (и не лучший) источник информации о том, что там на воле. Поэтому читается полностью, вплоть до состава редколлегии. Питание (после студенческого) вполне сносное для тюрьмы: в основном каши (самая вкусная - гречневая), картошка, иногда дают кусочек мяса или рыбы. Хлеб черный, чай - полусладкий. Раз в две недели ларек - всего на 10 рублей в месяц. Берем сыр, масло, белый хлеб, сахар. В жару сыр и масло заливаем холодной водой и храним в миске под кроватью (вместо холодильника). Раз в месяц положена передача с воли (фрукты, лук, чеснок, колбаса, сладости - до пяти килограммов) и, неограниченно, денежные переводы.

Камера небольшая, с двумя (иногда тремя) железными кроватями, сверху тонкий матрас, белье (чистое!) и суконное одеяло с ватной подушкой. Спать жестко, подкладываю вниз пальто, но потом - привыкаю. Люблю сидеть один, но это не положено и случается редко.

Соседи самые разные. Пожалуй самый запомнившийся - Панасюк, известный переводчик с китайского. Он подрабатывал на Главпочтамте, разбирая прошедшие таможенную почту письма из-за границы с непонятными адресами, иногда выуживал из этих писем незаконную валюту. Когда попался, выяснилось, что выудил больше, чем вся таможня за это же время. Таможней тут же занялись, а по какой статье судить его долго не могли решить. Пока же бедняга целыми днями рисует иероглифы - чтобы не забыть. Был еще фальшивомонетчик - скорее всего, подсадной, который рассказывал фантастические байки по своему делу, а заодно убеждал меня, какой плохой Петр Якир. Где-то в это же время, как я потом узнал, сидела и Лера Новодворская, попавшая в Лефортово за разбрасывание в Кремлевском дворце съездов своих стихотворных листовок с рефреном: “Спасибо, партия, тебе...”.

В Лефортово - удивительная библиотека. Говорят, она образовалась из конфискованных в свое время у “врагов народа” книг, и в ней можно найти много замечательного. Немало книг издательства “Академия”, масса дореволюционных изданий. Свободного времени в камере хватало, и мне удалось законспектировать историю Рима и Греции, познакомиться с Метерлинком, прочитать воспоминания

Короленко, русскую и мировую классику, что существенно пополнило мое образование. Получив разрешение следователя Зайцева (без него давать опасались), прочитал третье собрание сочинений Ленина (красная обложка, под редакцией Каменева). Особенно ценны в этом издании примечания, не искаженные последующей цензурой. Чтение Ленина спасает, потому что трех книг на 10 дней, что дают в местной библиотеке, явно не хватает. Читаю внимательно, конспектирую, фигура Ленина предстает в неожиданном свете, как жесткого, беспринципного политика и слабого философа.

Изматывающие, но доверительные по интонации допросы. Мой следователь Зайцев - руководитель группы следователей. Любит “как сына”, ненавидит евреев - “зачем ты с ними связался”. Передал в камеру книгу Иванова “Осторожно - сионизм”. Пытается перевоспитать. Объясняет, что все репрессии 37-го года на совести евреев, которые в то время доминировали в органах. У Иры - следователь майор Мочалов (явно из бывших, грубый и неприятный), у Ольги - молодой лейтенант Носов. Наше поведение (виновными себя не признаем, но о листовках рассказываем). Поиски машинки, на которой печатались листовки и которая хранилась у физтеховцев (не нашли).

В мае 1970 года проводится судебно-психиатрическая экспертиза в Институте им. Сербского. У меня экспертиза амбулаторная, у Ольги и Ирины - стационарная (несколько недель). Тесты и беседы, искреннее непонимание психиатров, зачем я гублю свою жизнь (одна из экспертов - Тальце). “Инфантилизм” как диагноз, но вменяем. Ольгу признают невменяемой. 20 августа суд над Ольгой в ее отсутствие. Я и Ирина вызваны в качестве свидетелей, но друг друга не видим. Плакат-коллаж против Брежнева как пункт обвинения на суде (сделала Таня Хромова, но на следствии она так и не дала никаких показаний). Направление Ольги в спецпсихбольницу в Казань по решению суда. Туда же, позже, попала Новодворская, где Ольга с ней и встретилась.

Конец следствия, свидание с отцом. Кажется постаревшим. Адвокаты (у меня - Швейский), как принято, приносят с собой на свидание всякую вкусную еду. Знакомство с делом и обвинительным заключением. В обвинении листовки уже не присутствовали, оставалось лишь распространение и хранение антисоветской литературы (Джилас, Авторханов и др.).

Формально дело начинается с заявления Володи Тишинина, моего знакомого еще по театральной студии, где он рассказывает о нашей “антисоветской” деятельности, о листовках и, как честный советский человек, выдает чемодан с запрещенной литературой и листовки. Конечно, написал он это не добровольно. Видимо уже несколько лет был на крючке у КГБ. Еще давно, когда я учился в интернате, а он служил в подводном флоте, мы затеяли с ним ради интереса переписку зашифрованными письмами (как у Жюль Верна). Писать шифрованные письма на подлодку - до этого надо было додуматься! Видимо, уже тогда с ним провели соответствующую беседу. Все последующие наши контакты уже были под контролем чекистов и даже снимались на пленку. Уже потом, после освобождения, я получил от него покаянное письмо, где он объяснял, что его, якобы, тоже арестовали, кормили какими-то препаратами, чуть ли не пытали, и он не смог устоять. Следующий раз я

встретил его уже во времена перестройки, он продавал в электричке Москва-Тверь газеты партии “Демократический Союз”. Сам он печатался в этих газетах и был одним из лидеров Демсоюза в Твери. Рассказал мне, что тоже отсидел свое по 190-1. Хочет уехать из страны, только вот денег не хватает. Где он сейчас - не знаю.

После ознакомления с делом наступили дни ожидания суда. 24 сентября неожиданный вызов во время ужина. Ведут на второй этаж следственного корпуса, Зайцев словно именинник, сияет. Присутствуют какие-то два незнакомца в штатском. Поздравляют. Объявляют о помиловании меня и Ирины Каплун Указом Президиума Верховного Совета (до суда) по ходатайству КГБ и Генеральной Прокуратуры СССР - беспрецедентная и, вообще-то, незаконная акция. Странно помиловать человека, которого суд еще не признал виновным. Освобождение - своеобразный подарок мне ко дню рождения (25 сентября). Напутствие КГБ - «поезжайте в Калинин, устраивайтесь на работу, держитесь подальше от прежних друзей». Зайцев потом: “Вы не знаете, с какими важными людьми вы говорили”. Возвращаюсь в камеру и на глазах обалдевшего сокамерника собираю вещи. На свободу!

Нежданная свобода и жизнь в Москве (1970 - 1975)

Некоторое время заняли формальности: выдали справку об освобождении, какие-то деньги, что еще оставались на счете. Выпускают через ворота, когда уже стемнело. Вечером один перед зданием тюрьмы, помню только телефон Якира. Там - Валентина Ивановна, его жена, сообщает, что все собрались на квартире Ирины Каплун, ее выпустили немного раньше. Беру такси (деньги-то выдали!) и еду по вечерней Москве, от которой уже отвык. Встреча с друзьями на квартире Ирины Каплун. Есть и незнакомые лица (здесь, например, первый раз встречаюсь с Валерием Чалидзе). Нас все радостно приветствуют. На следующий день еду в Калинин, домой. Через несколько дней вновь в Москву. Последняя встреча с Зайцевым в его кабинете, возвращает мне некоторые изъятые ранее вещи (включая крышку от чайника и чернила). Из института меня, конечно, исключили - «за непосещение занятий». Надо как-то жить дальше. КГБ пытается удержать меня в Калинин, подальше от вредного московского влияния. Помогают даже найти работу в Институте Химволокна, но не помню, работал ли я там хоть один день. Регулярные визиты в Москву, семья Иофе, где я часто бываю. Знакомый врач Леонард Терновский проводит для меня во втором медицинском институте, где он работал, рентгеновское обследование (живот побаливал). Находит язву двенадцатиперстной кишки - результат пребывания в Лефортово.

Свадебное зимнее путешествие в Таллин и женитьба на Татьяне Хромовой (февраль - март 1971), переезд в Москву (который реально состоялся раньше). Первая работа, временная, в Институте биофизики (лаборант). Отпускаю бороду, с которой потом не расстанусь. Весной - попытка взять меня в армию. У меня на руках результаты обследования с диагнозом Терновского, но этого недостаточно. Направляют от военкомата на стационарное обследование в больницу. Диагноз язвы

подтверждается (в апреле). Получаю освобождение с формулировкой “годен к нестроевой в военное время”.

Исключение из комсомола на заседании комитета комсомола в Физтехе, слушали меня с большим интересом и даже сочувствовали, но голосовали единогласно. Встреча с бывшими однокурсниками. Друзья физтехи - это надолго, они еще не раз помогут мне и моей семье. В том же 1971 году поступил заочно в Московский экономико-статистический институт на специальность «Автоматизированная обработка экономической информации», который и закончил в 1974, получив диплом о высшем образовании.

Беседы с «куратором» из КГБ (Булат Базарбаевич Каратаев). Он иногда вызывает и ведет душещипательные разговоры, предлагает помощь. У них это называется профилактика, мне же эти встречи пока не мешают. Освобождение Ольги Иофе из психбольницы (в 1978 году она и ее семья эмигрировали из СССР, Ольга поселилась в Париже, работает в газете “Русская мысль”). Работа в ИНЭУМе - Институте электронных управляющих машин, сначала лаборантом, потом программистом. Володя Крайтман - экономист, с которым надолго остались хорошие отношения, Марина Сосинская - мой начальник в ИНЭУМе. Рождение сына Андрея (15 марта 1972 года). Журнал “Квант”, где я иногда печатался, переводя и переделывая интересные статьи из иностранных журналов, и Марк Львович Смолянский (дядя Ирины Каплун, тогда работавший в том же журнале). Чтение самиздатовской литературы, философской (Бердяев, Соловьев, Булгаков), по истории Советского Союза, продолжаю собирать стенограммы съездов КПСС (некоторые не переиздавались). Гибель матери (утонула в водоеме) и поездка на ее похороны в Нурек (лето 1972 года).

Отказники и отъезды знакомых на Запад, прощаемся, понимая, что навсегда. Здания судов, квартиры отъезжающих - постоянные места встреч правозащитников, там начинаются знакомства и налаживаются связи. Арест Буковского (29 марта 1970), с которым так и не удалось тогда познакомиться. Суд над ним в январе 1972 года в помещении Люблинского суда, Нина Ивановна, его мать. Всех потрясший арест Якира, которого долгое время не трогали, и Красина. Допросы, их сотрудничество со следствием и попытки повлиять на оставшихся на свободе. Процесс над ними (1973 г.). Пресс-конференция и покаяние в “грехах”, широко освещавшиеся советской прессой. Приезд Никсона летом 1972 года в Москву, Ленинский проспект, где я работал, очищенный от прохожих и странно пустой ярким летним днем. По дворам стоит оцепление, никого не пускают (так демонстрировалось осуждение американской политики советским народом). В октябре 1972 года суд в Ногинске над астрофизиком Кронидом Любарским. Знакомлюсь там, у здания суда, на котором висел амбарный замок, чтобы не было посторонних, с Еленой Боннэр, женой Сахарова. Обрато едем вместе на электричке.

В августе 1973 года обыск на квартире по делу №24. Пришли ночью, часа в два, вместе с моим «куратором» Каратаевым. Постановления на обыск не было. Искали что-то всю ночь. Кроме обычного самиздата, ничего не обнаружили.

Знакомство с Сахаровым. Это было время, когда против него разворачивалась газетная кампания. Как-то к нему пришли незнакомые арабы и, представившись членами палестинской организации “Черный сентябрь”, стали требовать прекращения деятельности, угрожая ему и членам его семьи (октябрь 1973 г.). Угроза, кажется, потом не повторилась, но все же знакомые старались на всякий случай Андрея Дмитриевича в его передвижениях сопровождать. Меня несколько раз просили побыть с ним вместе во время его прогулок. Разговоры нейтральные, вспоминает старую Москву. В это же время началась и травля в прессе Солженицына.

Помощь правозащитному движению. Подписываю разные письма. Участие в демонстрациях на Пушкинской площади и превентивные меры властей. Как-то день просидел в опорном пункте милиции - взяли сразу при выходе из дома. Татьяна Сергеевна Ходорович, Зинаида Михайловна Григоренко - люди, которым старался помогать в их повседневных заботах. 19 сентября 1973 года Петра Григоренко перевели из Черняховска в подмосковную психиатрическую больницу на станции Столбовая (Столбы). Поездка в эту психбольницу и встреча с Петром Григорьевичем после долгих лет его заключения. Летом 1974 года его освободили.

Арест и высылка Солженицына (13 февраля 1974 года), посещение вместе с Зинаидой Михайловной Натальи Солженицыной перед ее отъездом. Участие в распространении самиздата. “Москва - Петушки” Венички Ерофеева (книгу я сам полностью перепечатал). Стихи Пастернака, Ахматовой, Мандельштама, стихи, проза и письма Цветаевой. Песни Галича и книга его стихов и песен (тоже мною перепечатанная), подписана им для меня накануне его отъезда (после концерта на квартире Иофе - 1974 год). Начало работы в СССР Русского фонда помощи политзаключенным, основанного Солженицыным (апрель 1974 года). Во главе - Алик Гинзбург.

Знакомлюсь ближе с Ковалевым и Великановой. Распространение копий книги “Архипелаг ГУЛАГ”, помощь в сборе информации для Хроники. Шантаж КГБ по поводу издания Хроники. Они обещают арестовать Анатолия Якобсона, если выйдет еще один номер. Перерыв в 18 месяцев, потом - в мае 1974 г. возобновление Хроники после заявления Ковалева, Ходорович и Великановой, что они берут ответственность за выпуск издания на себя. Арест Ковалева в декабре 1974 года. Закончилась и моя «профилактика» - «куратор» из КГБ больше не вызывает: мы разругались из-за его вранья по поводу Бухарина, который для них по-прежнему шпион, недостойный упоминания в Советской Энциклопедии. Нобелевская премия мира Андрею Дмитриевичу Сахарову (9 октября 1975 года). Суд в Вильнюсе над Сергеем Ковалевым, на который ездил Сахаров.

Работа в институте “Информэлектро” после ИНЭУМА программистом (с 1973 года). Я попал туда вместе с группой сотрудников из ИНЭУМа. Мы все были программистами и на новом месте работали на французской машине IRIS. Начальник группы - Марина Сосинская. В организации сложилась особая, т.е. нормальная атмосфера, люди доверяли друг другу и не надо было кого-то бояться. Оттуда вышло много участников и активистов демократического

движения. Гуля Романова, Ира Гривнина, Алла Хромова (сестра Татьяны), Ирина Филатова, Марина Румшиская - всех я даже и не знаю. Немало было просто сочувствующих. Занимались там, в частности, машинным переводом и структурной лингвистикой (Игорь Мельчук). Потом многие ученые эмигрировали.

Начало Хельсинкского движения

Заключительный Акт СБСЕ (1975 г.). Создание Московской Хельсинкской группы: Юрий Орлов, Петр Григоренко, Анатолий Марченко, Люда Алексеева, Анатолий Щаранский, Алик Гинзбург, Елена Боннэр и др. (12 мая 1976 года). Сразу же - предупреждение Орлову со стороны КГБ.

Обмен Буковского на Корвалана, я - доверенное лицо Нины Ивановны Буковской. Ее проводы на военный аэродром на Чкаловской вместе с Верой Лашковой и Ириной Якир (18 декабря 1976 года). Вместе с Ниной Ивановной, после долгих препирательств, на поле аэродрома разрешили проехать только Ирине, которая и увидела Володю Буковского: его на мгновение высунули из двери самолета, закованного в наручники. Потом мы долго добирались до ближайшей железнодорожной станции, пока остальные вместе с иностранными корреспондентами ждали Буковских в Шереметьево (прошел слух, что самолет вылетит оттуда).

На следующий день меня вызывают в отдел кадров «Информэлектро», где двое в штатском из КГБ просят передать им ключи от квартиры Нины Ивановны - они должны сделать опись оставшегося имущества. Между тем, у Нины Ивановны оставался российский паспорт и права на квартиру, в которой она проживала. Предчувствуя такой поворот событий, я до разговора ключи отдал жене, которая срочно приехала ко мне на работу, и честно заявил, что их у меня нет. Поехали на квартиру и, в конце концов, в присутствии милиционера дверь взломали, описали все, что там оставалось, а мне как доверенному лицу разрешили забрать то, что мы с друзьями смогли унести. Потом мебель была перенесена в подвал, а квартиру через несколько дней кому-то передали (декабрь 1976 года). И еще довольно долго я пересылал книги Буковским в Швейцарию, на их новый адрес, а мебель раздали знакомым.

Знакомство с Александром Подрабинеком, его отцом и братом Кириллом. Книга Подрабинека “Карательная медицина” о злоупотреблениях психиатрией, которую он долгое время готовил и передал летом 1977 года на Запад для опубликования. Разговор с Григоренко о создании при Московской Хельсинкской группе Рабочей Комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях. После недолгих раздумий я согласился в ней участвовать. Это был уже новый уровень видимости, который, как я понимал, должен был рано или поздно привести к аресту.

Пресс-конференция, на которой объявлено о создании Рабочей Комиссии (5 января 1977 года). В нее вошли Вячеслав Бахмин, Ирина Каплун, Александр Подрабинек, Феликс Серебров и Джемма Бабич (Квачевская). Консультанты Рабочей Комиссии - Петр Григорьевич

Григоренко и адвокат Софья Васильевна Каллистратова. Джемма Квачевская, однако, вскоре перестанет участвовать в работе группы. С самого начала мы договорились, что в Рабочую Комиссию входят только те, кто сам не подвергался психиатрическим репрессиям и кто не собирается эмигрировать.

Аресты членов Хельсинкской группы. Первым арестовали Александра Гинзбурга. Орлов скрывается. Затем арест Орлова. Отъезд Люды Алексеевой за границу. Статья Липавского (провокатора) против А.Щаранского в газете "Известия". Демонстративно «плотная» слежка за Щаранским. Арест Щаранского и обвинение его в шпионаже (март 1977 года).

Рабочая Комиссия (январь 1977 - февраль 1980)

Первые выступления Рабочей Комиссии в защиту жертв психиатрических репрессий. Начало издания Информационного бюллетеня (июнь 1977 года).

Идея издавать бюллетень оказалась очень удачной. Поначалу мы не планировали регулярных выпусков - хотелось только, чтобы уже собранная информация была как-то объединена и оформлена. Потом Бюллетень стал объединяющим и мобилизующим центром нашей деятельности. На обложке издания печатались адреса и телефоны всех членов Комиссии, а экземпляры Бюллетеня регулярно посылались в Минздрав, Прокуратуру СССР, во Всемирную психиатрическую ассоциацию, в посольства ряда стран - участниц Хельсинкских соглашений. Текст Бюллетеня передавался по радиостанции «Свобода» вместе с нашими адресами. Благодаря этому письма к нам шли из самых дальних районов Советского Союза. В конце каждого выпуска мы приводили исправления и дополнения к опубликованной ранее информации, а в сопроводительных письмах в официальные органы просили, чтобы нам сообщали о тех ошибках и неточностях, которые вполне возможны в изданиях такого рода. Конечно, такое издание вызывало у властей только раздражение, что мы скоро и почувствовали. 27 апреля 1977 года было возбуждено уголовное дело против Феликса Сереброва за найденные «подчистки» в трудовой книжке, сделанные когда-то и неизвестно кем («использование заведомо подложного документа»). Арест Сереброва (август) и приговор: один год лишения свободы (12 октября 1977 года). Подготовка к конгрессу Всемирной психиатрической ассоциации в Гонолулу, обращение к участникам конгресса Рабочей Комиссии, результаты конгресса: деликатное осуждение Советского Союза, создание специальной комиссии при Всемирной психиатрической ассоциации.

Сотрудничество с Фондом помощи политзаключенным, отправка посылок и переводов в психбольницы (если адресата в больнице нет, то перевод возвращается - так узнаем, кто где содержится). Составляем картотеку, делаем ее в двух экземплярах и храним в разных местах на случай обыска. Помощь Ирины Гривниной и ее мужа (у нее на квартире - наш штаб), Аллы Хромовой, Димы Леонтьева (он - сосед Гривниной,

иногда давал нам пристанище). Александр Волошанович - консультант-психиатр и наша собственная психиатрическая экспертиза.

Я и Ирина Гривнина занимаемся английским языком - берем уроки у частного преподавателя. Это пожилая женщина, которая по привычке брала с нас по трешке за урок и относилась к нам с большой симпатией, когда-то готовила коминтерновских шпионов, занимаясь с ними разговорным английским по своим тетрадам, в которых был изложен оксфордский курс. Теперь по этим тетрадам обучались мы. Эти уроки дали мне очень много.

10 октября 1977 года обыски по делу №24 у меня, Ирины Каплун и Александра Подрабинека, у его родственников. У меня изъяли, в частности, изданную стенограмму 17-го съезда партии и картотеку Рабочей комиссии. Маленький Андрей с интересом наблюдал, как «чужие дяди» роются в моих книгах и бумагах. «А почему мои книжки не смотрят?», - поинтересовался он. Ответила жена: «Ничего, вот подрастешь, и твои посмотрят».

14-го октября еще один обыск у брата Александра Подрабинека - Кирилла. 1 декабря - шантаж семьи Подрабинеков (предложили уехать всей семье в течение 20 дней, иначе арестуют Кирилла, у которого на обыске нашли несколько мелкокалиберных патронов и переделанный для стрельбы такими патронами пистолет для подводной охоты). Саша Подрабинец отказывается уезжать и собирает пресс-конференцию, где объявляет свою позицию («это моя Родина, пусть уезжают они»). Непрерывная слезка за Александром Подрабинеком. Арест (29 декабря) и осуждение Кирилла Подрабинека на 2,5 года за «хранение оружия» (14 марта 1978 г.).

Установка подслушивающего устройства в нашей квартире (телефон прослушивался уже давно), теща - Нина Андреевна - просидела целый день в опорном пункте милиции под выдуманном предлогом, а соседей сверху попросили уйти на день, чтобы помочь службам безопасности (в награду - коробка конфет).

Выход из Комиссии Ирины Каплун в феврале 1978 года. Приезд профессора Гарри Лоубера из Британского Королевского колледжа психиатров, который обследовал некоторых бывших политзаключенных психиатрических больниц. Посещение им больницы им.Кашенко, где находился один из наших подопечных Евгений Николаев (14 апреля 1978 г.). Обыск Гарри в аэропорту на обратном пути - отобрали адреса и фотографии (позже по телефону из Лондона: «Слава, меня обшмонали»).

Тотальная слезка за Подрабинеком - предвестник ареста. Виктор Орехов (сотрудник КГБ, решившийся помогать диссидентам) через Марка Морозова предупреждает Подрабинека об аресте. Сашу забирают накануне суда над Юрием Орловым (14 мая 1978 года). Обыск у меня на следующий день, вступление в Комиссию Леонарда Терновского (24 мая). Допросы по делу Александра Подрабинека, поиск адвоката (я - доверенное лицо Саши). Английский адвокат Блом-Купер взялся защищать Подрабинека, но визу ему, конечно, не дают. Слушания свидетельских показаний по делу Подрабинека в Лондоне (13 июля). Суд над Подрабинеком за его книгу «Карательная медицина» и приговор - 5 лет ссылки (15 августа 1978 г.). Ссылают в Чуноу (с января 1979 г.).

Первая большая пресс-конференция по итогам суда над Подрабинеким и обнародование результатов наших экспертиз (27 экспертных заключений). Представление Александра Волошановича как нашего эксперта-психиатра (16 августа 1978 г.). Образование при Всесоюзном обществе психиатров и невропатологов комиссии, которая собралась заниматься случаями, описанными Волошановичем. Однако попытки сотрудничества с этой комиссией кончились ничем. Обозначилось растущее давление на Волошановича.

Возвращение Сереброва в Комиссию после его освобождения (22 августа 1978 г.).

Между тем Рабочая Комиссия продолжает активно действовать. Регулярно выпускаются Информационные бюллетени, которые, как и письма в официальные инстанции, мы теперь печатаем на бланках, сделанных для нас в подпольной типографии адвентистов. Бланки на советских чиновников производят впечатление и играют свою положительную роль. Так нам удалось, например, воздействовать на Калининградскую прокуратуру в деле Вадима Коновалихина. Его направили на экспертизу и, поскольку он уже ранее признавался невменяемым и состоял на учете в психдиспансере, его должны были вновь направить на лечение в спецпсихбольницу. После нашего вмешательства Калининградская прокуратура забеспокоилась и стала выяснять, что у нас за Комиссия и каков ее статус. Меня допросили по этому поводу по их поручению в Московской прокуратуре. Коновалихин же был признан вменяемым и получил три года лагеря, за что, - вот парадокс, - он был нам безмерно благодарен.

Поездка в ссылку к Саше в январе 1979 года: Ирина Гривнина, Алла Хромова и я (в Чуну, Иркутская область, там раньше был в ссылке Анатолий Марченко). Перевод 18 марта 1979 г. Подрабинекка в Усть-Неру (Якутия). Еще до этого, в начале марта, Алла едет к Саше в ссылку и затем выходит за него замуж (28 апреля 1979 г.). В декабре у них рождается сын Марк.

Мое письмо в журнал «Psychiatric News» по поводу дискуссии о наиболее эффективных методах борьбы за прекращение злоупотреблений психиатрией в СССР (опубликовано 30 марта 1979 г.). Слежки и обыски как постоянная составляющая нашей работы. Обычно, если от слежки - не слишком наглой - требовалось уйти, мы использовали метро, неожиданно выскакивая на одной из станций. Часто такой трюк удавался, хотя это опасно злило преследователей и потом они могли отыгаться. Можно было уходить и через чердак, выходя потом из другого подъезда, где тебя не ждали. Использовались и проходные дворы.

Контакты с американскими дипломатами и туристами. Мы с Юрой Ярым-Агаевым в основном контактировали с американским посольством, бывали в гостях на квартирах дипломатов. Нас несколько раз останавливала милиция, проверяли документы, но контактам не мешали. Таня Осипова и Иван Ковалев (сын Сергея Ковалева) - новые активные члены Московской Хельсинкской группы. Контакты с Кронидом Любарским. Он выпускал в эмиграции сборник «Вести из СССР» и нуждался в оперативной информации из России. Договорились, что в определенное время он будет звонить мне на работу, на телефон,

который не прослушивался и который КГБ было бы трудно отключить. Я зачитывал ему все последние новости. Некоторое время это был почти единственный надежный московский источник информации для издания “Вести из СССР”. Ту же функцию выполнял и Виктор Елистратов, передавая информацию по телефону с переговорного пункта (домашний телефон сразу отключают).

Поездка по местам ссылок (начало 1979 года). Талгарская спецпсихбольница недалеко от Алма-Аты, куда я еду, чтобы скрытно сделать ее фотографии (в то время их ни у кого не было). Потом они появятся в английском издании книги Блоха и Рэддуэя о психиатрических репрессиях в Советском Союзе. Визит к Ирине Сеник (политзаключенная из Украины) в Талды-Курган под Алма-Атой. Возвращаясь на вокзал, поскользнулся и упал, рассек бровь и по пути в Алма-Ату всю ночь боролся с кровотечением, лежа на верхней полке местного поезда. Шрам на память остался до сих пор. Из Алма-Аты долетел до Целинограда, невзрачного города в Казахстане. Там в Целиноградской области (с.Кенбидаик, Кургальджинского р-на) находился в ссылке армянский политзаключенный Размик Маркосян. Обратный километр 100 ехал на попутном такси до аэропорта в гололед.

Увольнение с работы в “Информэлектро” по “сокращению штатов” (29 июня 1979 г.). После увольнения давал уроки абитуриентам и старшеклассникам по физике и математике, зарегистрировавшись в райфинотделе. А еще – использовал это время и в июле полетел навестить Сашу Подрабинека и Аллу в их якутской ссылке. Из Якутска самолеты в Усть-Неру из-за погоды были отменены, пришлось оттуда лететь в Магадан. Добирался я в Усть-Неру через Сусуман, куда летел из Магадана небольшой самолет, и потом путь в Якутию лежал по знаменитому Колымскому тракту. Магадан был закрытым городом и дальше аэропорта меня не пустили. В Сусумане пытался найти одного из ссыльных, но дома я его не застал. Почти 12 часов на автобусе, частая проверка документов. Наконец я в Усть-Нере, небольшом поселке на берегу быстрой Индигирки. Встреча с семьей Подрабинека в Усть-Нере. Возвращение в Москву.

Осенью 1979 года новая работа программистом во ВНИИ Социальной гигиены и организации здравоохранения им. Н.А.Семашко. Мои политинформации там накануне олимпийских игр в Москве как общественное поручение. Я, к ужасу начальства и удовольствию сотрудников, рассказывал то, что слышал по разным «голосам», в частности об отношении мировой общественности к Московским олимпийским играм, о количестве стран, их бойкотирующих. Я в тогдaшнем положении, когда каждый день ожидаешь ареста, мог себе позволить то, что другим с рук бы не сошло.

Собрался эмигрировать Волошанович – «достали»! Анатолий Корягин из Украины - новый консультант нашей Комиссии. Единственная моя встреча с Корягиным в это время где-то под Москвой, кажется в Электростали.

Вдруг опять проявился пропавший было Булат Базарбаевич Каратаев. Вызов в центральный аппарат КГБ и встреча с Сергеем Ивановичем Соколовым (18 октября 1979 г.), старым знакомым, который когда-то выпускал меня из Лефортово. Угрозы и предупреждение.

Неполучившийся разговор опубликован в очередном номере Информационного Бюллетеня. Позже, уже после перестройки, выяснилось, что Соколовым называл себя один из руководителей КГБ, начальник его 5-го Управления Филипп Бобков, специализировавшийся на диссидентах. Говорили, что потом он устроился консультантом в телекомпанию НТВ.

26 декабря обыск у Ирины Гривниной в присутствии Володи Голицына, моего знакомого из Калинина, Тани Осиповой и меня. Забрали Бюллетени, Хроники, различные книжки, фотоаппарат. 29 января - обыск в ссылке у Александра Подрабиника. Наступление началось.

Вторжение «ограниченного контингента» в Афганистан 28 декабря 1979 года. Резкая реакция в мире, на фоне которой, заодно, можно расправиться и с правозащитным движением. В конце января волна вызовов и предупреждений о прекращении деятельности Рабочей Комиссии и других правозащитных организаций. Арест в декабре и январе издателей журнала «Поиски» (Валера Абрамкин, Виктор Сорокин, Виктор Сокирко и др.).

Задержание и высылка Сахарова (22 января 1980 г.). В этот день я договорился с Еленой Боннэр, что приду к ним на квартиру, чтобы ознакомиться с письмом-протестом против афганской авантюры и подписать его. Я слегка опоздал (не мог раньше уйти с работы) и торопливо шел к дому на улице Чкалова. Неподалеку остановилась машина и двое молодых людей со словами: «Что же Вы опаздываете, а говорили, что придете к четырем», подхватили меня под руки и затолкали в машину. Я подумал, что это арест и стал лихорадочно вспоминать, что за бумаги у меня с собой, что еще не успел, с кем еще надо встретиться. Отвезли в отделение милиции по соседству. Там уже была Маша Подъяпольская, которая шепнула мне, что у Сахарова - обыск и всех, кто идет к нему, задерживают. Нас продержали часа два-три и, даже не обыскав (не до того было), отпустили.

5 февраля из страны уехал в Англию Александр Волошанович. А я, в ожидании ареста, подготовил на всякий случай заявление.

Опять арест, снова Лефортово (февраль - сентябрь 1980 года)

12 февраля 1980 года. В этот день слежку я заметил с самого утра, когда провожал сына в школу (он ходил в первый класс). Тогда я еще не знал, что следующий раз увижу его только через долгих четыре года. На работе был не долго, потом поехал к Ирине Гривниной – готовили очередной номер бюллетеня. Вскоре к ней в дверь позвонили, за дверью - милиция. Сообщили, что в им известно, будто в квартиру проник неизвестный, по-видимому вор. Ирина дверь не открывала. Они настаивали и продолжали звонить, тогда она оторвала провод звонка. Стали стучать и угрожать, что дверь взломают. Больше тянуть было нельзя, и я уговорил Ирину впустить их в квартиру. Проверив документы, милиционер и сотрудник в штатском доставили меня в 3 отделение милиции около Павелецкого вокзала и Новокузнецкой (на Щипке). Меня долго не могли найти, жене на ее запросы и вопросы ничего не

сообщали, и только потом, начав объезжать отделения милиции, она все же меня отыскала и даже умудрилась передать передачу до отправки в тюрьму.

Появился следователь - Г.В.Пономарев из Московской прокуратуры, который и объявил, что меня задержали как подозреваемого в совершении преступления по ст.190-1 УК РСФСР. Через три дня мне объявляют меру пресечения - арест и переводят в следственный изолятор. При выходе из отделения милиции вижу Каратаева - он меня не оставляет. Везут в Лефортово, тюрьму мне знакомую. Там обычно держат обвиняемых по ст.70. Видимо, некоторое время решали, по какой из двух статей предъявлять мне обвинение, что откровенно и сказал позже Пономарев моей жене. Она же узнала о том, что я в Лефортово, только через неделю, во время ее беседы с Пономаревым. Еще через неделю определились со статьей - все-таки 190-1 УК РСФСР, но оставили в Лефортово.

Обыски в день моего ареста у Александра Лавута, которого тоже сразу же арестовали, у Терновского и Сереброва (его посадили на 15 суток). Письма протеста в связи с моим арестом и преследованием Рабочей Комиссии. После моего ареста, в марте, членом Рабочей Комиссии официально стала Ирина Гривнина. 10 апреля арестовывают Леонарда Терновского. Снова обыски и изъятые Бюллетени. 13 июня в Усть-Нере вновь арестовали Александра Подрабиника. Но Рабочая Комиссия продолжала работать еще год и прекратила свою деятельность, когда все ее члены оказались арестованными.

Меня обвиняли в участии в деятельности Рабочей комиссии, распространении книги "Архипелага ГУЛАГ". Я сразу же написал заявление Пономареву с отказом от дачи показаний, которое сильно облегчило мое дальнейшее существование. На допросы меня вызывали крайне редко: 1-2 раза в месяц, поскольку следователю они ничего не давали. Одновременно интенсивно допрашивают всех моих друзей и знакомых. За это время у меня появились зарубежные адвокаты - тот же Л.Блум-Купер и Б.Вробл из Великобритании, которые организовали вместе с «Международной Амнистией», английскими юристами и психиатрами, а также членами британского парламента слушания по моему делу и по делу Леонарда Терновского 15 мая 1980 года в Лондоне.

Поскольку времени было много, я старался совершенствоваться в английском. Жене разрешили передать карманный Оксфордский словарь, который был со мной все эти годы, и книгу Диккенса "Записки Пиквикского клуба". Я читал книгу, выписывал на карточки незнакомые слова и учил их шагая по камере. Карточки вызвали подозрение надзирателей и привели однажды к неожиданному обыску. Потом привыкли. Выяснил, кроме того, что в тюремной библиотеке есть пара десятков книг по-английски. Стал читать и их. Перед арестом была договоренность с Юрой Ярым-Агаевым о системе сигналов (через сумму денежных переводов и цвет носовых платков), которая в целом помогала понять, что происходит на воле. Я знал, что Сахаров все еще в ссылке, а Терновский - арестован.

Кроме привычного Пономарева со мной встречались и другие следователи. Шли допросы по делу Елены Боннэр, Татьяны Осиповой. Но и с ними мне разговаривать было не о чем.

Сокамерников помню плохо. Были подследственные по “рыбному” делу - злоупотребления и хищения в системе магазинов “Океан”. В это время их было почти полдюжины во главе с заместителем министра рыбной промышленности Рыковым (или Рытовым), которого, кажется, расстреляли. Со мной же сидел начальник одного из главков - Денисенко, который ругал подельников, топивших друг друга.

Репетиции к открытию олимпиады на ближайшем стадионе - в Лефортово, слышны бравурные песни, мегафонные команды. Известие о смерти Высоцкого (кажется, сказал следователь). Наконец, бесплодные допросы завершились. Первая встреча с адвокатом. Две убившие меня новости: смерть Ирины Каплун в автокатастрофе и вынужденная эмиграция в июле Юрия Ярым-Агаева, который к тому времени стал членом Хельсинкской группы. Потом к ней добавилась третья - арест Ирины Гривниной (16 сентября).

Первый суд и первый приговор

В сентябре с 22 по 24 число 1980 года проходило заседание выездной коллегии московского городского суда в Люблино. Там судили и еще после меня будут судить многих правозащитников. Удобно расположенное здание суда недалеко от станции Люблино позволяет легко его оцепить и оградить от ненужной публики. Кроме того, он далеко на окраине, куда не просто добраться и где мало случайных зевак. Трехдневный процесс. На суде только жена и два брата, остальные - приглашенная публика, причем жена и Виктор были вызваны в качестве свидетелей и в зал попали позже, только после оглашения своих показаний. Обвинительное заключение очень сурово, похоже на 70-ю статью. В деле много цитат из передач различных радиостанций, сведения о которых предоставлены какой-то воинской частью. Немало ссылок и на различные зарубежные публикации в антисоветских изданиях. Адвокат А.Поляк. Раньше такие дела не вел, но выступил вполне прилично. На суде мне инкриминировалось изготовление и распространение «Информационных бюллетеней», распространение антисоветской литературы. В частности «Архипелага ГУЛаг». Материалы дела во многом подтверждают факты, изложенные в бюллетенях, кроме небольших неточностей. Но свидетели - в основном, врачи разных психиатрических больниц - с готовностью поддерживали версию следствия, что никаких нарушений у них не было. Суд и прокурор конечно же единодушны - виновен. Последнее слово говорю довольно долго, подробно разбирая доводы обвинения. Заканчиваю наивным тогда предупреждением, что детям и внукам нынешних судей будет стыдно за их участие в этом процессе. 24 сентября - опять накануне дня рождения - оглашен приговор - 3 года лагерей общего режима. Крики в зале: “Мало!”, я в ответ: “Больше нельзя - статья такая”.

Кстати сказать, ощущения, что три года мне дали ни за что, не было. Все-таки я понимал, что мы сделали немало, и этот срок, а может и больший, я заработал. Материалы, которые мы предали гласности, в последующем сыграют немалую роль в серьезной кампании, захватившей и психиатров разных стран, против злоупотреблений

психиатрией в Советском Союзе. В конце концов, в 1983 году Всесоюзное общество психиатров и невропатологов вынуждено было покинуть Всемирную психиатрическую ассоциацию под угрозой неминуемого исключения. Думаю, в этом была заслуга и нашей Рабочей Комиссии, о судьбе которой было широко известно.

Кассация (22 января) и ожидание отправки - еще несколько недель. В пересылку не отправляют. Перед самым этапом получил по почте от жены посылку. Дома постарались серьезно подготовить меня к новой жизни, и я запасаю продукты и одежду для этапа и лагеря. 10 февраля 1981 года прямо из Лефортово берут на этап. Куда, не сообщают. Дают в дорогу буханку хлеба, селедку и, кажется, кусок мяса - все-таки Лефортово. Везут на Белорусский вокзал, на запасные пути. Значит, Сибирь.

Этап

Столыпинский вагон переполнен. Это обычный купейный жесткий вагон, у которого вместо купейных дверей – решетки, в купе окон нет, а со стороны коридора они зарешечены. Я один в полукупе (опасен), потом, правда, кого-то подсаживают. Первая встреча с уголовным миром, любопытство с обеих сторон. Про политических мало кто знает, интерес большой. В этапе многое зависит от конвоя: дадут ли пить, отведут ли вовремя на оправку – либо будут измываться. У нас конвой не зверствовал. Остановка через три дня в Свердловской пересылке. После Лефортово тюрьма кажется жуткой, грязной и неустроенной. Питание тоже отвратное. Поселяют в небольшую камеру вместе с подсудимыми (желание максимально изолировать). Сибирские морозы, прогулки во дворе. Перед очередным этапом заключенных из разных камер собирают в одном месте (это называется «сборка»). На такую сборку где-то через неделю попал и я. Большая камера с широкими нарами, в которую набилось больше сотни человек. Нечем дышать, все полуголые, мокрицы падают с потолка, и, хотя окно выбито, - очень душно. Здесь же происходит знакомство, приходится «делиться» продуктами и кое-какой одеждой, хотя отношение к “политическому” - хорошее. Народу все прибывает. Через сутки, которые прошли почти без сна, грузят в «воронки» и - к поезду. Кругом лают овчарки, сдерживаемые охраной, оцепление. Рассказы об ужасах пересыльных тюрем (Новосибирская пересылка, говорят, особенно «беспредельная»). Теперь я в общем купе, куда набивают 15 человек в три яруса. Последний ярус – сплошной, и попасть на него можно только через небольшой люк. У меня телогрейка утепленная, в которую, к тому же, зашиты деньги. Продукты, привезенные из Лефортово, быстро кончаются, но что-то удалось довести даже до зоны. Я новичок в этом мире, стараюсь присматриваться и учиться. Следующая остановка в Томске. Часть заключенных высаживают там, а я еду дальше - в Асино. Мой этап был очень легкий – всего пара недель. Обычно прогоняют через 5-6 пересылок и длится это почти месяц.

Учреждение ЯУ-114/2. Знакомство

Прибыл в лагерь морозной ночью, в последний февральский день. От станции добирались в воронках, холодно. Встречала охрана и администрация в теплых полушубках при свете прожекторов. Принимали этап. Строимся пятерками и теперь пятерки - это надолго. По закону в лагере на общем режиме положено 2 бандероли в год. С половины срока можно получить 3 посылки в течение года, - конечно, если тебя не накажут и не лишат этого права. Разрешается три краткосрочных и два длительных свидания в год. Но тоже, если будешь себя послушно вести.

Утепленные сапоги, привезенные с воли, украли сразу. Асино - голодная зона (хлеб на столах не остается), воруют все, что можно. Курева многим не хватает, окурки собирают и делают из остатков табака самокрутки. Работа тяжелая (кирпичный завод, подшипники, деревянные барабаны для кабеля). Кирпичный завод не в соседней с лагерем промзоне, а на выезде - туда меня не направят. Работы на всех не хватает, поэтому существует особая категория ОФР (отсутствие фронта работ), в которую списывают в некоторых отрядах. Знакомство с лагерным начальством, каждый из них вызывает, расспрашивает, предупреждает. Любопытство и интерес с их стороны. Лагерное начальство - это начальник лагеря Плиско, начальник оперчасти Додярук, его замы - Гаврилин и Вологуза, начальник медсанчасти - Нечаев Владимир Георгиевич (потом его сменил Шульгин), начальник режимной части Косулин. Скоро они станут адресатами многочисленных жалоб моей жены.

Знакомство с зоной. Основной «контингент» – хулиганы, ст.206. Есть и воришки. У большинства сроки маленькие (до 3-х лет), поэтому происходит частая смена населения. Серьезные сроки у тех, кто попал за преступление по неосторожности (например, авария, наезд и т.п.). Это, конечно, люди иного склада, которым просто не повезло. Их стараются использовать на интеллектуальной работе (например, в библиотеке, нарядчиками). Такие, социально близкие, помогают мне советами - разобраться в здешней ситуации непросто. Настоящее шефство надо мной взял Сергей Двилис, работавший тогда в библиотеке. Мы быстро нашли общий язык, и он, имея хорошие связи на зоне, взялся всячески меня опекать. Я же пока присматриваюсь к тому, что на поверхности. Вот строки из моего письма того времени:

“Первое чисто внешнее впечатление - как студенческий городок с двухэтажными кирпичными домами - общежитиями. Множество лозунгов, как обычных, так и специфических - о вреде алкоголя (здесь у многих 62 статья - принудление) и о чистой совести (видимо, у многих она не такая). Но о лозунгах тоже надо писать особо. Так что студгородок, как студгородок, если бы не взгляды пристальнее вокруг... И если не считать, что студенты тут совсем необычные - все одинаково серые, с нашивками имени и отряда. Да и воспитатели... С обеих сторон озлобленность, мат, забитость и запуганность одних, безразличие и жестокость других. ... Вообще зона рассчитана на

800 человек, а в ней 1500. Комнат для свиданий 4-5, очереди на свидание безумные. Те, кто встали в сентябре, в марте личное еще не получили - нет свободных комнат. Бригады соревнуются, победителям в соцсоревновании немного продвигают очередь вперед...

Я работаю на промзоне (есть еще кроме - кирпичный завод - предмет, служащий пугалом для всех, сюда попадающих; работа там тяжелая, вредная), отряд наш занят на строительстве цеха, а я делаю, что прикажут, как и большинство: таскаю песок, гравий, бетон, цемент, разгружаю машины, помогаю поднимать балки и т.п. Работа разнообразная, но одинаково отупляющая и скучная...”.

Локалок, которыми лагерь разделен на подзоны, тогда еще не было и можно было свободно перемещаться по территории. Тут неплохая библиотека, много свежих журналов. В первый же день выяснилось, что на зоне еще один “политический”, чему я никак не мог поверить: двоих политических в одной уголовной зоне не держат. Оказалось, правда. Это был Сергей Горбачев, арестованный по 190-1 в моем родном Калининe уже после меня по делу Иосифа Дядькина, которого я, впрочем, тогда тоже не знал. Получил он 2 года за сущие пустяки (хранил какие-то самиздатовские документы). Так что коллега, да еще и земляк! В Асино ему пришлось тяжело, его «гнобили» уголовники, с которыми Сергею не удалось найти подходящей линии поведения. Вскоре его переведут на другую зону.

Самолетом в Москву и возвращение на зону (1981)

Меньше, чем через месяц - снова на этап. Сказали, что дело будут пересматривать. Везут в Москву на самолете, без наручников, с личным конвоем. Пассажирам жутко любопытно. Зачем везут - неясно. Мысли о возобновлении дела уже по 70-й статье. Значит новое следствие и новый суд. В аэропорту встречает УАЗик, меня выводят из самолета первым. Везут в родное Лефортово, в третий раз. Там две недели никто не вызывает. Читаю книги и теряюсь в догадках.

Из письма моей жены Юре Ярым-Агаеву от 11 апреля 1981 года:

«18 марта пришла от Славы телеграмма: “Вызывают в Москву. Узнай причину.” 19 марта пришла еще одна: “Срочно вызывают Москву. Возможно следствие. Приговор отменен”. Мы чуть с ума не сошли. А еще 19 марта в “Известиях” (вечерний выпуск) статья была нехорошая. Славка там упоминался, да и телефон нам вырубил, все к одному.... В горсуде, однако, сказали, что об отмене приговора им ничего не известно. 26 марта у меня приняли в Лефортово передачу, но в свидании отказали... За это время стало ясно, что скорее всего привезли его на суд над Осиповой, т.е. он был в списке вызванных

свидетелей. Но 31 марта, в первый день суда (первоначально суд был назначен на 25 марта) при зачитании списка свидетелей, заявили, что у них “нет данных об этапировании Бахмина”.

2 апреля потащила я свитер, джинсы и другие тряпки, чтоб было ему в чем сидеть. А мне вертухай говорит, что его отправят очень скоро, так что тряпки эти не возьмут. Тут я стала скандалить и требовать несусветное - принять у меня мед для Славы. Короче, приняли мед и дали получасовое свидание. Сидит Бахмин без волос на голове, с двухнедельной щетиной на подбородке, в белье черном и с дикими глазами, т.к. меня увидеть не ожидал. “Скажи, - говорит, - ради Бога, зачем меня привезли, сижу тут две недели, никто меня никуда не вызывает”.... Отправили его к нашей общей радости 5 апреля в ту же зону.”.

Через день после свидания опять на этап, теперь обратно. Тут уж самолет не положен. Вновь пересылка в Свердловске, все по тому же укороченному маршруту. Но теперь я побывал в зоне, одежда казенная, с собой - ничего, отношение ко мне проще. Видел, как жестоко бьют в пересылке за сотрудничество с администрацией, за стукачество. До сих пор вспоминается глухой звук ударов сапогами по лежащему телу.

Этап прошел довольно быстро, и снова - Асино.

Жизнь в лагере

Зона – это модель общества. Попавший туда должен найти свое место, от которого во многом зависит его будущее. Заключение стараются группироваться по землячествам - так легче выжить. Земляки друг друга поддерживают. Москвичей не любят, не любят евреев и, само собой, коммунистов. В целом царят тотальное недоброжелательство и беспредел. Крысятничество (воровство у своих) преследуется и жестоко наказывается (обычное наказание - «крысу» заставляют есть мыло). “Опущенные” (пассивные гомосексуалисты) – низшая каста. Превращение в такого «петуха», иногда чисто ритуальное – самое страшное наказание на зоне. Даже если им потом никто не воспользуется, это клеймо на всю жизнь. У них отдельные спальные места, отдельный стол в столовой, отдельная (с пробитой дыркой) посуда. Делать с ними можно что угодно, но держаться следует отдельно. Выживать они тоже пытаются вместе.

Постоять за себя можно, только проявив твердость, при этом важна не физическая сила, а, скорее, сила духа или просто упрямство. Очевидные категории, на которые постепенно расслаивается лагерное общество: высшая каста или «отрицаловка» (одеты аккуратно, ходят в черном, даже если числятся в бригаде, реально не работают), рабы (прислуживающие высшему классу) и мужики, работяги (или «быки», их не трогают, они дают план). У нас тогда не был явно выражен еще один класс – помощники администрации (свои надзиратели из среды зэков).

Но их уже начинали культивировать, создавая секции внутреннего порядка (СВП). Причем, администрация такое расслоение поощряет. Управлять легче, натравливая эзков друг на друга. Мне удалось устоять, с одной стороны опираясь на покровительство некоторых влиятельных эзков, с другой - выбрав правильный, не сверху вниз, тон общения. К тому же я умел квалифицированно составить жалобу, заявление и с готовностью это делал. Такое умение ценится. Но и минимум твердости тоже был необходим. Как-то пытались у меня отобрать телогрейку, привезенную из Лефортово, утепленную. Пришлось, как мне и посоветовали, занять жесткую позицию и даже слегка подраться. Такую жесткость, готовность идти до конца уважают. Отстали.

Быт на зоне скучный и однообразный, спасала только библиотека, в которой я пропадал все свободное время. В некоторых отрядах (передовых) в «красном уголке» стоял телевизор, по субботам и воскресениям в клубе показывали кино. Была и художественная самодеятельность, в которой начальник отряда предложил участвовать и мне. Я, конечно, отказался и, кажется, он понял, почему... Стирать все, кроме постельного белья, приходилось самому. Любые коллективные передвижения (на обед, на работу, в кино и т.д.) – только колонной по пять человек в ряд (пятерки). Для тренировок была введена строевая подготовка, унылое занятие, которое иногда проводилось в качестве наказания. В лагере распространен свой жаргон, частично имеющий местную окраску.

Асино. Год первый

После работы на строительстве меня направляют сначала в цех по изготовлению подшипников (подсобником), а потом в столовую (мыть посуду), работа противная, но с питанием проблем нет. В июле в бухгалтерию зоны привезли новую бухгалтерскую фактурную машину с программным управлением. Попросили составить для нее программу. Это был первый и последний раз, когда на зоне я что-то делал с интересом.

В июне первое личное свидание с женой. Подслушивают, но мы ученые - пишем на специальной дощечке, которая прошла как «подставка под горячее». Следующий раз перед свиданием изымут все пишущее. Узнаю, что в нашей Рабочей комиссии в начале 1981 года арестовали всех. Ирина Гривнина получила ссылку, Феликс Серебров - 70-ю статью и дает показания, Леонард Терновский - свои три года, Саша Подрабинек уже в ссылке получил те же три года лагеря, Анатолий Корягин за помощь нашей группе получил 7 лет строгого режима по 70-й статье плюс пять ссылки - это Украина, там все жестче. Группы больше нет, выпустили всего 24 бюллетеня (меня арестовали на двадцатом).

В августе 1981 года на общее свидание ко мне поехал брат Витя, но свидание, в нарушение закона, не дали и даже не сообщили мне об этом. Потом, признав нарушение, разрешили Вите в сентябре приехать на личное внеочередное свидание на 2 суток. Он к тому времени тоже глубоко влез в диссидентские дела и пришлось призывать его ко всяческой осторожности.

В августе прошло полсрока, и я получил право на посылку. Для посылок в зону существовало множество ограничений: нельзя было присылать шоколад, витамины, бульонные кубики и т.д. Но выход всегда находился. Присылали, например, витаминизированные конфеты или высококалорийное печенье собственного изготовления с включением изюма и шоколада («лефортовские сухарики»). А из бульонных кубиков жена научилась готовить отвратительное на вкус печенье, которое можно было растворить в горячей воде и получался нормальный бульон. Но все посылки проверялись, и объяснить, что тебе прислали, было непросто. Как-то получаю посылку. Дама-контролер, выдававшая их, была настроена доброжелательно. Что не помешало ей порезать все печенье пополам, а соленое из-за подозрительного вида - попробовать. Я ей объяснил, что это особое печенье, национальное блюдо, на любителя (вот сыр «рокфор» тоже многие не любят - его она сразу вспомнила), а печенье это с пивом хорошо или с чем-нибудь вприкуску - острое очень. В конце концов все отдала и мы долго пировали.

Другой радостью на зоне были письма, которые безбожно задерживали, теряли, изымали. Это – отдельная страница борьбы с администрацией, вернее, с оперчастью. Неожиданно мне передают прошедшие через цензуру письма из Америки от Дэна - знакомого американца. Он когда-то студентом приезжал в Советский Союз и заодно что-то привозил для нашей Рабочей Комиссии. Письма были написаны эзоповым языком, с критикой западных порядков, и оперчасть вдруг решила, что они могут на меня повлиять (к тому же опер, Додярук, оказался филателистом и он надеялся пополнить свою коллекцию с моей помощью). Потом догадались, что письма не столь невинные, и переписка прекратилась.

Пытаюсь писать заметки о Лефортово, но 10 августа по доносу записи изымают при обыске. Конечно, простить мою неосмотрительную склонность к мемуарам они не могли. За меня берется начальник оперчасти Додярук, молодой и самоуверенный офицер, у которого давно чесались руки поставить меня на место. Переводят на работу грузчиком, потом - вязать штакет, а весной - в цех по изготовлению кабельных барабанов. Это уже не программирование.

Две недели спустя после свидания с Витькой (22 сентября) меня лишили очередной, декабрьской посылки. При обыске нашли два бульонных кубика – они пришли в посылке вместе с конфетами. Когда посылку осматривали, на них не обратили внимания. Теперь выяснилось, что присылать бульонные кубики нельзя: их нет в перечне разрешенных продуктов. Повернули дело так: раз при досмотре посылки кубики не видели, значит они ко мне попали незаконным путем.. В результате - остался без очередной посылки.

Жена, конечно, жалуется. За это время она направила десятки жалоб и писем в официальные инстанции (о здоровье, питании, по поводу задержки писем, отмены свиданий, передач, необоснованных наказаний). В результате по этим жалобам не раз проводились проверки, приезжали комиссии, а из-за язвы иногда назначали улучшенное, по лагерным меркам, питание.

К тому времени мне удалось найти канал для получения «левых» посылок и отправки домой неподцензурных писем. Они сохранились и

некоторые из них я цитирую или использую в рассказе о том, как складывалась моя жизнь на зоне.

В связи с Указом от 14 сентября об амнистии из зоны к концу года уходит человек 900. Кроме того, на «химию» осенью ушел мой покровитель из библиотеки, тот самый Сергей Двилис. Правда, он потом работал как вольный на промзоне инженером энергетиком и продолжал мне помогать. Сейчас, разбирая свои письма с зоны, наткнулся на письмо Сергея, которое он послал моей жене сразу после своего освобождения. В нем – его взгляд на мое положение в зоне. Я этого письма раньше не читал, и мне было очень интересно, как все это виделось ему. Документ любопытный, и, хотя я сомневался, стоит ли его здесь приводить, отдаю его на суд читателя и привожу в приложении.

27 ноября 1981 года после очередной жалобы жены меня отправили по этапу на обследование в лагерную больницу в Томске. Это зона в Томске, примыкает к лагерю строгого режима. По сравнению с лагерем - курорт. Но там же туберкулезный барак, большая смертность. Много доходяг с голодных зон, худые, одни ребра. В больнице лучше питание, нет изнуряющей работы, мягче отношение. Но это скоро кончается. Опять везут в Асино. По возвращении, в конце декабря, снова переводят на работу в столовую, посуду мыть. Далее, в попытке подыскать мне «достойный» труд, переводы из отряда в отряд осуществляются каждые полтора-два месяца.

Хроника противостояния

С 3-го мая (1982 года) работаю на обрезке барабанов - «а откажешься, завтра же в ШИЗО», - сказал опер. Щиты от больших барабанов весят до 140 кг., поднимают и переносят их вчетвером. За смену обрезать надо до 100 барабанов. Затем опять штакет, а в сентябре – вновь барабаны. Поговорили на эту тему откровенно с начальником оперчасти. Как он сказал, жаловаться бесполезно – даже если хозяин меня опять поставит на прежнюю работу, он, Додик, найдет способ, как обеспечить мне соответствующий труд. С такими, как я, по-другому нельзя. Я поблагодарил его за откровенность. Разговор велся очень вежливо и даже весело, но меня, надо сказать, совсем не воодушевил. Так бы оно и продолжалось, но в середине сентября уперся начальник медсанчасти, заявив, что мне тяжелая работа противопоказана и меня перевели на ОФР. Затем предложили работать на легкой работе - дневальным в ШИЗО, я отказался. 28-го сентября с бригадой ОФР вывели на промзону - копать ямы для столбов. После обеда сняли с работы, отвели в надзорку, где показали постановление о водворении в ШИЗО на 15 суток за отказ от работы.

Итак, я первый раз в ШИЗО. В камере кроме пристегивающихся на день двухъярусных железок, - ничего. Спать холодно. По выбору спи либо на железных койках (в одном х/б), либо на бетонном полу. Клопы, мухи, вши и тараканы. Почти все в носках или босиком. Парашу выносят тоже босиком по снегу. Курить запрещено. Обед через день, в «постные» дни – только хлеб и вода. Голодно. Там я почувствовал настоящий вкус хлеба. Ел его по йоговски - очень долго (краюху жевал целый час). Зато

голода не чувствовал и даже в конце дня оставшийся хлеб иногда отдавал (давали полбуханки на день). А еще можно было пожарить корку на электрической лампочке. Жутко вкусно. Но делать в камере было абсолютно нечего. Ни бумаги, ни карандаша, ни книг, ни газет. От скуки играл в слова сам с собой.

В наказание меня поместили в камеру к “опущенным”, чтобы те создали мне нетерпимую обстановку, о чем они честно и сказали. 30 сентября я объявил голодовку, поскольку мне не давали возможности написать жалобу. Только на 5-й день меня отселили в отдельную холодную камеру. Спать можно было, только обняв едва теплую батарею. В этот же день вызвали в оперчасть. Додярук заявил, что у них есть данные, будто в разговорах 1 октября я говорил, что в оперчасти бьют. Они это так не оставят и зря я думаю, что мне осталось сидеть 4 месяца. Угроза была вполне «прозрачной». Голодовка продолжалась. Наконец, 6-го октября мне дали бумагу, и я написал 2 жалобы - в облпрокуратуру и медуправление ИТУ. На следующий день приехал прокурор. Заявил, что мне надо было сначала выйти на работу, а потом писать жалобы и отказываться, иначе – это нарушение режима. А также, что меня вынуждены будут кормить насильно, как положено по инструкции. Поскольку жалобы написать мне удалось и приехал прокурор, я голодовку снял. Выпустили меня 13 октября.

Посадка эта только добавила мне популярности, и встретили меня в отряде прекрасно. Но пока я сидел, вокруг меня что-то творилось. Все мои вещи обыскали, забрали письма, которые я получил за это время, перерыли все бумаги, что-то искали в библиотеке, где я часто бывал, но – ничего не нашли.

После ШИЗО меня положили в санчасть на обследование и вскоре направили на рентген в Асино к знакомому врачу начальника санчасти Шульгина. Выяснилось, что я «симулянт», что никакой язвы у меня нет, хотя снимки мне не показали. Через два дня опять в оперчасть. Теперь у них в руках все козыри – я же симулянт! Ограничений по работе – нет. Додярук опять предлагает мне идти на работу дневальным в ШИЗО. Ясно, что ждут отказа. Тогда – опять в ШИЗО. Я решил попробовать и согласился. Решение было непростым – ведь только что я отсидел за отказ идти на эту работу. Вот как я пытался объяснить это в своем письме:

«Формальных оснований для отказа у меня не было, а если будет что не так, как обещано – всегда можно отказаться, да и работать можно так, чтобы везде оставаться самим собой – там это только труднее. Согласие мое несколько сбilo их с толку и меня отпустили пока (видимо, надо было «посоветоваться»). Я же подумал – может просто проверяют. Но на следующий день вызывают опять и предлагают писать заявление о моем желании работать дневальным. Я, конечно, отказался – желание только их, не мое. Додярук при мне написал рапорт, тут же подписал его, и я с 27-го октября числюсь на работе. Конечно, я бы согласился лучше сидеть, если бы не понимал, что они только этого и хотят, и очень не хотелось получать надзор. А так какая-то возможность побороться

оставалась. Может я и не прав, но теперь уж поздно отказываться.

Работа сама по себе была бы не так плоха. Туда бы с удовольствием пошли почти все на зоне. Основная задача – накормить и вымыть посуду. При сноровке это можно делать быстро и, если народу немного, вполне укладываешься в 8 часов суммарно... Плюсы: тепло, не ходить на просчеты, сытно (я носил для себя диету из столовой туда и там питался). Основной минус – не можешь помочь тем, кто сидит, даже курево не передашь – следят внимательно, да и сдать могут: ведь всех не знаешь».

С 11-го ноября на зоне что-то вроде маленького военного положения. Умер Брежнев. Офицеры круглосуточно дежурят. Всем объявили, что любое нарушение режима будет караться по всей строгости. Спецназ провел на наших глазах что-то вроде показательных учений. У меня же свои проблемы. В этот день вечером на работе меня ожидал прапорщик с личным обыском. За подкладкой телогрейки, которая оказалась подпортой, нашел 10 рублей. Он явно знал, что искал. В такой ситуации что-то доказывать бессмысленно, но объяснительную я написал (что это – провокация). Потом пошел к начальнику лагеря Плиско. Но он, видимо, тоже устал от всего этого. Да тут еще смерть Брежнева. Сказал, что разберется, но было ясно, что хорошего ждать нечего. На следующий день меня отстранили от работы. Жду. В 3 часа дня – вызывают в санчасть. Там главврач и отрядник. На столе моя объяснительная и подколотое постановление. Главврач меряет мне давление, прослушивает (положено перед посадкой дать заключение, что могу содержаться в ШИЗО)... Потом – отпускают. Почему-то не сажают.

Казалось, все обойдется, тем более, что с дневальных меня сразу убрали, дали два дня отдохнуть – и в бригаду, на обрезку. Одновременно многих моих знакомых вызывали и спрашивали, не отправляли ли они для меня письма. На обрезке я проработал всего три дня, а в четверг меня все же посадили на 15 суток. Вышел уже 3 декабря: зима, морозы. Честно говоря, я не думал, что меня выпустят. Было 2 рапорта, что я, якобы, режим нарушал. На зоне такие рапорты, если надо пятнашку продлить, – дело обычное. Но в этот раз пронесло. Оказывается, от жены пришло много жалоб по поводу моего здоровья, пишут и из-за границы (телеграммы, письма) - в результате на зоне ожидается комиссия. Ну, конечно, суета, небольшой переполох. Мне на всякий случай дали диету, назначили лечение и освободили от работы. Через несколько дней прибывает комиссия из медуправления. Со мной говорили сдержанно, но вежливо. Обещали разобраться. Что здесь сыграло роль – неясно. Очень уж чуткая была реакция на жалобы жены. Тогда эти жалобы определенно спасли меня от ШИЗО. Как и все заграничные письма и телеграммы.

Но уже тогда исподволь готовился мой новый срок. Интерес к «политическому» на уголовной зоне естественен. Мне часто приходилось отвечать на вопросы заключенных по поводу своего дела, рассказывать о Сахарове и Щаранском (про которых они что-то слышали), о деятельности Рабочей Комиссии. Их всегда поражало, что за такое

можно сидеть - они бы тут же раскаялись и вышли на свободу. Вот украсть миллион - дело другое, за это и пострадать можно. Себя они тоже считали борцами с существующим строем, правда боролись они с ним по-своему. Особое внимание к моим рассказам проявлял новый заведующий санчастью, вольный Шульгин. Я даже занимался с ним английским языком и, когда уезжал в больницу, оставил ему небольшой англо-русский словарь, который он попросил надписать на память. Шульгин-то и стал впоследствии главным свидетелем по моему новому делу.

Новый арест. Томская тюрьма (январь - март 1983 г.)

В декабре 1982 года после множества жалоб меня вновь направляют на обследование “на больничку”. С 17 декабря 1982 года по 5 января 1983 года я в той же областной больнице ОИТУ УВД Томского облисполкома. Новый год встречаю в больнице. Парень со «строгого» достает “колеса” (таблетки) вместо спиртного, я взял две – ощущение, как от стакана водки. «Вырубился» через пять минут.

Из письма жены узнаю, что Валере Абрамкину, арестованному передо мной, дали еще три года прямо в лагере. И не только ему. Это теперь новая тактика «друзей» из КГБ.

5 января 1983 года увозят из “больнички”. Вместо родной зоны везут к прокурору, который объявляет, что у него много материалов о моей противоправной деятельности в лагере и он возбуждает новое дело по той же 190-1 УК РСФСР. Мера пресечения - содержание под стражей, следователь Тарасов Борис Алексеевич. Везут в томскую тюрьму. Честно говоря, не был я готов к такому повороту, хотя все признаки были налицо. Ведь сидеть оставалось чуть больше месяца, обидно!

Опять я подследственный. Новая тюрьма, строгий режим изоляции (прогулка после всех, замок на “кормушке”, пищу получаю только в присутствии корпусного). По тюрьме ходят слухи об особо опасном преступнике, которого содержат отдельно (это про меня). Следствие короткое, всего два месяца - все ясно и так. Адвокат - из местных, помогли найти томские правозащитники - Шаталова Раиса Николаевна.

На суд 4 апреля везут в Асино. В зале жена и брат Виктор. Судья Миронов Виктор Андреевич спрашивал без враждебности, много свидетелей - администрация и заключенные ЯУ-114/2. Хотя все подтверждают, что говорил я много плохого о советской власти, показания в целом на удивление доброжелательны, даже замполит Аноп подчеркнул, что подсудимый человек очень искренний, убежден в своей правоте и вызывает уважение. Я отстаивал право на выражение своего мнения, особенно, когда спрашивают. Итог неожиданный - 1 год 1 месяц лишения свободы (это вместо очевидных трех!) в лагере строгого режима. Воспринимается как невиданная победа. Опять повезло.

Кассационная жалоба и протест областного прокурора (недоволен мягкостью наказания). Несколько дней тревожного ожидания. Но Верховный суд оставляет все в силе.

Почти через десять лет я неожиданно получил следующее письмо от судившего меня в Асино судьи Миронова:

«Вячеслав Иванович!

В порядке покаяния приношу свои извинения за процесс 1983 года в г.Асино, который, в силу сложившихся обстоятельств, мне пришлось вести.

По нашей инициативе Президиум Верховного Суда РСФСР своим постановлением... приговор Томского областного суда в отношении Вас отменил и дело производством прекратил за отсутствием в Ваших действиях состава преступления...»

К письму прилагалась копия постановления Президиума Верховного Суда РСФСР.

Вот такие повороты.

Томск. Строгий режим

Извещение, полученное женой:

«21 апреля 1983 года Бахмин В.И. прибыл в ЯУ 114/4 “М”, имеет право в течение года получить две бандероли, 2 краткосрочных и одно длительное свидание, отправлять 2 письма в месяц и получать без ограничений. По отбытии половины срока в год 1 посылку весом не более 5 кг.»

Итак, я опять на зоне, на той самой, при которой уже знакомая мне «больничка». Теперь - на строгом режиме. Зона гораздо лучше Асино, начиная с питания, кончая цветным телевизором в отряде. Другие порядки - нет того беспредела, что на общем, сытнее, да и народ серьезнее (мой смешной срок – и за срок не считается). С библиотекой, правда, неважно, совсем нет журналов, надо все выписывать, даже газет (подшивок) нет, так что я толком не знаю, что за эти месяцы произошло в мире. Через «книгу-почтой» выписываю себе книги на английском и продолжаю занятия языком.

С работой поначалу все нормально: бригадир, знакомый мне еще по больнице (с ним мы встречали Новый год), взял меня в свою бригаду. Первое время работаю в промзоне на кирпичном заводе, выполняю разные подсобные работы. Работа тут тяжелая, но ко мне это не относится, тем более, что вроде бы при осмотре в санчасти мне написали, что тяжелый труд противопоказан.

По зоне довольно спокойно ходят деньги, на которые легко купить благосклонное к себе отношение, встречается водка (ее приносят вольные или перебрасывают через забор в резиновых грелках), некоторые могут носить «вольные» вещи (например, часы). Как и везде, роль валюты играет чай – за него тоже можно многое получить. Чай – пачку на полкружки – кипятят самодельными кипятильниками и такой «чифир» принимают по два глотка, пуская кружку по кругу. Это местная

чайная церемония, приглашение к которой – знак уважения. В смысле быта и удобств - не очень. Даже умывальник – на улице, один на всю зону. По утрам, как все, делаю зарядку под “Бонни М” – так тут принято. И по-прежнему есть возможность получать «левые» письма и даже посылки.

Долгое время не могу получить свои вещи из Асино (письма, фотографии). Опять мне и жене приходится писать жалобы. Наконец, отдают. Администрация первое время приглядывалась и не беспокоила. Потом – стали цепляться и за любую провинность наказывать.

23 июля должно было быть свидание, но за опоздание с обеда (отсутствие на рабочем месте) получил двое суток ШИЗО и лишение свидания.

Еще одно свидание должно быть в августе, но жене пришло письмо от начальника отряда Селезнева о лишении свидания: “в течение 2-х часов 20 минут Ваш муж отсутствовал на своем рабочем месте, чем грубо нарушил режим содержания и отвлек войсковой наряд от несения службы, т.к. его пришлось направить на поиски осужденного Бахмина В.И.”. В октябре лишили и краткосрочного свидания. Как оказалось, придирки эти были не случайные.

К концу лета (15 августа) прибывает по мою душу делегация из Москвы (из КГБ). Они, конечно, разочарованы, что у меня маленький срок (что-то не сработало). Если хочу выйти - должен подписать письмо с отказом от всякой деятельности и осуждением прошлого. Я упрямо отказываюсь. Ушли ни с чем, но соответствующие инструкции (для администрации) оставили, что я быстро почувствовал.

С 1 ноября меня переводят в 6 отряд (уже четвертый перевод за полгода), в 18 бригаду. Это - кирпичное производство, и труд там самый тяжелый.

Из «левого» письма от 13 ноября 1983 года:

«... Меня поставили пока работать “ходошником”. Что это такое? Есть сушильные камеры, в которых сушится кирпич. В камере, в темноте стоят на длинной линии вагонетки с кирпичом, каждая весом больше тонны. С одной стороны их заталкивают специальным толкателем, с другой стороны выдергивают крючками уже с сухим кирпичом. Вытаскивать иногда приходится с середины камеры и тащить (вдвоем) за крюки метров 15-20. В камере температура градусов 60-80, вентилятор подает туда из печи горячий воздух, насыщенный газом и пылью. Из глаз - слезы, из носа - сопля, горло разъедает, в легкие попадает этот газ и пыль - а ты тащишь эти вагонетки из разных камер, одну за другой, в темноте. Дорога покрыта обломками кирпича, идешь, спотыкаясь. Глоток нормального воздуха - как бальзам. За смену нужно вытащить около 150 вагонеток. Но самое тяжелое, если вагонетка сойдет с рельс. Это называется “забур”. Нужно брать длинную доску, лезть в камеру и где-то там в темноте, пыли, жаре и угарном газу ставить вагонетку на рельсы. Забуры - каждый день. В общем, настоящий ад - и никаких перекуров: давай, давай. А в конце смены надо еще успеть замуровать кирпичом камеры, в которых

его обжигают, и замазать глиной. Здесь, наоборот, холодно. Так что простудиться - пара пустяков. А ведь люди как-то работают, да и я - уже две недели. Наверное со временем ко всему можно привыкнуть. У меня пока не очень-то получается: пальцы распухли, мозоли...»

Старые зэки сочувствовали и старались меня опекать, что-то про меня слышали (на промзоне можно было по радио тайком ловить “голоса”). Но идти на конфликт с начальством из-за меня никто не хотел. Бригадир по этому поводу откровенно предупредили. В санчасти, кстати, мне сообщили, что медицинские ограничения по работе с меня сняты, хотя месяц назад они еще были. К декабрю переводят еще раз на другую работу, тоже тяжелую. Работаю в той же бригаде, но теперь - садчиком. Садчик укладывает в печи кирпич. Нужно уложить за смену около 6 тысяч штук в высокую пирамиду рядами. Потом их будут обжигать. Каждый кирпич 5 кг., руки все в трещинах, огрубели, стали, как терка. Конечно, в чем-то стало легче - нет угарного газа, только пыль, и меньше вагонеток поднимать приходится. Зато есть определенная норма, которую надо сделать, а у меня это не очень получалось: то руку сдерешь, то ногу придавишь.

Ближе к концу срока участились беседы с начальником оперчасти. Любопытная личность: молодой, с высшим образованием (окончил университет, юрфак), довольно циничен и откровенен во взглядах, все понимает, в партию не вступает – в общем, не стандартен для такой должности. Он сказал (думаю, это было не только его мнение), что для меня остается три реальных пути: или порвать с прошлым и жить нормальной жизнью, или уезжать, или сидеть. Тогда, при разговоре с приезжими гэбэшниками, тоже были намеки по поводу отъезда, даже прямой вопрос. Говорили, чтобы подумал о сыне, что ему здесь будет нелегко (при таком отце), вот там - наоборот, это только поможет, и т.д. Я ответил, что уезжать не собираюсь и надеюсь, что они дадут мне возможность спокойно жить на воле. Но было ясно, что вариант с отъездом их бы устроил.

Время освобождения приближалось. До последнего дня можно было ждать продления срока, но все же 4 февраля 1984 г. во второй половине дня я вышел на свободу. В полученной при освобождении справке стоял штамп: “подлежит документированию по месту жительства”. Это значит - надзор. В Москву ехать нельзя - после моей судимости в столицу, как и в ряд других городов, меня не пускали. Выбрал родной город Калинин (сейчас Тверь) - там хоть родственников и друзей много.

Первые дни на свободе

Встречать приехал брат Володя. Привез полушубок. Томска я почти не увидел - сразу на самолете в Москву. В Москве долго задерживаться нельзя, нужно ехать в Калинин, вставать на учет, получать паспорт и местную прописку, искать работу. Иначе - опять нарушение, которым с удовольствием воспользуются. Им только дай повод. Встреча

с семьей, с сыном, которого не видел четыре года. Он вырос, сдержан, но все, кажется, понимает. В Москве провел суматошные два дня, повидал всех, кого успел. Все эти годы семье помогали друзья-физтехи и, конечно, фонд помощи политзаключенным. Без них жене и сыну было бы совсем плохо.

В Калининне пару месяцев ушло на обретение устойчивого статуса. Надзор (на год), трудности с пропиской (жилье удалось снять только за городом). Живу в деревне Бортниково, совсем недалеко от города, можно доехать на трамвае или автобусе и потом пройти немного. Хозяйка - Римма Федоровна, замечательная женщина, работяга (сад, огород, скотина). Пытаюсь найти работу через "Бюро по трудоустройству" – там оказались вакансии для программистов. Одна незадача - последняя запись в трудовой книжке: "Уволен в связи с невыходом на работу" (это в 1980 году, а сейчас - 1984). Мои сбивчивые объяснения, связанные с туманными «семейными обстоятельствами», не вызвали подозрений, и я получаю направление на новую работу – Центральное проектно-конструкторское бюро (ЦПКБ) "Спецавтоматика", программистом. Там, конечно, я рассказал, где был четыре года, но, на удивление, на работу взяли.

Смерть Андропова, у нас опять смена генсека - пришел Черненко.

Калинин. Под надзором милиции (1984 - 1985 гг.)

Условия надзора: с 8 вечера до 6 утра - дома, отмечаться раз в неделю в милиции, не посещать массовых мероприятий, не выезжать за пределы Калининской области - за нарушение после двух предупреждений возможен новый арест (срок - до года). Так что условия соблюдаю свято. Жизнь в деревне, изучение французского по самоучителю, игра на флейте, пробежки по утрам по росе и обливание холодной водой из колодца - замечательное время. Регулярно приезжают жена и сын, навещают друзья. Интересная работа в "Спецавтоматике". Друзья и родственники в Калининне. Голицыны, Горшковы, Иосиф Дядькин. Появление Сергея Ковалева после его срока и ссылки (ему тоже в Москву нельзя). В городе он работает сторожем в драмтеатре, купил небольшой домик за Тверцой. Иногда видимся. В июне 1984 года меня допросили в прокуратуре по делу Е.Боннэр. Ее тоже обвинили по ст. 190-1 и взяли подписку о невыезде.

Приближался конец надзора. Я старался быть аккуратным и нарушений у меня не было. Понятно, что это устраивало не всех. Зимой 1985 года я направлялся домой из отделения милиции, куда в очередной раз ходил отмечаться. Навстречу прямо на меня двигался невзрачный старичок. Я не успел увернуться и он, задев меня плечом, упал. Я пытаюсь его поднять, он не встает и ругается. Рядом – молодой, спортивного вида человек, заинтересовался, что случилось. Тут же милиционер. Отвели нас в отделение – благо далеко не успел уйти. Там выясняется, что старичка я сбил с ног и обругал матом, добавив: «Что ты здесь шляешься, помирать пора!». Милиция должна реагировать на заявление, тем более я под надзором. Ночь провел в КПЗ, сумев, правда,

сообщить друзьям, что меня задержали. Дело направили в суд –«мелкое хулиганство», могли дать 15 суток. Но районный судья, к которому меня привели, дело рассматривать отказался (недостаточно материалов для обвинения). Завезли к прокурорше района. Она не могла взять в толк, почему я, уголовник и хулиган, еще на свободе (“таких сажать надо”). Решение начальника отделения, который не понимал, что ему теперь делать, - штраф 50 рублей. Кажется, легко отделался. А надзор, конечно, продлили еще на полгода.

Смерть Черненко. У власти - Горбачев.

Новое дело, новый арест и неожиданный финал

Начало марта 1985 года, в небольшом кафе - свадьба крестницы Нади, я приглашен. Немного выпил. Ушел пораньше, чтобы успеть домой к надзорному времени. Навстречу идет незнакомый мужчина, останавливается, просит закурить. У меня сигарет нет, но он не отстает, цепляется за сумку. Ясно, что это неспроста. Первая мысль: хочет задержать меня, чтобы я не успел домой к 8 вечера (нарушение надзора). Пытаюсь вырваться, он не отпускает, у него падает шапка. Кричит: “Отдай шапку!” (было бы что брать - шапке лет десять). Собираются зрители (свидетели) и, наконец, подъезжает “случайная” милицмейская машина. Свидетелей переписывают, а нас - в машину, и в уже знакомую КПЗ. На следующий день - следователь, которого срочно вызвали из отпуска. Выяснилось, что дело серьезное. Оказывается, я в нетрезвом состоянии «из хулиганских побуждений» побил простого гражданина Майорова, чему есть свидетели, да еще пытался украсть его шапку. Сам гражданин Майоров тоже, как выяснилось, был накануне не вполне трезв. Сейчас же он предстал с живописным синяком под глазом (а я ведь его пальцем не тронул, только вырваться пытался). Весь остальной день, а он был праздничный (воскресенье?), милиция, посадив нас обоих в машину, пыталась найти в городе медицинское учреждение, чтобы зафиксировать полученные жертвой побои (синяк). Нашли с трудом, и дело было готово (ст. 206 ч.2 “Злостное хулиганство”, до 5 лет).

Еще два дня в КПЗ Областного УВД, ждали решения прокурора, чтобы дал санкцию на арест. Не дал. Отпустили вечером, ограничившись подпиской о невыезде. Уже стемнело, я один на улицах города, от каждого встречного ожидаешь провокации, и когда навстречу кто-то идет, хочется перейти на другую сторону. Ощущение жуткое, забываемое.

Друзья решают повсюду меня сопровождать, что вызывает глухое раздражение милиции и КГБ. Допросы и очные ставки со “свидетелями” (два студента юрфака, которые «были свидетелями» избиения несчастного). Странная личность “потерпевшего” - он давно “на крючке” у милиции, сидел, не раз попадал в вытрезвитель. Следователь отнесся к делу серьезно, начертил схему «преступления», был проведен следственный эксперимент с выездом на место (правда, без моего участия). Между тем, о возбуждении против меня уголовного дела стало широко известно. Передачи зарубежного радио в мою защиту. Письма

друзей на имя судьи. День суда приближается. На всякий случай взял на работе отпуск.

Суд 29 марта. Приехали друзья, знакомые из Москвы, жена и сын. Был и представитель с работы (сидел и слушал). Моя позиция: случившееся - явная провокация. Допрос свидетелей и их путанные ответы. Адвокат Гущина Лариса Петровна. Речь прокурора. Суть: подсудимый все время ожидал какой-то провокации, отсюда его неадекватная реакция на простой вопрос прохожего, попросившего закурить - нервы не выдержали, и он его ударил, а это по закону - злостное хулиганство. Прокурор, учитывая личность подсудимого, запросил "три года в колонии строгого режима". Судья с предложением прокурора согласился. В зале суда берут под стражу и везут в тюрьму. Держат в особой камере с самыми серьезными преступниками (у них сроки от 8 до 15).

19 апреля - кассационный суд (без меня). Результат неожиданный: статью переквалифицировали - вместо 206 ч.2 дали 112 ч.2 (нанесение побоев без хулиганских побуждений, поскольку таковые не доказаны). Новый приговор - 6 месяцев исправительных работ с удержанием 15% зарплаты. Это значит - свобода. Я узнаю об этом только когда меня неожиданно выпускают из тюрьмы. Через день выхожу на работу - необычный отпуск закончился. Осталась новая судимость. И еще: «30 июля 1985 года административный надзор с санкции и.о.прокурора Калининского р-на Степанова Н.И. Бахмину продлен на 6 месяцев».

Годы в Калининне (1985 - 1989)

На работе, конечно, организовали собрание, как велели, с обсуждением моего "провокационного" поведения. Имелась в виду кампания по зарубежным "голосам" в мою защиту, на которую я никак не реагирую. Выслушали мою позицию. Видно было, что сочувствуют и сказать в ответ - нечего. Кончилось ничем: попросили вести себя впредь осмотрительнее. Игры с КГБ, снова появляется Булат Базарбаевич. Новые угрозы. Обещаю не нарушать советские законы. Кажется, отстали. Снятие надзора. Успехи на работе, меня ценят как программиста. Редкие визиты в Москву.

В 1987 году участие в международном правозащитном семинаре на квартирах в Москве (Ян Урбан, Звиад Гамсахурдия), внимание к семинару со стороны КГБ, пытаются его сорвать. Встречи с Ковалевым, друзьями. В свободное время вместе с Володей Голицыным занимаюсь переводом книги американского психолога Эрика Берна "Что говорить после того, как сказал "Здравствуй"". Переводить очень нравится, хотя эту работу до конца довести так и не удалось. Знакомство с Абрамом Ильичем Фетом из Новосибирска. Он замечательный человек и переводчик, выступает для нас консультантом и наставником. Началась перестройка, Сахаров снова в Москве. Мое возвращение в Москву возможно лишь после погашения судимости, т.е. только в 1989 году.

Договариваюсь о переводе в московскую организацию “Спецавтоматика”. В начале 1989 года переезжаю в Москву, к семье.

Москва, перестройка

XIX партконференция и первый съезд советов. Сахаров - депутат. Как и многие, ношу с собой портативный приемник, чтобы слушать репортажи со съезда. Создание Международного фонда за выживание и развитие человечества и, по инициативе Сахарова, Проектной группы по правам человека в рамках этого фонда, куда вошли Сергей Ковалев, Володя Голицын, я и некоторые другие правозащитники. Первая поездка диссидентов за рубеж (в США) по линии этого фонда (настоял Сахаров), я тогда в эту группу не попал. Но потом дорога за рубеж была открыта и для меня. Тогда же я начал вести дневник своих первых поездок, поэтому теперь могу вспомнить их чуть подробнее.

Итак - Швеция (10-19 сентября 1989 года). Это моя первая поездка за рубеж вообще. Российско-американская проектная группа по правам человека, договорились со шведами о возможном их участии в этой группе. Я и Лариса Богораз от Проектной группы полетели в Швецию. Все - впервые, все поражает. От замечательных дорог и невиданного йогурта на завтрак до четкости расписания, по которому ходят автобусы. Другой мир! В программу входило посещение двух тюрем, смотрел как специалист. Тюрьма строгого режима, обнесенная высокой стеной, выглядит внутри по нашим понятиям как скромный отель-общежитие, со всеми удобствами и с философией сотрудничества (не в советском смысле), которую проповедуют надзиратели (скорее воспитатели). И другая, более открытого типа. Эта представляет собой несколько коттеджей и расположена в чудесном месте на берегу небольшого озера, среди холмов. Охраны нет. “Заключенные” на ночь могут уходить домой. Это что-то вроде нашей “химии”, только в невыносимо прекрасных условиях. Статья о нашем посещении тюрем появилась в либеральной шведской газете, еще было интервью на шведском радио (для меня впервые по-английски) и посещение местного отделения “Эмнисти Интернешнл“. Было удивительно и трогательно видеть этих, в основном, пожилых и очень сердечных людей, которые когда-то тебя защищали. В Стокгольме встретился с Кронидом Любарским, который специально прилетел из Германии. Поговорить было о чем... В результате удалось договориться со шведами о сотрудничестве, которое, правда, потом быстро заглохло. А впечатления о первой поездке на Запад остались на всю жизнь.

Вскоре после первой поездки (теперь зарубежный паспорт был) решил все же побывать в США, причем задержаться там подольше. И в начале октября 1989 года отправился в Штаты почти на два месяца. Остановился у Юрки Ярым-Агаева в Нью-Джерси и в офисе его Центра за демократию в Советском Союзе, созданного по гранту NED. Юрка, оказавшись в Америке, пытался помогать политзаключенным, собирать и распространять информацию о событиях в СССР. Ночами разговаривали - не могли остановиться. У Юрки к тому времени был уже немалый и несладкий опыт эмиграции. Отношения в этой среде сложные, далекие

от того, что было когда-то на родине. Встретился со многими эмигрантами, которых уже и не чаял увидеть (Зинаида Михайловна Григоренко, Таня Осипова и Ваня Ковалев, Маша Подъяпольская, Ира Кристи, Наум Коржавин, Юра Гастев, Володя Крайтман, Ольга Терновская, Павел Литвинов, Катя Поликанова). Увидел и Брайтон-Бич - русский уголок в Нью-Йорке. Удалось побывать в Бостоне, где погостил у Дэна, того самого американца, который писал мне письма в Асино. Долетел даже до Лос-Анжелеса, там жила Ольга Терновская, был в рамках «культурной программы» в Дисней-Лэнде. Встреча в Нью-Йорке с коллегами по Проектной группе - Эд Клайн, Эндрю Блэйн и Уитни Элсворд. Первый раз побывал в казино (Атлантик Сити), где роскошные залы, множество игровых автоматов и непрерывный звон монет. Проиграл 30 долларов, которые на этот случай мне выделил Юрка. Посетил некоторые музеи, включая Метрополитен, и театральный Бродвей, где посмотрел великолепный, отточенный до совершенства мюзикл «Кошки». Поражающая воображение индустрия потребления. В этом смысле мы, кажется, отстали навсегда. Из Америки привез множество незабываемых впечатлений, компьютер, полученный от Юрки, приветы друзей и стопку тамиздатовских книг, которые приезжающие из России могли выбирать бесплатно на специальном складе.

Смерть Сахарова в декабре 1989 года. Похороны - я наряду с другими в почетном карауле у гроба. Ельцин и Валенса на поминках Сахарова в ресторане гостиницы «Россия».

28 июля 1989 года объявила о возобновлении своей работы Московская Хельсинкская группа, которая в начале 80-х заявила о своем роспуске (тогда на свободе в СССР оставались только два ее члена – замечательный адвокат Софья Васильевна Каллистратова и Елена Боннэр, привязанная к Сахарову в его горьковской ссылке). Когда времена изменились, по предложению Международной Хельсинкской Федерации (МХФ), объединяющей хельсинкские группы разных стран, хельсинкская группа в Москве была восстановлена. Я в нее тоже вошел. В начале февраля 1990 года в Братиславе состоялось очередное ежегодное заседание Хельсинкской Федерации, на которое меня послали представлять нашу московскую группу. Сообщили об этом в последний момент, но все же с помощью МИДа (Решетов и Бабенков), а также Ядзи – секретаря МХФ в Вене, которая не слезала с телефона, в рекордный срок удалось получить выездную (тогда она еще требовалась) и въездную визы. Поездку оплачивала Хельсинкская Федерация. В Братиславу, которая находится рядом с австрийской границей, добирались через Австрию. О самом заседании помню немного, познакомился там с Иржи Гаеком, да встретил после долгой разлуки Юрия Орлова (он был почетный председатель МХФ). Несколько дней провел в Вене, городе, носящем дух имперской столицы. Видел бурную демонстрацию в защиту косовских албанцев (уже тогда!), побывал в венском Центре ООН, из штаб-квартиры МХФ привез разные интересные материалы, в том числе и для любезных мидовцев.

Разгар перестройки и нового мышления. В Копенгагене в июне 1990 года конференция СБСЕ по «человеческому измерению» или «третьей корзине». Кажется, первый раз на таком представительном

форуме предусмотрена организация параллельной встречи неправительственных организаций. Посылают туда меня и Алексея Смирнова (он тоже отсидевший правозащитник). Нашу поездку финансирует та же Международная Хельсинкская Федерация. Были и другие представители неправительственных организаций из СССР, типа Карташкина, Терешковой или Нины Беляевой. Ощущение такое, что официальная делегация (там те же Юрий Решетов, Бабенков, плюс Петровский) относятся к нам с некоторым снисходительным раздражением, но – что делать – приходится терпеть и даже помогать: правила игры поменялись. Несколько раз выступал (по-английски) о значении прав человека сейчас, о ситуации в СССР. Встретился с Борей Вайлем, нашим эмигрантом последней волны из правозащитников, появился и Кронид Любарский, с которым погуляли по ночному городу, обсуждая дела на родине. Удалось посмотреть датскую Ривьеру и замок Гамлета в Эльсиноре, откуда видны берега Швеции.

Следующая поездка 19 октября 1990 года, когда в Праге открылось первое учредительное заседание Хельсинкской гражданской ассамблеи (ХГА). Меня опять делегировали от МХГ, туда же летели некоторые депутаты Верховного Совета, другие представители общественных организаций, в частности недавно созданного «Мемориала». Меня вместе с Леной Стоновым (еврейский активист и правозащитник) включили в группу, которую оформлял на выезд ССОД (Союз советских обществ дружбы, старая, полугэбэшная организация, которая сейчас судорожно пыталась перестроиться и найти свое место под солнцем). Первый раз летел через зал VIP с официальной делегацией, не очень приятное чувство, несмотря на роскошь VIP-овских залов. Познакомился с Жуховицким, тогда довольно популярным писателем, с Егором Яковлевым. В делегации была и депутат Галина Старовойтова. Опекало нас советское посольство во главе с Панкиным. Сами заседания, как и многие последующие грандиозные форумы, в которых мне довелось участвовать, были достаточно бессмысленны. На открытии выступали Вацлав Гавел, Галина Старовойтова, Оскар Лафонтен (премьер из ФРГ). Первый раз тогда столкнулся с западными приоритетами в области прав человека (от гендерных и репродуктивных прав до прав сексуальных меньшинств – нам бы их заботы!). Удалось погулять по Праге, замечательно красивой. Гуляли в компании с Сеней Рогинским, из «Мемориала», который приехал сюда по гранту Сороса.

Наряду с активной общественной жизнью в новых условиях, я успел поменять работу, перешел в Институт прикладной математики АН СССР им.Келдыша, опять программистом. Работа с Володей Голицыным – он классный программист. Сергей Ковалев в Верховном Совете России, руководитель Комитета по правам человека.

Первый год в качестве дипломата

В конце 1990 года моя активность на «международном поприще» получила неожиданное признание. Сергей Ковалев сообщил мне, что новый министр иностранных дел РСФСР Андрей Козырев ищет кандидата для работы в МИДе на гуманитарном направлении. Причем

хочет найти человека со стороны, не карьерного дипломата. Ковалев готов меня порекомендовать, если я не возражаю. Для меня это предложение было полной неожиданностью, но я все же решил попробовать. После разговора с Владимиром Лукиным, тогда председателем Комитета Верховного Совета РСФСР по международным делам, состоялась встреча с Козыревым. Мне кажется, мы друг другу понравились. Его первая идея - направить меня в ООН, как представителя России – меня не вдохновила. В то время представитель России, если бы такового и назначили, полностью зависел бы от представителя СССР в ООН. Да и уезжать сразу на несколько лет из России мне не хотелось. Тогда Козырев предложил мне возглавить в МИДе «Отдел глобальных проблем и гуманитарного сотрудничества», отдел, который надо было создавать с самого начала. Эта идея пришлась мне по душе, и я согласился.

Итак, с января 1991 года я в российском Министерстве Иностранных дел. МИД РСФСР (или как его иногда называли - малый МИД) находился в небольшом особняке на проспекте Мира. Сотрудников было немного, атмосфера – почти домашняя. Первое знакомство с российскими дипломатами: Борис Леонидович Колоколов (зам.министра, старый дипломатический служака, соратник Громыко), Андрей Колосовский (тогда возглавлял политический отдел – потом стал заместителем министра), Димитрий Рюриков (потом станет помощником Ельцина), Андрей Федоров, зам.министра из бывших комсомольцев. Освоение азов дипломатической работы (для этого взял у Лукина несколько книг). Мои первые сотрудники. Осваиваюсь в новом качестве. До работы в МИДе у меня не было ни одного костюма, не говоря уже о галстуках, я курил «Дымок» и ходил в свитере. Со временем, пришлось купить костюм, научиться завязывать галстук и перейти на «Кэмэл». Положение обязывало.

Допуска к секретным документам у меня не было, поэтому поначалу я не мог читать даже дипломатические телеграммы. В конце концов этот вопрос как-то решился и допуск я получил, хотя никаких бумаг для этого не подписывал. Первое время я в своем отделе был один, не было даже постоянного места и своего кабинета. Поэтому основное время провожу в Белом доме, куда у меня был теперь свободный вход, в комитете по правам человека (у Ковалева). Новые люди: Сергей Сироткин, Лида Семина, Толя Кононов, Михаил Молоствов (они все из ковалевского комитета). Помогаю и там, чем могу. На деле осуществляю продуктивное сотрудничество власти исполнительной и законодательной. Первое интервью прессе («Мегаполис-Экспересс») – теперь это тоже часть работы.

Поездка с Ковалевым и представителями МВД в Тверь с инспекцией тюрем (побывал в городской тюрьме, где когда-то провел три недели отпуска). Поездка в Ереван 18-22 января 1991 года на конференцию и оттуда - в Нагорный Карабах с делегацией Верховного Совета (Ковалев, Кононов, Сироткин, Голицын, Рогинский). Но в Степанакерт мы не попали. В аэропорту нас задерживают вооруженные азербайджанцы, долго выясняют, кто мы и откуда, затем везут в Агдам и оттуда отправляют на поезде в Баку. Утром в поезде узнаем по радио, что нас потеряли и ищут. В Баку часть группы встречается с официальными

лицами Азербайджана. Нас готовы отправить в Москву на самолете и даже купить билеты. Мы гордо отказываемся, хотя денег на дорогу еле наскребли – как раз в этот день Павлов объявил о денежной реформе и крупные купюры нигде не принимали. Долетели до Москвы, где нас торжественно встречали. Никто не знал, что же с нами случилось, и пришлось готовить заявление для прессы.

Взаимоотношения с союзным МИДом приветливые, но настороженные. В это время идет подготовка к встрече СБСЕ по «человеческому измерению», которое должно состояться осенью 1991 года в Москве. Некоторые разногласия в концепции подготовки между российским МИДом и МИДом СССР. Знакомство с коллегами из союзного министерства (Юрий Решетов, Тимур Рамишвили, Олег Мальгинов). Подготовка к Первому конгрессу соотечественников, «пробивание» въездных виз бывшим диссидентам, находившимся тогда в «черном списке».

Попытка переворота в августе 1991 года. Трое суток в Белом доме – рассылали по факсу из кабинета Ковалева вместе с Лидой Семиной оперативную информацию о последних событиях в различные зарубежные агентства. Ожидание штурма и незабываемые впечатления от огромной сплоченной толпы спокойно стоящих под дождем людей у стен Белого дома. Первый конгресс соотечественников, который как раз должен был проходить в это время в Москве. Подготовка к московскому совещанию СБСЕ по «человеческому измерению». Концепция российского МИДа берет верх над устаревшими теперь подходами союзного МИДа. Участие в совещании СБСЕ в Колонном зале Дома Союзов.

Дипломатическая карьера

Российский МИД переезжает на Старую площадь в кабинеты международного отдела ЦК КПСС. Блуждающая тень старого работника ЦК Пономарева, оставленного в своем кабинете. Развал Советского Союза. Слияние двух МИДов в декабре 1991 года. Я - глава Департамента по международному гуманитарному и культурному сотрудничеству, член коллегии МИДа Российской Федерации, “высокопоставленный” дипломат. В наследство достается три управления: по гуманитарному сотрудничеству и правам человека (УГПЧ, которое возглавлял Юрий Решетов, направленный послом в Исландию), управление по культурному сотрудничеству и Комиссия по делам ЮНЕСКО.

В марте 1992 года неожиданно умирает брат Володя. Он с семьей по-прежнему жил в Твери, попал в больницу с приступом язвы и после неудачной операции его не стало. Остались жена и двое детей. Два других младших брата – Витя и Валера - к тому времени закончили Горный институт, обзавелись семьями и жили в Москве.

12 августа 1992 года указом Президента мне присвоен ранг Чрезвычайного и полномочного посланника 2-го класса. Работа в МИДе занимает почти все время: интервью и приемы, переговоры и участие в

различных правительственных комиссиях, коллегиях, многочисленные зарубежные командировки.

Комиссия ООН по правам человека в Женеве собиралась ежегодно на четыре недели ранней весной. С 1992 по 1995 годы Сергей Ковалев - глава делегации, я - его заместитель. «Диссидентская» позиция российской делегации на Комиссии. Мы были первой делегацией, которая открыто анализировала и критиковала ситуацию с правами человека в своей собственной стране. Политика и права человека, диссиденты и власть – проблемы, над которыми не раз приходилось задумываться.

Поездка с Козыревым в США (сентябрь 1992 года), участие в заседании Генеральной Ассамблеи ООН, знакомство с Джорджем Соросом. Участие во Всемирной Конференции по правам человека в Вене в 1993 году. Работа по нашей инициативе и по результатам Конференции над Президентской программой действий по правам человека, ее печальная судьба. Комиссия по правам человека при Президенте Российской Федерации, которую возглавил опять же Сергей Ковалев. Я был ее членом до 1995 года, вышел из нее вместе с Ковалевым, когда Комиссию стали реорганизовывать, сводя на нет ее деятельность.

В марте 1993 года образована правительственная «Межведомственная комиссия по рассмотрению обращений граждан в связи с отказами им выдачи заграничного паспорта» во главе с Сергеем Лавровым, потом, когда Лавров уехал в Нью-Йорк, ее возглавил Игорь Иванов. Я – опять заместитель председателя, а Ковалев – ее член. Комиссия должна была рассматривать жалобы на отказ в выдаче заграничного паспорта российским гражданам по мотивам секретности. В комиссию входили представители различных ведомств, в том числе – Минобороны и ФСБ. Работала она довольно эффективно – из почти 600 рассмотренных заявлений около 95% после анализа материалов и обсуждения удовлетворялись, и людям выдавали паспорта.

В октябре 1994 года я неожиданно попал в Центральную клиническую больницу. Как-то поздно вечером я возвращался с работы. У самого дома меня кто-то сильно ударил по голове, и я потерял сознание. Очнулся на земле, весь в крови, с сломанным носом. Мой «дипломат», в котором, впрочем, ничего ценного не было – исчез. С трудом добрался до квартиры, вызвали «Скорую помощь», и меня госпитализировали с сотрясением мозга. Завели дело, которое никаких результатов не дало. Скорее всего это было банальное ограбление. Хотя в газете «Экспресс-Хроника» дело представили так, будто у меня исчезли важные бумаги. Недели две провел в больнице, а потом – в специальном санатории для высоких чиновников под Москвой. Послы США и Великобритании прислали свои соболезнования, а у меня появился случай поближе познакомиться с системой медицинского обслуживания официальных лиц высокого ранга и немного отдохнуть.

В конце 1994 года началась операция в Чечне. Правительственная позиция была для меня неприемлема, мне была ближе позиция Сергея Ковалева, который все еще возглавлял официальную делегацию в Комиссии по правам человека ООН. Очередная сессия этой комиссии должна была состояться в марте, и мы гадали, оставят ли Ковалева

главой делегации. Видимо, смещать его в сложившейся ситуации было невыгодно, и в марте 1995 года мы отправились в Женеву, получив право высказывать в ходе заседания точку зрения, не совпадающую с официальной. Это был странный прецедент в работе комиссии. Долго согласовывали текст Заявления председателя, которое осуждало военный конфликт в Чечне и использование российских войск в этой операции. Странное поведение западных дипломатов, которые почему-то долго тянули с принятием этого заявления. Позиция Ковалева как главы делегации, его пресс-конференция, встреча в кулуарах с представителями Чечни. Эта поездка на заседание Комиссии в Женеве оказалась для меня последней официальной командировкой.

Работа в МИДе дала мне очень много. Я пришел туда со стороны, но попал в структуру, которая занималась уже некоторое время правами человека. Конечно, там, в бывшем союзном министерстве, царил особая атмосфера, не всем нравилась позиция Козырева в международных делах, но работать было можно. Удалось сформировать команду, которая, используя возможности момента и преимущества правительственной структуры, смогла немало сделать и помочь многим. Это был период, когда приходилось «пробивать» визы и помогать в получении гражданства нашим эмигрантам, содействовать международному усыновлению и добиваться прекращения соглашения с Северной Кореей о лесоразработках в Сибири, где использовался рабский труд граждан этой страны. Много было сделано и для вступления России в Совет Европы, для прохождения через Верховный Совет важных законов, защищающих права человека. Но, в то же время, были сильны и многие ограничения, присущие государственной бюрократической структуре. А после начала войны в Чечне стало понятно, что романтический период в Министерстве Иностранных Дел, как и во всей стране, – закончился. Тем не менее, я благодарен судьбе за эти годы работы в МИДе. К тому же это был, насколько я знаю, единственный случай, когда диссидент и правозащитник работал в российском министерстве чиновником такого ранга.

В апреле 1995 года я получил неожиданное приглашение от Сороса – возглавить новую структуру его фонда, создаваемую в России на месте советско-американского фонда «Культурная инициатива». К такому предложению я готов не был, поэтому долго раздумывал. Но в мае, после разговора с Козыревым, который уже тогда не чувствовал себя прочно в своем министерском кресле, я решился и перешел на работу в фонд Исполнительным директором представительства Института «Открытое общество» в России.

Но это уже другая история, которая заслуживает отдельного описания.

ПРИЛОЖЕНИЯ

18 октября 1979 г.

Примерная запись беседы в КГБ

17 октября вечером у меня дома раздался телефонный звонок. Звонивший представился Булатом Базарбаевичем.

– Давно с вами не виделись. Не смогли бы вы завтра зайти к нам часов в 10 утра.

– А в чем дело?

– Руководство хочет с вами побеседовать.

– Понимаете, я в это время никак не могу. Я же работаю, так что...

– Это ничего, мы дадим документ, здесь будет все в порядке.

– Мне все-таки непонятно, зачем мне нужно приходиться. Может быть, вы пришлете повестку, а так мне бы не хотелось...

– Повестку мы вам дадим, мы, конечно, могли бы вызвать вас через отдел кадров, но, думаю, для вас это хуже.

– Хорошо, я приду.

– Значит, в 10 часов я вас буду ждать. Только приходите не в приемную, а в большое здание у “Гастронома”. 5-й подъезд, на углу. Я вас встречу.

– Хорошо. До свидания.

Ровно в 10 часов вхожу в подъезд №5 представительного здания “напротив “Гастронома””. Рядом с часовым уже стоит Б.Б., пошли. На лифте поднимаемся на 9-й этаж. По дороге спросил, а что это за начальство.

- Соколов Сергей Иванович, - отвечал Булат.

Комната 955. Входим. Встречает улыбающаяся секретарша уже среднего возраста. Через 10-15 секунд проходим. - Сумочку оставьте здесь, - это мне Булат. Оставил. Большой кабинет, за столом человек лет за 50, в сером костюме. Рядом столик, уставленный телефонами. Человека этого я узнаю - это он “напутствовал” меня и Иру Каплун перед освобождением из Лефортово 9 лет назад. Сажусь за маленький столик, тут же садится и Булат. Разговор, как всегда, начинается с вопроса - как ваши дела. У меня, конечно же, все в порядке, работаю...

– А где вы работаете?

– Понимаете, мне как-то не хочется отвечать на этот вопрос.

– А что так?

– Дело в том, что как только вы узнаете, где человек работает, сразу на работе начинаются всякие неприятности. Да я думаю, что это и не важно.

– Давно мы с вами не встречались.

– Да, уж скоро десять лет будет, но я как-то не очень этим огорчен.

– Я понимаю. Тогда Президиум Верховного Совета вас помиловал.

– Мне не очень понятно это выражение. Насколько я знаю, помиловать можно только виновного человека, а виновным признать может только суд. Поэтому мне непонятна эта акция Верховного Совета.

– Ну, вы плохо знаете советские законы. Верховный Совет может помиловать на любой стадии ведения дела. Вы были обвинены в совершении преступления.

– Да, но я не признал себя виновным.

– Как же не признали? Признали, я хорошо помню.

– Мне, конечно, трудно вам это доказать, но вы можете посмотреть обвинительное заключение, и там написано, что я не признал себя виновным...

– Ну как же не признали. Когда мы с вами разговаривали, вы не так говорили. вы каялись, плакали....

– Я плакал?!, - я несколько опешил.

– Да, плакали, говорили, что не будете этим больше заниматься.

– Да, интересно. Я ведь очень хорошо помню, что ничего подобного не было. Как-то странно вести с вами разговор, если вы сразу же говорите заведомую неправду и знаете, что я это знаю. Как же можно дальше разговаривать.

– Нет, это вы говорите неправду. Вот Каплун - не плакала, это я хорошо помню, а вы плакали... Да, как я вижу, вы не так расцениваете акт Верховного Совета. Что ж, придется обратиться туда с ходатайством, чтобы вновь открыть ваше дело...

– Это ваше право.

– Вы, наверное, понимаете, зачем мы вас вызвали.

– Да, нет. Как-то не очень.

– Нас интересует ваша деятельность помимо работы. Я знаю, у вас есть какая-то организация. Хотелось бы знать, какие цели вы ставите в своей деятельности.

– Да уж какая там организация. У нас просто есть Рабочая Комиссия, занимающаяся расследованием злоупотреблений психиатрией. Организация все-таки предполагает устав, программу.

– Но вы ставите себе какие-то цели, чего вы хотите добиться своей деятельностью.

– Наши цели описаны в Информационном Бюллетене №9, можете прочитать. Вообще, цели такой деятельности могут быть разными. Для меня, например, одна из основных целей - добиваться, чтобы государство исполняло свои собственные законы.

– А мы должны следить, чтобы граждане соблюдали законы. Почему вы занимаетесь не своим делом? Ведь вы же не психиатр.

– Своим делом я тоже занимаюсь, на работе. И вроде бы не плохо. Но мне кажется, что гражданину страны, - я ведь все-таки гражданин этой страны, - не должно быть безразлично, что в ней происходит, особенно, если нарушаются законы.

– Какие же законы нарушаются?

– Ну, например, нарушается гласность судебного разбирательства. Ведь вы же проводите закрытые процессы.

– Ну, почему же закрытые.

– Формально они открытые, но ведь вы же прекрасно понимаете, что это не так, не будем притворяться.

– Да, мы не делаем открытых процессов. Если бы мы всех пускали на суды, то вам же было бы хуже. Вы не представляете, что бы с вами сделали.

– А, так вы нас жалеете.

– Конечно, что ж вы думаете, мы на это не способны?

– Я понимаю, жалеете и поэтому даете на этих закрытых процессах по 7+5. Это прекрасно.

– Кого это вы имеете в виду? Орлова что ли? Я знаю это дело. Он ведь сам признался, что получал вещи с Запада и продавал их в комиссионных магазинах.

– Интересно, а что же вы не опубликуете этих его показаний. Ведь это для вас очень выгодно.

– Почему же, мы публиковали. Сейчас на Западе говорят о создании Фонда помощи диссидентам, так что понятно, на какие средства вы существуете.

– Я знаю о Фонде помощи политзаключенным.

– Это другое. Хотя Гинзбург на следствии давал показания, что он пользовался этим фондом для себя.

– Ну, а почему же вы не придадите гласности эти его показания.

– Они где-то были напечатаны, кажется, в “Голосе Родины”. Есть даже магнитофонная пленка с его показаниями. Да и так известно, что он этими деньгами пользовался. И вам, конечно, тоже перепало.

– Может быть, вы скажете точнее, кто, когда, сколько мне заплатил, сколько у меня денег и в каких банках. Вот видите, вы просто иначе не можете себе представить. Вы считаете, что если человек что-то делает, то обязательно за деньги. Другое вам просто не понятно. А, может быть, вы скажете, сколько вам надо прибавить к вашей зарплате, чтобы вы потом согласились отсидеть 7 лет в вашем же лагере. Сколько пятьдесят, сто, тысячу?

– Все же, какие у вас цели, чего вы хотите добиться?

– Я уже говорил вам (повторяю).

– Да, бросьте вы. Вы все так говорите, пока тут. Вот Алексеева, Буковский, Григоренко - все говорили, что они за соблюдение законов. А как только оказываются на Западе, сразу начинают работать в антисоветских центрах, в организациях, стремящихся свергнуть нашу власть и сами призывают к ее свержению.

– Это кто, Алексеева призывает?

– Нет, она пока этого не говорит. Вот, например, Буковский, которого вы хорошо знаете...

– Вы плохо информированы. С Буковским я просто не знаком, даже ни разу его не видел.

– Как же так?

– Вот так. К сожалению, не успел с ним познакомиться. Его мать знаю хорошо, а с ним не знаком.

- Ну, вы знаете других. Так вот, все они теперь говорят по-другому.
- Так зачем же вы их выгоняли, если так недовольны тем, что они там делают?
- Мы водворяли насильно только одного. Остальные уехали сами.
- Ага, после того, как вы угрожали их посадить.
- Ну, угрожали. И что же тут такого. Вот вы пишете о психиатрических злоупотреблениях. А все люди, которые были тут в психиатрических больницах, потом на Западе опять попали в психлечебницы.
- Я думаю, вы говорите неправду. Что, и Плющ тоже?
- Конечно, он каждый год несколько недель проводит в психбольнице и Буковский тоже.
- Я очень сомневаюсь, что это так, я ведь могу легко выяснить, верно ли это.
- Пожалуйста, выясните. Так вот, как я уже говорил, вы в своих бюллетенях распространяете клеветническую информацию.
- Что вы имеете в виду?
- Ну, вот тут у меня есть выписки из ваших бюллетеней. Вы, например, упоминаете такого человека - Оникин.
- Да, такой есть, но сведения о нем мы опубликовали в специальном разделе “Розыск”, где сказано, что наши данные, возможно, не точны, и мы просим сообщить нам все, что известно о судьбе этих людей.
- Ладно. Вот у вас есть сведения о Баранове, о том, что ему вводили препараты мышьяка. А у меня есть справка из Казанской СРБ, где говорится, что препараты мышьяка в этой больнице вообще не использовались.
- Спасибо, мы это будем иметь в виду и дадим исправления.
- Вот вы говорите о том, что человека перевели из Ленинградской СРБ в другую больницу. А нам известно, что его выписали из Ленинградской больницы по состоянию здоровья.
- А как фамилия этого человека?
- Чернышев.
- Хорошо, я это запишу, мы проверим. Вы прочитайте все, что у вас есть, нам это очень важно. Если мы где-то ошиблись, мы обязательно даем исправления и дополнения в следующих выпусках.
- Нет, я вам этого читать не буду. Еще не хватало, чтобы я вам давал информацию.
- Очень жаль. Понимаете, если вы действительно обнаружили ошибки, то естественно сообщить их нам, и мы бы их исправили.
- Когда будет нужно, вам это сообщат.
- Ну, все-таки, что там еще есть?
- (Неохотно) Вот вы пишете о Борисе Евдокимове. А вы знаете, кого вы защищаете? Знаете, за что его арестовали?
- Да, конечно. Он писал статьи и публиковал их в различных зарубежных изданиях под псевдонимом, в частности, в издательстве “Посев”.

– Да, он был сотрудником антисоветской эмигрантской организации НТС, которая ставит своей целью свержение власти у нас в стране. вы что же, считаете, что за это не надо арестовывать?

– В разных странах закон относится к таким людям по-разному. В некоторых - их не арестовывают.

– Я говорю о нашей стране.

– Ну, а у нас таких людей сажают в лагеря и тюрьмы. Но дело в том, что протестовали, в основном, по поводу обращения с ним в СПб, которое сейчас привело его к смерти. Два года назад у Евдокимова началось кровохаркание, ему не было обеспечено ни лечения, ни обследования. Сейчас он за это поплатился жизнью. Мы протестуем, в основном, против бесчеловечного обращения с людьми в спецпсихбольницах.

– Так вот. Как я уже вам показал, в ваших бюллетенях содержится клеветническая информация, и эту информацию вы нелегально переправляете за границу.

– Во-первых, мы уверены в правдивости того, что пишем, если же мы не уверены, то просим сообщать поправки, которые мы аккуратно публикуем. Но вот вы, почему-то, не хотите указать на ошибки, чтобы дать возможность их исправить, а обвиняете в клевете. А материалы свои мы отправляем вполне легально. Под ними стоят наши подписи и адреса, мы не скрываем своей деятельности.

– Так что, может быть вы их по почте отправляете.

– Если иногда и не по почте, то вы прекрасно понимаете, почему. И отправляем наши бюллетени в Международные психиатрические ассоциации.

– А вас не волнует, что ваши материалы используют антисоветские центры, радио “Свобода” постоянно читает ваши бюллетени, издательство “Посев” издало тексты бюллетеней в брошюре (Булат с готовностью продемонстрировал красную книжечку, упомянутую его начальником). Все эти материалы используются в целях подрыва нашей власти. Как вы к этому относитесь?

– Для меня не важно, кто использует наши материалы. Я должен быть только убежден в их правдивости и необходимости. Материалы советской прессы те же антисоветские центры используют в тех же целях. Так что важно, что написано, а не кем и как это используется.

– Ну, нет. Материалы советской прессы издательство “Посев” не публикует и радио “Свобода” не передает.

– Почему же. Часто публикуют и комментируют. Вот вы помните, как английская коммунистическая газета перепечатала статью из “Литературки” о Файнберге, а потом через суд выплатила ему штраф за клевету.

– Как вы с готовностью вспомнили этот пример. Да, я помню этот случай. Мы тогда, действительно, не вмешались, потому что не хотели подводить английского психиатра, который обследовал Файнберга.

– Как это благородно. Значит вы не захотели подводить английского психиатра и спокойно подвели целую английскую компартию. Странно.

– Мы считали, что время рассудит, кто прав. Вот сейчас все встанет на свои места. Файнберг уже несколько раз побывал в психбольницах и теперь газете будут возвращены ее деньги. Так что мы оказались правы.

– Что-то мне не верится, что все именно так, как вы говорите. Я попробую выяснить, насколько вы правдивы в этот раз. А если у вас есть претензии к нашей информации, если вы обнаружили клевету в бюллетенях, опубликуйте это открыто в печати и дайте возможность мне, например, ответить.

– В какой же газете вы хотите такую статью? “Известия”, “Неделя” вам подойдут?

– К сожалению, к этим газетам у меня нет особого доверия. Слишком часто они публиковали ложь на своих страницах... Так что у нас трудно найти газету, которой можно было бы доверять. Но можно опубликовать это в любой газете с условием, что вы дадите возможность рядом ответить на все приведенные обвинения. Это будет честно.

– Хорошо, посмотрим. А для вас было бы гораздо лучше прекратить заниматься не своим делом. вы же не психиатр. Я вам это настоятельно рекомендую.

– Понимаете, я бы сам с удовольствием перестал всем этим заниматься. У меня много других интересных дел. Но ведь для этого нужно, чтобы прекратились психиатрические злоупотребления, чтобы к нам не шли каждый день люди, которые просят о помощи, рассказывают об ужасных беззакониях, несправедливости. Как же мы можем ничего не делать, если власти сами не хотят этим заниматься.

– Гораздо разумнее было бы, если бы вы обратились по этим вопросам, например, к Булату Базарбаевичу (тот с готовностью подтвердил свое желание всемерно помочь), он бы разобрался и все было бы в порядке.

– Понимаете, мы все с этого начинали. Писали в наши инстанции, лично обращались и к главному психиатру города Котову и к главному специалисту психоневрологу Минздрава СССР Чуркину. Нас просто не хотели слушать. все продолжалось. Так что для нас это уже пройденный этап.

– Да, ну что ж, теперь нам понятно ваше отношение. И вам не жалко 10 лет жизни, вот так прошедшей?

– Да, нет. Я всегда пытался помогать людям и не жалею об этом. Не думаю, что эти годы прошли зря.

– А вот некоторые, которые раньше этим же занимались, теперь все поняли, раскаиваются, что зря погубили столько времени, с сожалением вспоминают о потерянных годах.

– Да, да, я читал об этом в наших газетах. Там все очень красочно написано.

– Я говорю не об этом. Такие люди есть и среди ваших знакомых.

– Ну, я думаю, вы не очень хорошо представляете себе, о чем они думают. Так что я не стал бы на вашем месте говорить о них таким образом.

– Что ж, мы, кажется, все выяснили.

– Да, действительно, вроде бы уже все понятно.

– Так вот. Я предупреждаю вас, что деятельность ваша носит противозаконный характер. И хочу, чтобы вы сделали из этого выводы.

– Мне бы хотелось узнать, какие конкретно законы я нарушаю.

– Я же не предъявляю вам сейчас обвинения. Вот когда вам предъявят обвинение, там будут указаны конкретные статьи. Сейчас же я вам просто говорю, что деятельность ваша противозаконна. вы распространяете клеветническую информацию, которую используют враждебные нашей стране организации для подрыва нашего строя. Я вас об этом предупреждаю и надеюсь, что вы сделаете соответствующие выводы.

– Ну, что ж, я понял. Я вам уже сказал о своей позиции и надеюсь, что вы тоже сделаете выводы из нашего разговора.

На этом аудиенция была закончена. На обратном пути я спросил Булата Базарбаевича о чине Соколова, но тот сказал, что чина он не знает. Вручил мне повестку, отмеченную до 17 часов (разговор кончился в 11:00). Повестка приглашала меня для беседы в КГБ СССР ввиду того, что “ведется административное расследование”.

Будем ждать, чем этот разговор закончится.

Заявление на случай возможного ареста

Я не признаю права на расследование моих поступков за теми органами, которые не раз компрометировали себя ложью и фальсификацией. Я отказываюсь участвовать в таком следствии и заявляю об этом уже сейчас. Унизительно доказывать свою невиновность на следствии, результаты которого predeterminedены. Пока трудно представить, какие конкретные обвинения приготовили мне. Возможно, я, так же как Подрабинек, выдумывал клеветническую информацию, пытаюсь всеми силами опорочить существующий здесь строй (как будто он сам себя не опорочил многократно перед всем миром), возможно я, как Щаранский, работал на одну из западных разведок и регулярно поставлял на Запад всевозможную секретную информацию (неважно, что я ею не располагал). Будут тома дела, будут готовые на все “свидетели”, будет полный зал “публики”. Перед ними, заранее равнодушными, я не буду ничего объяснять. Сейчас же, пока есть такая возможность, хочу сказать - я не совершал никаких преступлений. Я смог бы это доказать на открытом суде, и именно поэтому такого суда не будет. А другому суду мне сказать нечего.

Вячеслав Бахмин.

Письма протеста в связи с арестом В.Бахмина

Обращение от 17 февраля 1980 г.

12 февраля в дверь одной из московских квартир позвонили милиционер и человек в штатском. Сначала они пытались войти обманом, ссылаясь на кражу в доме, которой не было, а после того, как хозяйка отказалась их впустить, начали трезвонить и ломиться в дверь. Увидев испуг своей маленькой дочери и старой бабушки, хозяйка была вынуждена открыть им дверь. Вошедшие увидели в квартире молодого мужчину, попросили его предъявить документы и, удостоверившись, что присутствующий - Вячеслав Бахмин, приказали ему пройти вместе с ними. После этого Слава Бахмин исчез.

Через час об этом узнали его жена, друзья. Начали разыскивать его. Более недели продолжались их тщетные поиски. А милиция, прокуратура, КГБ выкручивались и отмалчивались, сотрудники этих организаций представлялись фальшивыми именами, давали ложные адреса, как будто сделали что-то противозаконное, постыдное.

Так 12 февраля 1980 г. в Москве был арестован Вячеслав Бахмин - один из основателей общественной группы по расследованию использования психиатрии в политических целях. Ему 32 года. В течение многих лет, до самого дня ареста он работал инженером-программистом. В школьные годы Слава проявил незаурядные математические способности и был приглашен в Москву, в специализированную физико-математическую школу. После ее окончания он поступил в Московский физико-технический институт, где успешно учился. А в 1969 году его, студента 4 курса, сложившегося специалиста неожиданно арестовали. Причиной ареста была его попытка придать гласности материалы о преступлениях, совершенных Сталиным. В отличие от многих других семей в Славиной семье никто не был репрессирован, у него не было и личных обид. Но, понимая опасность возрождения сталинизма, он считал, что должен сделать все, чтобы этого не допустить.

В силу стечения каких-то обстоятельств его "помиловали", продержав, правда, около года в Лефортове и исключив из института. Но ни год тюрьмы, ни исключение из института не озлобили его. Наоборот, он был полон доброты к окружающему миру и снова активно включился в жизнь. Он вновь поступил в институт, теперь - экономико-статистический, окончил его, женился, у него родился сын. Жизнь его складывалась спокойно и благополучно. Но он не умел оставаться спокойным, если рядом кто-то попадал в беду, и всегда старался помочь другим людям.

К концу 70-х годов все чаще становилось известно о случаях помещения здоровых людей в психиатрические больницы, о жестоком содержании их там, о явном злоупотреблении в использовании психотропных средств. В 1977 году несколько человек, в том числе и Вячеслав Бахмин, создали общественную группу для расследования этих фактов - задача благородная и сложная. Сложная особенно тем, что среди этих людей не было ни одного профессионального психиатра. Многие факты о злоупотреблениях психиатрией поступали

от самих узников психбольниц. Проверить их часто было невозможно. И вот в этих условиях Рабочая Комиссия продемонстрировала исключительную объективность и тщательный отбор фактов.

Выпущенные комиссией "Информационные Бюллетени" получили признание среди профессиональных психиатров и общественности во всем мире. Разоблачение каких-либо фактов злоупотребления психиатрией никогда не было для Вячеслава Бахмина самоцелью, главным для него было оказать помощь конкретным людям, предотвратить необоснованные репрессии. Каждый раз он пытался добиться этого, обращаясь в первую очередь в советские инстанции, и лишь когда все попытки оказывались безрезультатными, он обращался в международные организации, к общественности всех стран.

Нам совершенно очевидно, что арестован не просто невинный человек, но человек, любящий свою страну и сделавший много доброго для ее людей. К сожалению, в нашем государстве есть силы, подавляющие любую подобную деятельность, желающие любой ценой унифицировать жизнь нашей страны, свести на нет общественное мнение. Подобные действия не только исключают из полноценной жизни достойнейшего человека и обрекают его на страдания. Арест Бахмина - это очередной шаг, ухудшающий положение большинства населения, шаг, парализующий инициативу, шаг, усложняющий политическое положение страны. Наконец, чувство самосохранения указывает нам на то, что этот шаг увеличивает возможность репрессий против каждого из нас и, если сегодня арестуют одного невинного, то завтра могут арестовать любого другого, ибо можно говорить о большей или меньшей вине, но нельзя говорить о большей или меньшей невинности.

Вячеслав Бахмин арестован, и наше мнение может противостоять этому, лишь если оно высказано. Поэтому мы считаем необходимым поставить свои подписи под эти письмом. Мы не относимся к определенной группе или классу, мы высказываем особое мнение. Волей обстоятельств нам довелось знать В.Бахмина лично или по рассказам.

Мы уверены, что те, кто узнает о нем из нашего письма, не останутся безразличными к его судьбе. По законам юридическим и нравственным Вячеслав Бахмин должен быть немедленно освобожден.

А.Аборин	И Ковалев
Н.Аборина	М.Ковнер
Г.Авруцкий	Н.Комарова-Некипелова
Б.Альтшулер	М.Кремень
Е.Андропова	В.Кувакин
С.Анищенко	А.Лавут
Л.Анищенко	Д.Леонтьев
Н.Аптекарь	П.Литвин
Е.Арманд	Н.Лисовская
Ф.Бабицкий	И.Маламура
Т.Баева	Е.Матвеюк
О.Болтунова	О.Матусевич

Виктор Бахмин	О.Менделеев
П.Башкиров	П.Мигашкин
Л.Богораз	В.Мигашкина
Л.Бойцова	Е.Николаев
Г.Владимов	Т.Осипова
А.Власов	Б.Перчаткин
Е.Гайдамачук	Э.Перчаткина
Свящ. Н.Гайнов	М.Петренко-Подъяпольская
И.Гривнина	А.Подрабинек
Л.Давыдова	К.Попов
Э.Дзебаева	Н.Лесниченко
В.Дзядко	М.Потоцкая
Е.Дубянская	В.Почечуев
В.Елистратов	В.Пузанков
Р.Евдокимов	А.Рахленко
Б.Елистратова	Т.Пузанкова
С.Жердев	В.Репин
Н.Жердева	А.Романова
А.Зайцев	М.Романчик
Т.Заочная	Г.Росомахин
И.Зисельс	Б.Румшиский
М.Каганов	Н.Руткевич
В.Капитанчук	В.Руткевич
Т.Капитанчук	М.Рябова
Т.Иванова	М.Румшиская
Л.Кордасевич	В.Савенкова
М.Новиков	А.Сарбаева
Л.Сарбаева	С.Ходорович
В.Сереброва	Т.Хромова
Ф.Серебров	Н.Хасина
А.Смирнов	Е.Цитовская-Полякова
Б.Смушкевич	М.Чертовский
В.Сорокин	С.Чертовская
С.Сорокина	В.Чекота
П.Старчик	М.Чекота
И.Стаскевич	П.Чернышев
Л.Стаскевич	В.Шилюк
Л.Терновский	Ю.Шиханович
Л.Терновская	Я.Шмаевич
О.Терновская	А.Штельмах
Г.Токаюк	Л.Щаранский
В.Тимачев	В.Щеглов
М.Утевский	С.Юзефпольская
Г.Ухтомская	И.Якир
И.Филатова	Г.Яньков
Н.Тимонина	Ю.Ярым-Агаев
А.Хромова	

14 февраля 1980 года

Группа Содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР.

Документ №123.

“Репрессии против Рабочей Комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях”.

12 февраля 1980 г. арестован один из членов-учредителей Рабочей Комиссии, математик-программист Вячеслав Бахмин.

В тот же день задержан и подвергнут административному аресту другой член-учредитель этой Комиссии рабочий Феликс Серебров.

Одновременно были произведены обыски на квартирах Бахмина, Сереброва, члена Комиссии Леонарда Терновского, а также у известного правозащитника математика Александра Лавута.

Все четыре обыска проводились по постановлению следователя Московской Городской Прокуратуры Пономарева по делу №49603/5-80.

Обыски проводились в отсутствии обыскиваемых (присутствовали члены их семей). Ф.Серебров за час до начала обыска был задержан на улице по пути на работу.

Жене А.Лавута не разрешили вызвать его по телефону с работы для присутствия на обыске.

В.Бахмин не был дома, когда пришли с обыском, но его местопребывание, очевидно, было известно прокуратуре, так как после производства обыска Бахмин был арестован на квартире своей знакомой И.Гривниной (еще 26 декабря 1979 г. у И.Гривниной был сделан обыск и изъяты материалы Рабочей Комиссии по психиатрии).

Жене Терновского разрешили вызвать его с работы по телефону и он приехал к концу обыска.

При обыске изъяты материалы и архивы Рабочей Комиссии по психиатрии, рукописные и машинописные бумаги, книги, брошюры, пишущие машинки, фотоаппараты, чистая бумага и копирка и т.д.

В нарушение закона в протоколах обыска нет подробного описания изъятых документов и материалов.

Рабочая Комиссия по расследованию использования психиатрии в политических целях была организована при Московской Группе “Хельсинки” 5 января 1977 г. В нее вошли: мед.работник А.Подрабинек, Вячеслав Бахмин, Феликс Серебров, Ирина Каплун (впоследствии из Комиссии вышла). После ареста А.Подрабиника членом комиссии стал врач-рентгенолог Л.Терновский. Врач-психиатр Александр Волошанович был консультантом комиссии.

С самого начала своей работы члены Рабочей Комиссии по психиатрии подвергались преследованиям властей.

Неоднократные обыски, вызовы в КГБ и милицию для “бесед” и “предупреждений”, систематическая слежка за отдельными членами комиссии - вот условия, в которых приходилось работать.

В августе 1977 г. был арестован и осужден по недоказанному обвинению в использовании трудовой книжки с исправленными записями Ф.Серебров. После отбытия наказания (год лишения свободы) он включился в работу Комиссии.

14 мая 1978 г. был арестован А.Подрабинек, автор книги “Карательная медицина”, осужденный к 5 годам ссылки за написание и распространение этой книги. Находящийся в тяжелых условиях ссылки в Якутии, А.Подрабинек не порывает связи с Рабочей Комиссией.

Уволенный с работы врач-психиатр А.Волошанович, консультант Рабочей Комиссии был вынужден работать лифтером и в настоящее время эмигрировал на Запад.

В октябре 1979 г. Бахмин был вызван в КГБ СССР, где его “предупреждали” вновь.

28 и 29 января 1980 г. Терновского и Сереброва вызвали в милицию для новых “бесед” и “предупреждений”.

Несмотря на обстановку преследований, запугивания и репрессий за три года своего существования Рабочая Комиссия по психиатрии провела большую работу по расследованию и приданию гласности десятков случаев необоснованных помещений инакомыслящих в психиатрические больницы, по проверке условий содержания узников совести в психиатрических тюрьмах, по оказанию помощи людям, помещенным в психбольницы и членам их семей. Выпущено 20 “Информационных бюллетеней” Рабочей Комиссии.

Преследования Рабочей Комиссии вызывают опасения, что власти намерены в ближайшее время усилить использование психиатрических репрессий. В этой связи выглядят зловеще высказанные следователем Владимирской обл.прокуратуры Жмакиным во время допроса Мальвы Ланда “сомнения” в ее психическом здоровье.

Деятельность Рабочей Комиссии и сообщаемая ею информация привлекли внимание международных медицинских и психиатрических ассоциаций и мировой общественности и несомненно явилась сдерживающим фактором для репрессивного использования психиатрии против инакомыслящих.

Мы надеемся, что все честные люди, искренне заинтересованные в соблюдении прав человека и прекращении психиатрических репрессий, выразят протест против ареста Вячеслава Бахмина.

Члены Московской группы “Хельсинки”

Елена Боннэр   Софья

Калистратова

Иван Ковалев   Мальва Ланда

Татьяна Осипова   Юрий

Ярым-Агаев

Президенту АН СССР

академику Александрову А.П.

копии: Председателю Гос.комитета Совета
Министров СССР по науке и

технике,

заведующему отделом науки ЦК

КПСС

Уважаемый Анатолий Петрович!

Сообщаем Вам, что 12 февраля в Москве арестован Вячеслав Бахмин, математик-программист, член Рабочей Комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях.

Мы, товарищи В.Бахмина по Московскому Физико-техническому институту, знаем его более 10 лет. Честность, бескомпромиссность и отвращение ко всякого рода лжи, присущие В.Бахмину, несовместимы в наших глазах с предъявленными ему обвинениями в распространении заведомо ложных измышлений.

Мы убеждены в том, что деятельность В.Бахмина отвечает интересам нашего общества - для любого общества полезна деятельность людей с такими высокими моральными качествами.

Судьба В.Бахмина вызывает у нас тревогу и озабоченность.

Мы уверены, что общественная деятельность В.Бахмина, проникнутая стремлением к справедливости и гуманности, не противоречит советским законам.

Просим Вашего содействия в деле освобождения нашего товарища В.Бахмина.

Берлизов А.Б., физик, инженер;
Блюменфельд А.Л., физик, м.н.с.;
Вологодский А.В., кандидат физ.-мат. наук, м.н.с.;
Вьюков В.И., программист, ст.инженер;
Завойский К.Е., преподаватель;
Костоглодов Ю.В., математик, зав.группой;
Ноткин Г.Е., физик, ст.инженер;
Романенко А.Ю., программист, ст.геофизик;
Строилов В.И., преподаватель;
Цирлина Е.А., физик, инженер.

Следователю
Прокуратуры г.Москвы
Пономареву Г.В.
от обвиняемого Бахмина

В.И.

Заявление

12 февраля 1980 г. я был арестован по подозрению в совершении преступления, предусмотренного ст. 190-1 УК РСФСР (“распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй”), о чем мне было сообщено сразу после ареста. 22 февраля мне было предъявлено обвинение, которое фактически повторяет диспозицию указанной статьи. По этому поводу я хочу заявить следующее.

Я еще не знаю, какие письма, материалы или статьи мне будут инкриминированы. Однако уже сейчас могу заявить, что ни в одном из этих документов не содержится фактов или утверждений, в которых я бы не был уверен. Я доверял и доверяю лицам, предоставлявшим мне информацию, а все сообщения, которые когда-либо мною делались, являются результатом моей внутренней убежденности. Все, что я делал и что в настоящее время рассматривается следствием как “преступление”, основано на естественном праве каждого гражданина получать и распространять информацию в любой форме, любым способом и независимо от государственных границ, как это провозглашено в ст.19 “Всеобщей Декларации Прав Человека”, принятой ООН.

Я вполне допускаю, что в распространявшихся мною материалах имеются неточности и даже фактические ошибки. Я пытался сделать все возможное, чтобы их исключить. Однако официальные лица, к которым обращался я и мои товарищи, не только не способствовали исправлению предоставляемой им информации, но иногда препятствовали нашим попыткам делать это. В таких условиях ошибки, я уверен, случайные - неизбежны. Надеюсь, однако, что их немного.

В статье 190-1 УК РСФСР говорится о распространении “заведомо ложных” измышлений, т.е. распространяющий информацию должен знать о ее ложности. Без этой субъективной стороны нет состава преступления по данной статье, о чем недвусмысленно сказано и в официальном комментарии к Уголовному Кодексу РСФСР. Следствию по моему делу необходимо доказать эту субъективную сторону обвинения.

Я утверждаю, что доказать это, не прибегая к заведомой фальсификации, невозможно. Невозможно по той простой причине, что доказывать придется ложь.

Однако опыт предыдущих процессов по этой статье показывает, что следственные органы и не пытаются доказать

недоказуемое. Они ограничиваются обнаружением нескольких, по их мнению, ошибочных утверждений, считая, что этого вполне достаточно. Следствие по моему делу будет “успешно” завершено, видимо, таким же образом.

Проводящееся так расследование я считаю противозаконным. Более того, учитывая вышеизложенное, действия лиц, ведущих следствие по моему делу, необходимо квалифицировать как уголовное преступление, предусмотренное ст.ст.176, 178 УК РСФСР. Преступление это тем более опасно, что его исполнители явно уверены, и не без основания, в своей безнаказанности.

Моя деятельность более всего была направлена на то, чтобы наше государство уважало и исполняло свои собственные законы. Поэтому сейчас я не желаю быть пособником в преступной деятельности органов прокуратуры, тем более, что эта деятельность направлена против меня.

Я отказываюсь участвовать в следствии, результаты которого уже предрешены. Если я не могу предотвратить преступление, то во всяком случае не буду ему содействовать.

26 февраля 1980 г.

В.Бахмин

ПРИГОВОР

Именем Российской Советской Федеративной
Социалистической Республики

24 сентября

г.Москва

Судебная коллегия по уголовным делам Московского городского суда в составе председательствующего члена Мосгорсуда Байковой Н.Г., народных заседателей Хлыновой Л.В. и Барина И.А., при секретаре Братухиной Л.В., с участием прокурора Праздниковой Т.Н. и адвоката Поляка А.Г. рассмотрела в открытом судебном заседании дело по обвинению

БАХМИНА Вячеслава Ивановича, 25 сентября 1947 г. рождения, уроженца г.Калинина, русского, беспартийного, образование высшее, женатого, имеющего ребенка в возрасте 7 лет, работавшего старшим инженером ВНИИ социальной гигиены и организации здравоохранения, проживавшего в г.Москве, Байкальская ул., дом 46, корп. 2, кв.52, несудимого, обвиняемого по ст.190-1 УК РСФСР,

У С Т А Н О В И Л А

Подсудимый Бахмин в период с мая 1977 г. по февраль 1980 г. систематически занимался составлением, изготовлением и распространением в письменной и печатной форме произведений, содержащих заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй.

Являясь одним из организаторов и авторов издания нелегального машинописного сборника "Информационный бюллетень" Бахмин помещал в его выпусках материалы, якобы свидетельствующие о злоупотреблениях психиатрией, т.е. использовании психиатрии в СССР в политических целях: преследовании граждан за их убеждения, объявлении их душевнобольными и незаконном помещении их без достаточных медицинских оснований и показаний в психиатрические больницы и содержание их там с нарушением действующего законодательства.

Игнорируя официальные предупреждения о прекращении преступной деятельности, Бахмин продолжал заниматься изготовлением и распространением материалов, которые нелегальным путем передавались за границу, где использовались антисоветскими издательствами и радиостанциями в целях формирования у мировой общественности искаженных представлений об СССР и враждебной нашей стране пропаганды.

Так, в ноябре 1977 года Бахмин совместно с другими лицами подготовил и распространил "Информационный бюллетень" №4, в котором клеветнически утверждалось, что Баранов Н.И., как один из "политзаключенных спецпсихбольниц" находится в тяжелых условиях, подвергается интенсивному воздействию нейролептиков и за то, что при свидании с матерью просил ее сходить к академику

Сахарову и просить его о заступничестве, его якобы в течение трех месяцев кололи препаратами мышьяка.

После размножения данные материалы были направлены Бахминым главному врачу Орловской психбольницы, распространены на территории СССР и переданы за границу, где помещены в журнале “Посев” №7, выпущены этим же издательством, являющимся органом зарубежной антисоветской организации “Народно-трудовой союз”, в 1978 г. отдельной брошюрой, куда вошли №№ 1-5, 7-9 “Информационных бюллетеней”, опубликованы в “Хронике текущих событий” №47 за ноябрь 1977 г., №52 за март 1979 г., переданы радиостанцией “Свобода” 07.06.79 г.

В декабре 1977 г. Бахмин совместно с другими лицами подготовил и распространил “Информационный бюллетень” №5, в котором поместил заведомо ложное заявление Ю.Белова об имевших место преследованиях ряда врачей-психиатров Сычевской и Красноярской городской и областной психиатрических больниц “за сочувствие к политзаключенным и отказ выполнять бесчеловечные приказы” администрации. После размножения данного бюллетеня, он был передан за границу, где использовался газетой “Русская мысль” от 06.04.78 г. и 26.04.79 г., радиостанцией “Свобода” 07.06.79 г., “Хроникой текущих событий” №48 за март 1978 г., а также помещен в брошюре издательства “ПОСЕВ” вместе с другими номерами бюллетеня с целью нанесения ущерба международному престижу Советского Союза.

В материалах “Информационного бюллетеня” №7, 9, 14, 15, 16, подготовленных Бахминым совместно с другими лицами в период февраля 1978 г. - апреля 1979 г. говорилось об арестованном в апреле 1973 г. Арвидасе Чеханавичусе, которому якобы предъявлено обвинение в антисоветской агитации и пропаганде, признанном неменяемым и направленном в психбольницу общего, а затем специального типа, откуда его якобы не выписали в связи с тем, что его посещали друзья и иностранцы. После размножения эти материалы были распространены Бахминым на территории СССР: в том числе “Информационный бюллетень” №16 направлен в Прокуратуру СССР, Министерство здравоохранения СССР, и переданы за границу, где опубликованы в “Хронике текущих событий” №46 за август 1977 г., передан радиостанцией “Свобода” 05.06 и 21.10.79 г., а №№ 7, 9 бюллетеня выпущены издательством “Посев” вместе с рядом других сборников.

В феврале 1978 г. Бахмин совместно с другими лицами подготовил и распространил “Информационный бюллетень” №7, в котором помещена копия заявления Бахмина и Подрабиника, впоследствии осужденного по ст.190-1 УК РСФСР, президенту Всемирной ассоциации психиатров, где клеветнически утверждается, что “Злоупотребления психиатрией в СССР в последние месяцы приняло еще большие размеры, используя психиатрию, советские власти стремятся расправиться с любой формой политического протеста”, и в качестве примера приводилась госпитализация в психбольницу якобы психически здорового Николаева Е.Н. Заявления по этому факту были направлены Бахминым в Министерство

здравоохранения СССР, к главному психиатру г.Москвы, помещены в бюллетенях №7 и 8, которые после размножения были распространены на территории СССР и переданы за границу, где использовались в выпусках №48, 49 “Хроники текущих событий” в марте и мае 1978 г., выпущены издательством “Посев” в составе вышеуказанного сборника в целях нанесения ущерба международному престижу СССР.

В июне 1978 г. Бахмин совместно с другими лицами изготовил и распространил “Информационный бюллетень” №9, в котором клеветнически утверждалось, что в октябре 1977 г. в Калининградскую областную психиатрическую больницу был принудительно госпитализирован Коновалихин В.И., впоследствии привлеченный к уголовной ответственности по ст.190-1 УК РСФСР, и этот случай рассматривался как использование психиатрии в политических целях. После размножения материалы были распространены на территории СССР и переданы за границу, где наряду с другими номерами “Информационных бюллетеней” опубликованы издательством “Посев” в 1978 г. в вышеназванном сборнике.

В октябре 1978 г. Бахмин совместно с другими лицами изготовил и распространил “Информационный бюллетень” №12, в котором клеветнически утверждалось о существовании в нарушение действующего законодательства практики невручения больным в психиатрических больницах направленных им посылок, а также угроз и давления на них со стороны администрации с целью заставить их отказаться от получения посылок. В качестве примера Бахминым приводилась Казанская спецпсихбольница, в связи с чем им были направлены заявления начальнику указанной больницы, в прокуратуру г.Казани.

Материалы бюллетеня после размножения распространены на территории СССР и переданы за границу, где опубликованы в “Хронику текущих событий” №45 и №51, а также переданы радиостанцией “Свобода” 15.11.78 г. и 07.06.79 г.

В ноябре 1978 г. и в январе 1979 г. Бахмин совместно с другими лицами изготовил и распространил “Информационный бюллетень” №13, 14, в которых клеветнически утверждалось, что в Московскую областную психиатрическую больницу №5 при отсутствии медицинских показаний был насильственно госпитализирован Кузькин А.А., где подвергался интенсивному лечению якобы в связи с его религиозными убеждениями, и данный факт представлен как случай злоупотребления психиатрией в политических целях.

Заявления по этому факту были направлены Бахминым в указанную психиатрическую больницу, главному психиатру Московской области, копии заявлений помещены в названные номера бюллетеня, размножены и распространены на территории СССР и переданы за границу, где использовались радиостанцией “Свобода” 19 января и 6 июня 1979 г. во враждебной пропаганде против СССР.

В период марта, июня, августа 1979 г. Бахмин совместно с другими лицами изготовил и распространил “Информационный бюллетень” №16, 17, 18, в которых заведомо ложно утверждалось, что

привлеченный к уголовной ответственности по ст.70, 218 УК РСФСР и признанный невменяемым Демьянов Н.И., помещенный в Пермскую областную психбольницу №1 в качестве наказания, не обусловленного медицинскими показаниями, подвергается лечению сильнодействующими лекарствами, а затем в качестве репрессии за независимое поведение переведен в специальную психиатрическую больницу.

Заявление аналогичного содержания Бахмин направил в указанную больницу, а также поместил в бюллетенях копии своих клеветнических заявлений как в больницу, так и в Исполком Всемирной психиатрической ассоциации, Королевский колледж психиатров, организацию “Международная амнистия”.

После размножения указанные выпуски бюллетеней были распространены на территории СССР. №№ 17 и 18 направлены в Прокуратуру СССР, Министерство здравоохранения СССР и №№ 15, 17 и 18 переданы за границу, где вышеуказанные материалы опубликованы в “Хронике текущих событий” №№ 52, 53, 54 за март, август, ноябрь 1979 г. и переданы радиостанцией “Свобода” 5 июня и 3 ноября 1979 г. с целью нанесения ущерба международному престижу Советского Союза.

В октябре 1978 г. и апреле 1979 г. Бахмин совместно с другими лицами изготовил и распространил “Информационные бюллетени” №12, 16, в которых клеветнически утверждалось, что в психиатрическую больницу №4 г.Москвы помещен для обследования якобы психически здоровый Комаров А.Е., которому вопреки этическим нормам насильственно назначены инъекции и грозит принудительный перевод в психиатрическую больницу по месту жительства для лечения, что, как и в других случаях, необоснованно рассматривается Бахминым как злоупотребление психиатрией.

После размножения эти материалы были распространены Бахминым на территории СССР, в том числе направлены в психбольницы г.Москвы и г.Саратова, в Прокуратуру СССР, в Министерство здравоохранения СССР, а также нелегально переданы за границу, где использовались радиостанцией “Свобода” 16.12.78 г. и 12.11.79 г. и опубликованы в “Хронике текущих событий” №51 за декабрь 1978 года.

В период января, апреля, июня 1979 г. Бахмин совместно с другими лицами изготовил и распространил “Информационный бюллетень” №14, 16, 17 в которых клеветнически утверждалось, что находящегося в 3-й Ленинградской областной психиатрической больнице Ляпина А.С. заставили пересмотреть свои убеждения, грозили курсом инъекций галоперидола “за попытку отправить письма в обход цензуры”.

После размножения №16 и №17 бюллетеня, они были направлены Бахминым в указанную больницу, Прокуратуру СССР, Министерство здравоохранения СССР, распространены на территории СССР и переданы за границу, где использовались радиостанцией “Свобода” 14.10.78 г. и 5 июня и 26 ноября 1979 г. и “Хроникой текущих событий” №52 и 53 в марте и августе 1979 г. во враждебной СССР пропаганде.

В июне 1979 г. Бахмин совместно с другими лицами изготовил “Информационный бюллетень” №17, в котором тенденциозно и клеветнически утверждалось, что привлеченный к уголовной ответственности по ст.206 УК РСФСР Ермолаев С.Л. направлен на психиатрическую экспертизу не в связи с сомнением в его психическом состоянии, “а в связи с обстоятельствами дела, отношением к Ермолаеву на следствии и в суде, его независимым поведением на следствии и попыткой открыто выражать свои убеждения и взгляды”, что якобы расценивается как “ненормальное” поведение.

После размножения эти материалы были распространены на территории СССР, в частности направлены Бахминым директору ЦНИИ судебной психиатрии им.Сербского, в Министерство здравоохранения СССР, Прокуратуру СССР и переданы за границу, где использовались в передаче радиостанции Би-Би-Си 06.06.79 г.

В августе 1979 г. Бахмин совместно с другими лицами изготовил и распространил “Информационный бюллетень” №18, в котором помещена копия заявления за подписью Бахмина, адресованного главному врачу Львовской областной психиатрической больницы и прокурору Львовской области, где клеветнически утверждается о существовании практики злоупотребления психиатрией в Советском Союзе и в качестве примера приводится случай госпитализации в психиатрическую больницу г.Ивано-Франковска Сичко В.П., направление которого на экспертизу расценивается автором “как желание следственных органов вновь использовать психиатрию как инструмент наказания...” “в связи выдвинутыми против Сичко обвинениями политического характера”.

После размножения эти материалы были направлены Бахминым по указанным адресам и переданы за границу, где использовались радиостанцией “Свобода” 29.11.79 г. во враждебной СССР пропаганде.

В феврале 1980 г. Бахмин совместно с другими лицами изготовил и распространил “Информационный бюллетень” №21, в котором клеветнически утверждалось, что 07.12.79 г. по путевке, выданной врачом Ворошиловского районного психиатрического диспансера г.Москвы, был необоснованно насильственно госпитализирован Себелев П.М., якобы не обнаруживший признаков психического заболевания, в связи с чем этот случай рассматривается как пример злоупотребления психиатрией. Материалы бюллетеня после размножения были распространены на территории СССР.

В октябре 1978 г. Бахмин изготовил и направил главврачу Калининградской областной психиатрической больницы письмо, в котором необоснованно высказываются клеветнические утверждения о якобы недопустимых условиях содержания больных в данной больнице, жестоком обращении с ними медперсонала, особенно медсестер Квасницкой, Довгаленко, Захарик, нарушении правил гигиены и других нарушениях законности и должностных инструкций в работе персонала больницы.

В сентябре 1977 г. Бахмин совместно с другими лицами изготовил и распространил “Информационный бюллетень” №2, в

котором было помещено заявление, адресованное “психиатрам - участникам конгресса в Гонолулу”, за подписью Бахмина и других лиц, содержащее заведомо ложные утверждения в том, что в СССР “психиатрия используется не только для лечения душевнобольных, но и в качестве инструмента подавления гражданских свобод,... в карательных политических целях”, что якобы подтверждается многочисленными документами и личными свидетельствами, в связи с чем содержится призыв осудить указанную практику.

Материалы бюллетеня, и в том числе заявление, после размножения были распространены на территории СССР и переданы за границу, где опубликованы в указанном выше сборнике издательства “Посев” и в “Хронике текущих событий” №47 в XI.77 г. в целях нанесения ущерба международному престижу СССР.

Он же в январе 1980 г. передал через своего брата Бахмина Виктора для ознакомления находившемуся в ссылке в пос. Усть-Нера Оймяконского р-на Якутской АССР Подрабинеку А.П. опубликованную за рубежом в журнале “Континент” статью Л.Алексеевой “Путеводитель по аду психиатрических тюрем”, содержащую заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй, в виде пересказа признанной ранее Московским областным судом клеветнической книги А.Подрабинека “Карательная медицина”, в которой содержатся утверждения об использовании якобы “советской психиатрии как орудия подавления инакомыслия”, о “тоталитарности советской системы”, “замкнутой несвободе” общества и т.п.

Он же в период января-ноября 1979 г. неоднократно в г.Москве передавал для ознакомления гр.Соколову А.П. различную тенденциозную клеветническую литературу, нелегально изданную в СССР, а также за рубежом, в том числе в середине декабря 1979 г. передал ему с указанной целью изданную за рубежом издательством “Имка-пресс” книгу А.И.Солженицына “Архипелаг ГУЛаг”, части 3 и 4, содержащую заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй.

В судебном заседании подсудимый Бахмин виновным себя не признал в совершении указанного преступления и от дачи показаний отказался. На предварительном следствии Бахмин также не признавал свою вину в совершении преступления и показаний по существу предъявленного обвинения не давал, но направил в адрес следственных органов заявление, в котором указал, что изложенные в “Информационных бюллетенях” и его письмах факты клеветническими не являются, хотя и могут содержать неточности.

Судебная коллегия проверив материалы дела, находит доказанной вину Бахмина в систематическом занятии составлением, изготовлением и распространением в письменной и печатной форме произведений, содержащих заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй.

Его вина в совершении этого преступления подтверждается “Информационными бюллетенями” №№ 2, 4, 5, 7, 9, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 21, где указывается о якобы незаконных госпитализациях и

содержании в психиатрических больницах граждан Баранова Н.И., Чеханавичуса А., Николаева Е.Н., Коновалихина В.Н., Кузькина А.А., Демьянова Н.И., Комарова А.Е., Себелева Н.М., о применении к некоторым из них якобы неправильных методов лечения и лишении больных психиатрических больниц посылок; о якобы оказанном давлении администрацией больниц на больных с целью заставить их отказаться от получения посылок и преследовании врачей-психиатров, которые, якобы, имели место в Сычевской и Красноярской психиатрических больницах “за сочувственное отношение к политзаключенным и отказ выполнять бесчеловечные приказы администрации” т.” л.д. 115-131, 150-160, 203-236, 345-375; т.3 л.д. 33-60, 61-98, 100, 140, 141-214, 217-253, 257-293, 298-331, 364-366, 369-404, 512-542; письмом, составленным Бахминым и направленным им главному врачу Калининградской областной психиатрической больницы о якобы недопустимых условиях содержания больных в этой больнице, жестоким с ними обращении, особенно медсестер Квасницкой, Довгаленко, Захарик и др., нарушениях законности и должностных инструкций. Участие Бахмина в сборе материалов для бюллетеней и письма к Калининградскую областную психиатрическую больницу; составлении их текстов и изготовлении бюллетеней и письма подтверждается фактом изъятия у него 272 информационных карт со списками психиатрических больниц; картотекой психически больных лиц, указанных в “Информационных бюллетенях”; протоколом изъятия у Бахмина “Информационных бюллетеней” №№ 1, 2, 8, 12, 20, т.1, л.д. 6-7, 41-60, письмом, изъятим у Подрабинека и написанным, как это установлено заключением эксперта-почерковеда, т.1, л.д. 339-340, Бахминым о выпуске им “Информационных бюллетеней” №21, об увеличении тиража выпускаемых бюллетеней, т.5, л.д. 110, 111, 113, 116, 119, 120; рукописными правками Бахмина, что также установлено заключением эксперта-почерковеда, текста в “Информационном бюллетене” №20, изъятим у Гривниной, т.1, л.д. 160, т.3, л.д. 480-511, т.1, л.д. 339-343; заключением эксперта-почерковеда о том, что подпись в письме на имя главного врача Калининградской областной психиатрической больницы исполнена Бахминым, т.1, л.д.338 об.; протоколом осмотра “Информационных бюллетеней” о том, что на титульных листах этих бюллетеней одним из авторов их значится Бахмин и указан его адрес, т.3. л.д.4-7.

Сам Бахмин также признавал свое участие в составлении “Информационных бюллетеней”, о чем указал в заявлении, написанном им в стадии предварительного следствия 26.02.80 г., т.1, л.д. 250-253.

Свидетели Румшиская, В.Бахмин и Хромова на следствии и в суде и свидетель Ноткин в стадии предварительного следствия подтвердили участие Бахмина в изготовлении “Информационных бюллетеней”. То, что изготовленные Бахминым материалы носят клеветнический характер подтверждается следующими доказательствами.

Так, из выписок из истории болезни на Баранова, т.4, л.д.36-38; Николаева, т.4, л.д. 117-122; Кузькина, т.4, л.д.182; Демьянова, т.4,

л.д. 241-242; Комарова, т.4, л.д. 277-278; Ляпина, т.4, л.д. 314, 318-319; Себелева, т.5, л.д. 55-56, а также из акта судебно-психиатрической экспертизы на Демьянова, т.4, л.д. 238-240; усматривается, что все эти лица страдают психическими заболеваниями, в психиатрические больницы помещены обоснованно и их обследование и лечение производилось с учетом их психического состояния и медицинских данных.

Обоснованность выводов врачей-психиатров в отношении Николаева, Комарова и Себелева проверена официальной комиссией, которая нашла эти выводы правильными, т.1, л.д. 218, 216, 213.

Из показаний свидетеля Королева также видно, что Баранов долгое время страдает шизофренией, препараты мышьяка, о чем указывает Бахмин Баранову никогда не вводились, а в психиатрическую больницу специального типа Баранов переведен обоснованно, так как он участвовал в нападении на медперсонал, во время которого была убита медсестра.

Правильность помещения в психиатрическую больницу Кузькина подтверждается показаниями свидетеля Клещевникова, лечащего врача Кузькина, а также копией заявления матери Кузькина, Кузькиной Н.И., с просьбой о лечении сына, т.4, л.д.189-191, 188.

Свидетели Королев и Сажаева подтвердили наличие у Демьянова психического заболевания в форме шизофрении, а также обоснованность применявшегося к нему лечения и перевода его в больницу специального типа.

Свидетель Гофман пояснила, что Комаров помещен в больницу по его просьбе, признан психически больным и переведен на лечение по месту жительства.

Свидетель Петров показал, что Ляпин является психически больным человеком, и отказываться от своих убеждений его никто не заставлял. В психиатрическую больницу он помещен исключительно в целях лечения в связи с психическим заболеванием.

Свидетель Кольцова подтвердила, что Себелев является психически больным человеком и помещен в больницу по заявлению родственников, а также в связи с тем, что Себелев употребляет алкоголь, в нетрезвом виде избил родственников и учинил дома дебош, и в этой связи был общественно опасен, поэтому помещение Себелева в больницу основано на требованиях инструкции о неотложной госпитализации.

Что касается Чеханавичуса, то он совершил общественно опасные действия, связанные с самовольным присвоением звания должностного лица, подделкой, изготовлением и сбытом печати, бланка, незаконным врачеванием, а не агитацию и пропаганду, как утверждает Бахмин, что видно из определения нарсуда Пожельского р-на, г.Каунаса, т.4, л.д. 90, 91, признан в отношении этого деяния судебными экспертами-психиатрами невменяемым, т.4, л.д. 92-94, и обоснованно направлен в психиатрическую больницу на принудительное лечение. В психиатрическую больницу специального типа Чеханавичус переведен по той причине, что, находясь в больнице общего типа, совершал побег, избегал лечения, что усматривается из этого же определения народного суда.

Эти обстоятельства подтвердил и свидетель Плискунов.

Также обоснованно, как это видно из материалов дела, направлялись на экспертизу, а в связи с этим госпитализировались, Коновалихин, Ермолаев и Сичко.

Из справки на л.д.129, т.4 усматривается, что Коновалихин состоит на учете в психоневрологическом кабинете неманской больницы. Отец Коновалихина, свидетель Коновалихин, показал, что он был обеспокоен состоянием здоровья сына и в связи с этим написал участковому невропатологу заявление с просьбой госпитализировать и обследовать сына.

В заявлении, которое находится на л.д.126 т.4, такая просьба действительно содержится.

Ермолаев был направлен на стационарную судебно-психиатрическую экспертизу, как это видно из определения Москворецкого районного народного суда и акта стационарной судебно-психиатрической экспертизы вследствие того, что амбулаторная экспертиза не смогла решить вопрос о его вменяемости, т.4, л.д. 339-341, 344-347.

Обоснованность направления Сичко на экспертизу подтверждается выписками из истории его болезни и заключением экспертов-психиатров о том, что Сичко состоял на учете у психиатра и неоднократно находился на лечении в психиатрических больницах, т.5, л.д. 20-25, 30, 33-34, 36-38, а также показаниями свидетеля Обуховой об этих обстоятельствах.

Указанные факты, а также то, что экспертами-психиатрами и приговорами судов т.4, л.д.130-133, 344-347, т.5, л.д.20-25, т.4., л.д. 134-138, Коновалихин, Ермолаев, Сичко признаны вменяемыми в отношении инкриминируемых им деяний, опровергает утверждение Бахмина о том, что случаи с этими лицами являются примерами использования психиатрии в политических целях.

Материалами дела опровергнуты заявления Бахмина о том, что в Сычевской и Красноярской больницах имело место преследование врачей со стороны администрации; что в психиатрических больницах, в том числе Казанской психиатрической больнице, больным не вручались посылки и на больных со стороны администрации оказывалось давление с целью заставить их отказаться от получения посылок, что в Калининградской областной психиатрической больнице существуют недопустимые условия содержания больных, жестокое обращение с ними медперсонала, особенно медсестер Квасницкой, Довгаленко и Захарик, нарушается законность и должностные инструкции.

Так, свидетели Гуревич, Андреев, Мачик и Соколов в судебном заседании рассказали, что лица, указанные Бахминым в "Информационном бюллетене" №6 и работавшие в Сычевской и Красноярской больницах, никаким преследованиям не подвергались. Свидетели Королев и Пемидеев показали, что в Казанской психиатрической больнице никаких ограничений в получении передач больными нет. Из показаний свидетеля Рамхена усматривается, что условия содержания больных в Калининградской областной психиатрической больнице соответствуют требованиям инструкции,

что жалоб на жестокое обращение медперсонала, в том числе медсестер Квасницкой, Довгаленко и Захарик, с больными не поступало.

Из справки главного врача больницы видно, что в 1976 г. Калининградская областная психиатрическая больница неоднократно подвергалась проверкам, и серьезных недостатков в условиях содержания больных не выявлено, не отмечено и грубое обращение с больными. Медсестры Квасницкая, Довгаленко и Захарик по работе характеризуются положительно, т.5, л.д.73-75, 76-77.

Приведенные доказательства опровергают заявление Бахмина о том, что в СССР психиатрия используется не только для лечения больных, но и в качестве инструмента подавления гражданских свобод, в карательных политических целях.

Таким образом, факты, указанные Бахминым в “Информационных бюллетенях” и в письме на имя главного врача Калининградской областной психиатрической больницы, приведенными выше доказательствами опровергнуты.

Утверждение Бахмина в заявлении, написанном им в органы следствия о том, что его деятельность не носила клеветнического характера, т.к. помещенные им в “Информационных бюллетенях” факты сообщались ему лицами, которым он доверял, противоречат материалам дела.

Бахмин знал, что помещенные им в “Информационных бюллетенях” и письме на имя главного врача Калининградской областной психиатрической больницы сведения, являются клеветой на советский государственный и общественный строй; и это обстоятельство подтверждено следующими доказательствами.

Выводы об использовании психиатрии в политических целях делались Бахминым систематически на основе непроверенных данных, полученных от лиц, привлеченных к уголовной ответственности за особо опасные государственные преступления или за клевету на советский государственный и общественный строй. При этом сам Бахмин медицинского образования не имел.

К тому же Бахмину было известно, что “Информационные бюллетени” №8 и 11 признаны приговором судебной коллегии по уголовным делам Черновицкого областного суда по делу в отношении Зисельса И.С. клеветническими т.2, л.д. 377-384 и об этом он писал в письме Подрабинеку, т.5, л.д.114об.

В октябре 1979 года Бахмин вызывался для беседы в КГБ СССР, где его предупредили о неправомерности его деятельности, выраженной в распространении изготовленных им клеветнических материалов, однако и после этого Бахмин продолжал изготавливать “Информационные бюллетени”, где помещал сведения, аналогичные по характеру прежним. Кроме того, в тексте бланков, которые Бахмин распространял среди своих знакомых для сбора интересующих его сведений, было указано: “При угрозе обыска постарайтесь анкету уничтожить!”. Это уличает Бахмина в том, что он знал о противоправности своей деятельности и понимал, что изготавливаемые им произведения содержат в себе заведомо ложные измышления,

порочащие советский государственный и общественный строй, и потому являются клеветническими.

Распространение Бахминым таких произведений подтверждается фактом изъятия у Терновского “Информационных бюллетеней” №№18, 19, 20; у Гривниной “Информационных бюллетеней” №№9, 12, 14, 17, 18, 20, 21 и ранее изъятых у нее бюллетеней №№6, 8, 11, 12, 16, 14, 15, 17, 18, 19, 20;

у Сереброва- “Информационных бюллетеней” №№1, 4, 6, 7, 8, 2, 3, 11, 14, 18;

у Рыжова-Давыдова - “Информационных бюллетеней” №19;

у Сарбаевой “Информационного бюллетеня” №9;

у Зисельса - “Информационных бюллетеней” №№8, 11;

у Ланды - “Информационных бюллетеней” №№12, 18;

у Некипелова - “Информационных бюллетеней” №№15, 16, 17, 18, 19;

у Ляпина - “Информационных бюллетеней” №№14, 16, 17, что усматривается из протоколов обысков у указанных выше лиц, т.1, л.д.19об., 30, 39об., 79, 117, 136, 152-153, 154, 163, т.2, л.д. 118, 377-384, т.3, л.д.3, т.2, л.д.12, т.1, л.д.93-94, т.3, л.д.112, 231, 343-344.

Из этих же протоколов обысков усматривается, что ряд номеров “Информационных бюллетеней” изымались в нескольких экземплярах.

Как установлено осмотром “Информационных бюллетеней”, все они являются машинописными текстами и не первыми экземплярами, т.2, л.д.4-7, это свидетельствует об их массовом изготовлении и распространении.

Распространение Бахминым клеветнических материалов подтверждается и приобщенными к делу письмами за его подписью, направленными в различные организации и учреждения, копии которых помещены в приложениях к “Информационным бюллетеням”. Принадлежность подписей на указанных письмах Бахмину подтверждается заключением эксперта-почерковеда, т.1, л.д.339-340.

Так, Бахминым были направлены письма и другие материалы клеветнического характера главному врачу Орловской психиатрической больницы, т.4, л.д.2, в Прокуратуру СССР, т.3, л.д.215-259, 368-369, 370, и далее до 404, 297-331, в Министерство здравоохранения СССР, т.3, л.д.255-293, 406-451, 333-367, т.4, л.д.103-104, главному психиатру г.Москвы, т.4, л.д.102, в Калининградскую областную психиатрическую больницу, т.2, л.д.340; в Прокуратуру г.Казани, т.4, л.д.4, в Московскую областную психиатрическую больницу №5, т.4, л.д.161, 169, 183, 186; в Пермскую областную психиатрическую больницу, т.4, л.д. 193-195, в Саратовскую областную психиатрическую больницу, т.4, л.д. 244-246, в психиатрическую больницу г.Саратова, т.4, л.д.246, в психиатрическую больницу им.Ганнушкина т.4, л.д.250, 253-254, в Ленинградскую областную психиатрическую больницу №3, т.4, л.д.320, 326, в институт судебной психиатрии им.проф.Сербского, т.4, л.д.333, 343-352, главному врачу Львовской областной психиатрической больницы и прокурору Львовской области, т.5,

л.д.1-2; в психоневрологический диспансер Ворошиловского района г.Москвы, т.3, л.д.542; главному врачу Калининградской областной психиатрической больницы, т.5, л.д.60.

О распространении материалов клеветнического характера путем их направления в различные учреждения и организации показал и свидетель Ноткин, которому об этом стало известно от Бахмина, т.1, л.д.272-273. Из показаний свидетеля Ноткина усматривается и то, что материал клеветнического характера, помещенный Бахминым в “Информационных бюллетенях”, Бахмин передавал за границу, устраивал пресс-конференции, куда приглашал иностранных журналистов и предавал гласности свою информацию.

О том, что клеветнический материал, содержащийся в “Информационных бюллетенях”, Бахмин передавал за границу, свидетельствует и то, что одно из заявлений, помещенных в указанных бюллетенях, было адресовано президенту Всемирной ассоциации психиатров, т.2, л.д.232, а другие - психиатрам-участникам конгресса в Гонолулу, т.2, л.д.128.

Передача Бахминым “Информационных бюллетеней” за границу подтверждается и фактом их использования зарубежными антисоветскими издательствами и радиостанцией “Свобода”, что усматривается из приобщенных к делу ксерокопий статей, опубликованных этими издательствами и выписок из передач радиостанции “Свобода”, содержащих клеветнический материал из указанных “Информационных бюллетеней”.

Так, клеветнический материал из “Информационного бюллетеня” №4 опубликован журналом “Хроника текущих событий” №47 за 1977 г., т.4, л.д.19, т.5, л.д.85, издаваемым в США в Нью-Йорке, из бюллетеня №4 тем же журналом №52 за 1979 г. - “Информационных бюллетеней” №№ т.4, л.д.21-26, из бюллетеня №5 тем же журналом №48 за 1978 г., т.3, л.д.543 (стр.77-79), из бюллетеня №№7, 9, 14, 15, 18 тем же журналом №51 за 1978 г., т.4, л.д.256-257, 259-260; №46 за 1977 г., т.4, л.д.83, №№48,49 за 1978 г., т.4, л.д.108-109, 113-114, из бюллетеней №№15, 17, 16 теми же журналами №№52, 53, 54 за 1979 г., т.4, л.д.24-25, 285-286, 222-223; из бюллетеней №14, 16, 17 теми же журналами №№52, 53 за 1979 г., т.4, л.д.24, 288.

Как видно из выписок из передач радиостанции “Свобода”, она передавала клеветнический материал, помещенный Бахминым в “Информационном бюллетене” №4 - 07.06.79 г., т.4, л.д.13; помещенный в бюллетене №5 - 07.06.79 г., т.4, л.д.53-54; помещенный в бюллетенях №№7, 9, 14, 15, 16 - 05.06.79 г. и 21.10.79 г., т.4, л.д.85-87, 206-207, помещенный в бюллетене №12 - 15.11.78 г. и 07.08.79 г., т.4, л.д.7-12; помещенных в бюллетенях №№13, 14 - 13.01 и 05.06.79 г., т.4, л.д.178-179, 212-213; помещенных в бюллетенях №№15, 17, 18 - 05.06 и 03.11.79 г., т.4, л.д.207-208, 215-219; помещенных в бюллетенях №№12, 16 - 15.11.78, 12.11.79 г., т.4, л.д.263-266, 270-271; помещенных в бюллетенях №№14, 16, 17 - 14.10.78, 05.06 и 26.11.79 г., т.4, л.д.292-294, 301-307, помещенный в бюллетене №18 - 23.11.79 г., т.5 л.д. 5-11.

Кроме того, клеветнический материал, помещенный Бахминым в “Информационных бюллетенях”, публиковался и другими зарубежными издательствами и передавался радиостанцией Би-Би-Си.

Так, материал из бюллетеня №17 был передан этой радиостанцией 06.06.79 г., т.4, л.д.385.

Газетой “Русская мысль” 06.04 и 26.0478 г. опубликован материал клеветнического характера, помещенный Бахминым в “Информационном бюллетене” №5, т.4, л.д.49-50, 51-52.

В брошюре издательства “Посев” опубликованы “Информационные бюллетени” №№1-5, 7-9, содержащие клеветнические измышления на советский государственный и общественный строй, т.3, л.д.543, при этом, как видно из писем Бахмина к Подрабинеку, Бахмину было известно об использовании антисоветскими зарубежными издательствами помещаемых им материалов в “Информационных бюллетенях”. О связи Бахмина с этими издательствами свидетельствуют его письма, где он указывал об этом обстоятельстве., т.5, л.д.109-123.

Вина Бахмина в распространении статьи Л.Алексеевой “Путеводитель по аду психиатрических тюрем”, в которой пересказывается книга Подрабинека “Карательная медицина” и содержатся клеветнические измышления, порочащие советский государственный и общественный строй, подтверждается письмом, как установлено заключением эксперта-почерковеда, т.5, л.д.339-340, написанным Бахминым и изъятым у Подрабинека, т.5, л.д.2, и находящемся в деле т.5, л.д.109, из которого устанавливается, что обнаруженная у Подрабинека статья Л.Алексеевой была ему направлена подсудимым Бахминым с братом - свидетелем В.Бахминым, протоколом обыска по месту жительства Подрабинека, т.5, л.д.90, как видно из которого, указанная статья была изъята у него; копией приговора в отношении Подрабинека, т.5, л.д.129-133, которым установлено, что книга Подрабинека “Карательная медицина”, а следовательно и указанная статья Л.Алексеевой, являются клеветническими; копией журнала “Континент”, где опубликована статья Л.Алексеевой, которая и сама по себе является клеветнической; показаниями свидетеля Бахмина Виктора, о том, что зимой 1979-1980 гг. он действительно ездил к Подрабинеку.

С заявлением о том, что в этих действиях Бахмина нет состава преступления, т.к. Подрабинеку была послана статья, пересказывающая его книгу клеветнического характера, судебная коллегия не может согласиться, поскольку статья Л.Алексеевой не только пересказывает книгу Подрабинека, а содержит иной материал, являющийся клеветой на советский государственный и общественный строй, в связи с чем распространение такой статьи, в том числе и передача ее Подрабинеку, является преступлением.

Вина Бахмина в распространении книги Солженицына “Архипелаг ГУЛаг”, связанном с передачей этой книги Соколову, подтверждается показаниями Соколова и его заявлением о том, что книгу “Архипелаг ГУЛаг” ему передал Бахмин, т.5, л.д.137-138, 134-135; протоколом добровольной выдачи Соколовым книги “Архипелаг ГУЛаг”; копиями приговоров в отношении Зисельса и

Гинзбурга, которыми названная книга признана клеветнической, т.2, л.д.377-384, т.5, л.д.142-153.

Таким образом, вина Бахмина в составлении, изготовлении и распространении в письменной и печатной форме произведений, содержащих заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй, доказана, и в этой связи его действия по ст.190-1 УК РСФСР квалифицированы правильно.

При назначении Бахмину наказания судебная коллегия учитывает характер и степень общественной опасности совершенного им преступления, данные о его личности и все обстоятельства дела.

Как установлено судом, преступление Бахмин совершал на протяжении нескольких лет, являлся одним из его организаторов. При этом он не только распространял заведомо ложные измышления, но и занимался изготовлением произведений такого характера, а также распространялись произведения клеветнического характера им в печатной форме.

В 1970 г. Бахмин привлекался к уголовной ответственности по ст.70 УК РСФСР и Указом Президиума Верховного Совета СССР от 23.09.70 г. был помилован и освобожден от уголовной ответственности, однако должных выводов не сделал.

В 1979 г. Бахмин вызывался в органы КГБ, где ему предлагалось прекратить противоправную деятельность, однако и после этого он продолжал совершать преступление.

При таком положении судебная коллегия не усматривает в материалах дела каких-либо обстоятельств, в том числе и указанных в характеристиках, которые бы смягчали ответственность Бахмина и находит обоснованным назначить ему максимальное наказание, предусмотренное ст.190-1 УК РСФСР.

На основании изложенного и руководствуясь ст.ст.301-303, 313-315 УПК РСФСР, судебная коллегия

П Р И Г О В О Р И Л А

БАХМИНА Вячеслава Ивановича признать виновным в совершении преступления, предусмотренного ст.190-1 УК РСФСР и назначить ему по этой статье закона наказание в виде 3 (трех) лет лишения свободы с отбыванием наказания в исправительно-трудовой колонии общего режима.

Вещественные доказательства оставить при деле.

Зачесть в срок отбытия наказания Бахмину содержание под стражей с 12.02.80 г.

Взыскать с Бахмина В.И. судебные издержки в доход государства в сумме 331 руб. 45 коп.

Меру пресечения Бахмину В.И. оставить прежней - содержание под стражей.

Приговор может быть обжалован и опротестован в Верховный Суд РСФСР в течение 7 суток со дня провозглашения, а осужденным Бахминым В.И. в тот же срок со дня вручения ему копии приговора.

Подлинный за надлежащими подписями.

Верно: Член Московского городского суда

подпись

Секретарь

подпись

Печать.

Примеры лагерного жаргона

Курок, курковать – прятать.
Запарить – заварить чай.
По уму – продуманно, разумно.
Без базара – no problem.
Причесывать уши – вешать лапшу на уши.
Разобрать тубарь – врезать табуреткой, чтоб развалилась.
Птюха, птюшник – пайка хлеба.
Весло – рука.
Черти, пацаны, мужики – категории зэков на зоне.
Пристегнуть рога – заставить ишачить.
Припасть на хвост – струсить.
Защемить, устроить щемилово – прессовать, преследовать.
Ударить по кишке, кишковаться, набить кишку – наесться вволю.
Крыша едет, крыша замкнула – сошел с ума.
Гильза, зарядиться – свернуть нечто (как правило, деньги) в запаянную в полиэтилен гильзу и запрятать от шмона, иногда – в задний проход.
Накоцать - надеть наручники.
Закрыть – посадить в ШИЗО.
Машина – самодельный кипятильник для «чифира» (крепчайшего чая).
Закипятить банку – приготовить «чифир».
Заминехаться – поесть или попить что-то с «опущенными» или из их посуды.

Перетереть – поговорить и договориться.
Накатить – наехать с претензиями.
Выломиться – попроситься в другую камеру из-за претеснений.
Ломиться в отказ – отказаться от работы, с тем, чтобы закрыли в

ШИЗО.

Отмести ларь – отобрать, что купил в ларьке.
Вехотка – мочалка.
Отвязаться (на кого-то) – наброситься (словесно).
Вырулить – достать (что-то).
Кумарнуть, откумарить – побить, избить.
Покатит – пойдет, сгодится.
Вымогать – напрашиваться на неприятности.
Раскрутиться (на очередной срок).
Тусовка, бить тусовки – вместе ходить, гулять.
Развалить жбан – разбить голову.
Парафинить – тянуть (время).
Мычать, мычалово – работать как вол.
Быковская одежда – серый, стандартный зэковский костюм (для

быков).

Иконка – носовой платок (разрисованный).
Обиженный – опущенный.
Веревка, свить веревку – подставить кого-то, заложить.
Помазуха, посыпуха – масло (маргарин), сахар.

Из письма Сергея Двилиса после его освобождения от 23 ноября 1981 г.

“Еще во время нашей совместной бытности в уютной, относительно других заведений, библиотеке я, помнится, обещал С., что к моменту моего ухода он будет иметь вполне прочное положение среди эков и хорошее рабочее место на жилой зоне.

Первое мое предсказание оправдалось полностью. Положение сейчас его, будем так говорить, значительно выше среднего эка. И только отсутствие его желания мешает отнести его к той немногочисленной категории эков привилегированных, которой не хватает только свободы. Одним словом, дальнейшее укрепление его положения невозможно без пропорционального ухудшения жизни других. Это для него неприемлемо. Он пользуется известностью и уважением во всех кругах (“мастях”, как там выражаются), он относительно основной массы хорошо одет, а это там намного престижнее, чем “Жигули” на грешной воле, и, наконец, он хорошо будет встречен в любом отряде зоны, куда бы его ни перевели. Единственное, что мне не нравится в том, как он строит свои отношения с эками - это его, извините, простодушие. Мягко говоря, вступая в какие-либо отношения с любым эком он исходит из позиции предвзятой порядочности этого человека. Это, конечно, очень хорошо, но не в этой системе. В результате его частенько “надувают”, впрочем, по мелочам, на которых не стоит заострять внимание.

Что касается второго моего обещания, то тут, увы, все наши старания ни к чему не привели. То, что удавалось неоднократно для простых смертных, невозможно было сделать для С. “Высочайшее предписание” наложило вето на любую должность приемлемую для С., оставив ему две возможности - стать шнырем штаба, либо физический труд. Понятно, что он выбрал последнее.

Три месяца С. трудится во 2-м отряде на погрузке вагонов. Для улучшения его положения в этом плане я не могу ничего сделать и сейчас, будучи уже в другом, более весомом качестве. Попыток было более чем достаточно - все бесполезно. Я оставил эту затею.

Теперешнее положение С. по-прежнему прочное среди эков, омрачаемое лишь кознями администрации, по-отечески заботящейся о здоровье С., предоставляя ему возможность физически трудиться на свежем воздухе, упражняясь в поднятии тяжестей во избежании гиподинамии. Но С., какой молодец все-таки он! Я ни разу не видел его кислым или хотя бы угрюмым. Работает ловко как докер, весело и никогда не унывает. Показывает мне бицепсы и ржет как мерин. А работа тяжелая и длинная, однообразная и отупляющая. Плохо, что С. находится под персональной опекой администрации. С учетом его положения среди эков, он мог вообще не работать, только числиться в бригаде. Из эков бы ему никто слова не сказал. Но, к сожалению, усилиями оперчасти сделано так, что каждый лишний перекур для него чреват “пятнашкой”. А с его желудком эти сутки покажутся очень длинными....

Питается С. немного лучше, чем его коллеги по “физвоспитанию”, но все равно плоховато для такой работы. На жилой зоне в былые времена было куда лучше. Я ему помогаю насколько это возможно для меня и безопасно для него и буду помогать в дальнейшем.”

Сергей выполнил свое обещание, за что я ему очень благодарен.

П Р И Г О В О Р

Именем Российской Советской Федеративной
Социалистической Республики

4 марта 1983 г.

Судебная коллегия по уголовным делам Томского областного
суда в составе председательствующего: Миронова В.А.

народных заседателей Сухушиной Л.К., Рыхлевич Н.Б.

с участием прокурора Попырина Ю.В.

и адвоката Шаталовой Р.Н.

при секретаре Алмаевой Т.А.

рассмотрев в открытом судебном заседании в гор.Асино
дело по обвинению:

БАХМИНА ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВИЧА, 1947 года рождения,
урож., г.Калинина, русского, беспартийного, с высшим образованием,
женатого, имеющего ребенка 11 лет, судимого 24/08.80 г. Московским
городским судом по ст. 190-1 УК РСФСР к 3 годам лишения свободы,
отбывающего наказание в исправительно-трудовой колонии, по
ст.190-1 УК РСФСР.

у с т а н о в и л а :

В период отбывания наказания в исправительно-трудовой
колонии Бахмин в течение 1981-1982 годов систематически
распространял в устной форме клеветнические измышления,
порочащие советский государственный и общественный строй.

Так, при общении с осужденными Витрищаком, Засухиным,
Кантария и другими, а также персоналом колонии, излагал не
соответствующие действительности измышления, касающиеся
внешнеполитического курса СССР, избирательной системы,
положения лиц еврейской национальности в нашей стране, а также
функционирования отдельных звеньев государственной и
общественной системы.

Распространял клеветнические сведения относительно
“притеснения” лиц, которые не разделяют взглядов о нашей
действительности.

Так, при беседе с некоторыми осужденными, на их вопросы
Бахмин отвечал утверждая, пользуясь различными, сомнительного
характера источниками, что в СССР отдельные граждане
преследуются властями за их убеждения. В этих целях зачастую
используется психиатрия. Однако не привел конкретных фактов
использования психиатрии, как инструмента “подавления
инакомыслящих”. Утверждал, что в этих же целях используется и
судебная система.

Виновным себя Бахмин в совершении указанного преступления
не признал. По конкретным пунктам обвинения от дачи показаний

отказался. При этом заявил, что его спровоцировали на высказывание суждений по указанным вопросам. Он просто высказывал свою точку зрения по некоторым позициям, не считая ее ложной, тем более заведомо ложной.

Проверив материалы дела, судебная коллегия находит, что вина БАХМИНА в систематическом распространении в устной форме заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, нашла подтверждение в судебном заседании.

Допрошенные свидетели Аноп, Косулин, Витрищак и другие показали, что каких-либо провокационных бесед они с подсудимым не вели, а также не вынуждали его высказываться по тому или иному вопросу. Относились к нему, как ко всем, ни в чем его не притесняя. Жалоб в этом плане от него не поступало.

Эти показания объективно подтверждаются тем, что при расставании подсудимый подарил свидетелю Шульгину Англо-русский словарь с дарственной надписью.

Однако допрошенные свидетели Хитров, Засухин, Шульгин и другие показали, что неоднократно слышали утверждения Бахмина относительно того, что лица еврейской национальности в нашей стране подвергаются дискриминации.

Свидетели Земеров, Засухин, Шифанов и другие подтвердили в суде, что подсудимый высказывал им мысли о незаконном судебном преследовании инакомыслящих, в частности приводил пример с осуждением Щаранского. Призывал не верить официальной печати о Щаранском. Клеветнические высказывания Бахмина относительно внешнеполитического курса СССР по отношению социалистических стран Восточной Европы, Афганистана подтвердили в судебном заседании свидетели Косулин, Хитров, Витрищак, Шульгин и другие.

Свидетели Хитров, Кантария, Шульгин и другие подтвердили свои показания относительно того, что Бахмин неоднократно утверждал при беседах с ними о том, что в психиатрические больницы помещаются лица по политическим соображениям. Иными словами, Бахмин настойчиво при беседах проводил линию, что психиатрия используется в качестве инструмента подавления инакомыслия. Таким образом, взгляды Бахмина “о дискриминации лиц еврейской национальности”, “об использовании психиатрии в политических целях” и др., которые он распространял среди граждан носили систематический характер и делались на основе непроверенных данных, полученных им от сомнительных источников. Суд пришел к выводу, что клеветнический характер распространяемых им сведений, был известен Бахмину и его действия носили умышленный характер. Например, сведения относительно “использования психиатрии в политических целях” приговором судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 24/09.80 г. были признаны клеветническими. Другими данными по этому вопросу, в силу объективных причин, Бахмин располагать не мог. Это обстоятельство подтвердил в судебном заседании и сам Бахмин. По изложенным основаниям суд не может согласиться с доводами защиты о том, что сведения Бахмина не носили клеветнический характер, поскольку он

высказывал только свои убеждения, отвечал на поставленные вопросы собеседников. Безосновательно адвокат поставил под сомнение объективность показаний свидетелей. Эти утверждения не основаны на материалах дела, а только на предположениях. Приведенные доказательства, исследованные в суде, свидетельствуют о том, что Бахмин осознавал заведомо ложный характер распространяемых сведений, которые являются клеветническими. По этим основаниям просьба адвоката о вынесении оправдательного приговора подлежит отклонению.

Обвинение по факту распространения клеветнических книг “Архипелаг Гулаг”, “Бодался теленок с дубом”, “Жить не по лжи”, “доживет ли СССР до 1984 г.”, “Технология власти” - следует исключить. Подсудимый утверждал, что называл только произведения, не пересказывая их содержания. Свидетели Шульгин, Ваксма также по существу подтвердили это, поскольку не смогли вспомнить, говорил ли им Бахмин о содержании, а если да, то в чем существо содержания произведений. Вина Бахмина в систематическом распространении в устной форме клеветнических произведений доказана и квалификация по ст.190-1 УК РСФСР является правильной.

При обсуждении вопроса о наказании, суд учитывает характер конкретных действий Бахмина, данные о его личности. Учитывается изменения объема обвинения, что эти измышления распространялись в некоторых случаях по инициативе собеседников.

Учитывается также, что тяжких последствий от его действий не наступило. Принимая во внимание его состояние здоровья, суд находит возможным не назначать ему максимального наказания, предусмотренного ст.190-1 УК РСФСР.

На основании изложенного и руководствуясь ст.ст.301-303, 313-315 УПК РСФСР, судебная коллегия

п р и г о в о р и л а :

Бахмина Вячеслава Ивановича признать виновным в совершении преступления, предусмотренного ст.190-1 УК РСФСР и назначить ему по этой статье закона наказание в виде одного года лишения свободы. Не отбытое наказание по приговору суда от 24/09.80 г., на основании ст.41 УК РСФСР присоединить частично и окончательно назначить один год и один месяц лишения свободы в исправительно-трудовой колонии строгого режима.

Срок отбывания наказания начислять с 5 января 1983 года. Мера пресечения Бахмину В.И. оставить прежней - содержание под стражей.

Вещественные доказательства по делу, Англо-русский словарь, уничтожить после вступления приговора в законную силу. Приговор может быть обжалован и опротестован в Верховный Суд РСФСР в течение 7 суток с момента провозглашения, а осужденным Бахминым В.И. в тот же срок со дня вручения копии приговора.

Председательствующий - Миронов

Народные заседатели - Сухушина Л.К., Рыхлевич Н.Б.

Копия верна: член суда - (подпись)

**В СУДЕБНУЮ КОЛЛЕГИЮ
ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ
ВЕРХОВНОГО СУДА РСФСР**

**Адвоката юридической
консультации
Ленинского района
гор.Томска**

Шаталовой Р.Н.

634050, г.Томск, ул.Розы Люксембург,

39

в защиту

**Бахмина Вячеслава Ивановича
осужденного по ст.190-1 УК**

РСФСР

КАССАЦИОННАЯ ЖАЛОБА

Бахмин Вячеслав Иванович, 25 сентября 1947 года рождения, ранее судимый по ст.190-1 УК РСФСР, срок наказания истекал 12 февраля 1983 года, вновь осужден по приговору Судебной коллегии по уголовным делам Томского областного суда от 4 марта 1983 г. по ст.190-1 УК РСФСР к 1 году лишения свободы с отбыванием наказания в исправительно-трудовой колонии строгого режима.

Суд признал Бахмина В.И. виновным в том, что он не сделал выводов из прежнего осуждения и вновь стал заниматься распространением среди осужденных и обслуживающего персонала колонии заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй: с апреля 1982 г. при встречах с гл.врачом медсанчасти ИТК-2 Шульгиным, с июля 1981 г. в беседах с заключенным Витрищакон, в июне-июле 1981 г. в разговоре с начальником режимной части ИТК-2 Косулиным, в присутствии осужденного Витрищака, с июля 1981 г. в беседах с осужденным Ваксой и др. высказывал мнение по поводу внутреннего положения и внешней политики Советского Союза и по другим темам бесед.

С приговором нельзя согласиться по мотиву необоснованного применения уголовного закона к Бахмину как к лицу, не совершившему никакого преступления.

Сам Бахмин категорически утверждает, что с момента осуждения за предыдущее преступление он принял решение честно и добросовестно отбыть наказание с тем, чтобы вернуться к нормальной жизни, к семье. Поэтому с первого до последнего дня, пока он находился в исправительно-трудовой колонии он старался не вступать ни с кем из окружающих его лиц в разговоры на политические темы.

Когда же эти разговоры возникали, то он вступал в эти разговоры только тогда, когда к нему кто-либо из собеседников обращался с прямо поставленным вопросом. Отвечая на такие вопросы, он говорил свое личное мнение и если возникал спор, то он, Бахмин, отстаивал свои убеждения по спорным темам.

Далее Бахмин пояснил, что он считает, что начальник медсанчасти Шульгин, а также осужденные Витрищак и Земеров играли в отношении его провокаторскую роль.

Кроме того, Бахмин заявляет, что большинство высказываний, присвоенных ему свидетелями, принадлежат не ему, а именно этим лицам или изложены следователю не достоверно.

В судебном заседании объяснения Бахмина нашли полное подтверждение.

Так, допрошенные в суде свидетели Шульгин В.Г., Косулин В.М., Аноп А.Н., Витрищак В.П., Земеров А.Г. и др. (всего 13 человек) все подтвердили, что Бахмин сам никогда не начинал и не поддерживал разговоры на политические темы.

Высказывал свое мнение только тогда, когда к нему обращались с вопросом, что он думает по данному предмету разговора.

По делу допрошены по существу все лица, с которыми за время отбывания наказания Бахмин вступал в личный контакт. В свое время каждый, с кем разговаривал Бахмин, не придавал никакого значения состоявшемуся разговору и вспомнил о том, что вел разговор на эту тему год или много месяцев спустя, когда его стали допрашивать по этому вопросу.

Исключение из этого большинства составляют свидетели Шульгин, Витрищак, Земеров.

Свидетель Шульгин показал в суде, что он познакомился с Бахминым, т.к. у него была карточка Бахмина, как страдающего язвенной болезнью. Зная о том, что Бахмин владеет английским языком, он (Шульгин) попросил его заниматься с ним английским языком, на что Бахмин дал согласие. Во время таких занятий в служебном кабинете Шульгина санитары подавали им чай, между ними возникали беседы, в ходе которых Шульгин выяснял мнение Бахмина по вопросам внутренней и внешней политики нашего государства. Шульгин пояснил в суде, что проведение этих бесед было необходимо ему для установления точного диагноза. Он пояснил, что беседы с Бахминым происходили наедине и только иногда несколько минут к этим разговорам прислушивались санитары Хитров, Еремин и др.

Свидетель Земеров А.Г. показал, что он сам прочитал статью об осуждении Щаранского и Филатова за антигосударственную деятельность и сказал об этом Бахмину. В разговоре Бахмин сказал, что знает Щаранского лично и считает, что он шпионом не является. Об этом разговоре в библиотеке Земеров рассказал в своей докладной на имя начальника колонии.

Свидетель Витрищак в суде пояснил, что он и другие осужденные, зная взгляды Бахмина, специально “травили” его на эти разговоры, т.е. провоцировали.

Вполне возможно, что и Шульгин, и Земеров, и Витрищак и другие осужденные провоцировали Бахмина на эти разговоры из личных побуждений, для удовлетворения своего любопытства, чтобы узнать, что скажет инакомыслящий. Было бы чудовищно знать, что такая провокация совершается по чьему-то заданию.

Однако из приведенных показаний следует сделать следующие выводы:

1. Высказывая свое мнение по любому из названных в обвинении вопросов Бахмин не преследовал цели распространения сведений порочащих советский государственный и общественный строй.

2. Поскольку эти разговоры чаще носили политический характер и каждый оставался при своем мнении, то независимо от того, хотел Бахмин или не хотел бы, он цели распространения этих сведений не мог достигнуть.

3. Разговоры эти велись с участием ограниченного круга лиц.

4. Высказывания Бахмина не причинили никакого зла и вреда государственным и общественным органам.

5. Бахмин высказывал свои личные убеждения, которые могут быть ошибочными, предосудительными, но не могут быть в основу любого обвинения, т.к. наш уголовный закон не предусматривает ответственности за убеждения.

Учитывая изложенное, полагаю, что Бахмин В.И. никакого преступления не совершал, его действия не преследовали цели распространения сведения, порочащих государственный и общественный строй, а поэтому его осуждение за высказывание личного мнения в разговорах является необоснованным.

На основании ст.325, 342 п.4 УПК РСФСР, ст.7 УК РСФСР

ПРОШУ :

Приговор судебной коллегии по уголовным делам Томского областного суда от 4 марта 1983 г. ОТМЕНИТЬ и дело прекратить за отсутствием в действиях Бахмина состава преступления.

Адвокат юридической консультации
Ленинского района г.Томска
Р.Н.ШАТАЛОВА

11 марта 1983 г.

**Прокуратура
Томской области**

КАССАЦИОННЫЙ ПРОТЕСТ

**Судебная коллегия по уголовным
делам Верховного Суда РСФСР**

09.03.83 № 12-5д
г.Томск

на приговор Томского областного суда от
4 марта 1983 г. по уголовному делу по
обвинению Бахмина В.И. в преступлении,
предусмотренном ст.190-1 УК РСФСР

Приговором судебной коллегии по уголовным делам Томского
областного суда от 4 марта 1983 года

Бахмин Вячеслав Иванович, 25 сентября 1947 года рождения,
уроженец г.Калинина, русский, беспартийный, женат, на иждивении
имеет одного ребенка, судимый 24.09.80 г. Московским городским
судом по ст.190-1 УК РСФСР к 3 годам лишения свободы,
образование высшее, невоеннообязанный, отбывавший наказание в
ЯУ-114/2 г.Асино Томской области,

осужден по ст.190-1 УК РСФСР к одному году лишения
свободы в исправительно-трудовой колонии строгого режима.

Бахмин, ранее судимый по ст.190-1 УК РСФСР к 3 годам
лишения свободы и отбывавший наказание в ИТК-2, правильных
выводов для себя не сделал и вновь стал заниматься систематическим
распространением заведомо ложных измышлений, порочащих
советский государственный и общественный строй, среди осужденных
и представителей администрации колонии.

Вновь совершенное преступление, аналогичное прежнему,
свидетельствует, что Бахмин не только не исправился и не
перевоспитался, но и не встал на путь исправления и перевоспитания.

Суд в нарушение требований ст.37 УК РСФСР не учел этих
обстоятельств, характеризующих личность Бахмина В.И.,
общественную опасность совершенного преступления и определил
ему меру наказания, явно не соответствующую содеянному и личности
виновного.

Считаю такое наказание, определенное Бахмину,
необоснованно мягким.

На основании изложенного, руководствуясь ст.ст.326, 331 УПК
РСФСР,

ПРОШУ :

Приговор судебной коллегии по уголовным делам Томского
областного суда в отношении Бахмина Вячеслава Ивановича отменить
за мягкостью наказания, дело направить на новое судебное
рассмотрение в тот же суд в ином составе судей.

Прокурор Томской области
Государственный советник юстиции
3 класса

А.И.Князев

О П Р Е Д Е Л Е Н И Е

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР в составе:

председательствующего - Луканова П.П.

членов суда - Полагайко М.И. и Гаврилина Н.Е.

рассмотрела в судебном заседании от 25 марта 1983 г. дело по кассационным жалобам осужденного Бахмина и адвоката Шаталовой на приговор Томского областного суда от 4 марта 1983 года, которым

БАХМИН Вячеслав Иванович, 1947 года рождения, уроженец г.Калинина, русский, с высшим образованием, женат, имеет ребенка 11 лет, судим 24 сентября 1980 года по ст.190-1 УК к 3 годам лишения свободы, отбывая наказание, -

осужден по ст.190-1 УК РСФСР к одному году лишения свободы. Не отбытое им наказание по предыдущему приговору частично присоединено и к отбыванию Бахмину определено один год один месяц лишения свободы с отбыванием в исправительно-трудовой колонии строгого режима.

Заслушав доклад члена суда Гаврилина, объяснения адвоката Шаталиной и заключение прокурора Васильевых об оставлении приговора без изменения, судебная коллегия

У С Т А Н О В И Л А :

Бахмин осужден за систематическое распространение в устной форме клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй.

Преступление им совершено при следующих обстоятельствах:

Бахмин, отбывая наказание за ранее совершенное преступление, в течение 1981-1982 г.г. систематически распространял в устной форме клеветнические измышления, порочащие советский государственный и общественный строй.

Так, при общении с осужденными Засухиным, Кантария, Витришаком, а также персоналом колонии Бахмин излагал не соответствующие действительности измышления, касающиеся внешнеполитического курса СССР, избирательной системы, положения лиц еврейской национальности в нашей стране, а также функционирования отдельных звеньев государственной и общественной системы. Он распространял клеветнические сведения

относительно “притеснения” лиц, которые не разделяют взглядов о нашей действительности.

При беседе с некоторыми заключенными Бахмин на их вопросы отвечал, утверждая, пользуясь различными сомнительного характера источниками, что в СССР отдельные граждане преследуются властями за их убеждения.

В этих целях используется психиатрия.

В судебном заседании Бахмин не признал себя виновным. Он отказался от дачи показаний по конкретным пунктам обвинения. При этом заявил, что его спровоцировали на высказывание суждений по некоторым вопросам.

В кассационной жалобе осужденный Бахмин просит приговор отменить и дело производством прекратить за отсутствием в его действиях состава преступления. Свою просьбу осужденный обосновывает тем, что он в своих высказываниях излагал лишь свое мнение по тому или иному вопросу, высказывал лишь свои убеждения, которые могут быть ошибочными, но они не могут быть заведомо ложными, поскольку верил в их истинность, он не стремился к распространению своих взглядов, а лишь отвечал на поставленные вопросы и стремился избегать разговоров на любые темы.

В кассационной жалобе адвокат Шаталина излагает, что Бахмин преступления не совершал, его действия не преследовали цели распространения сведений, порочащих государственный и общественный строй, его осуждение за высказывание личного мнения в разговорах является необоснованным. Просит приговор отменить и дело производством прекратить за отсутствием состава преступления.

Судебная коллегия, проверив материалы дела и обсудив доводы, изложенные в жалобах, находит приговор законным и обоснованным.

Виновность Бахмина в совершении преступных действий, вменяемых ему по приговору, доказана показаниями свидетелей Захарова, Засухина, Шифанова, Хитрова, Шульгина, Кантария, Витрищак и другими материалами дела.

Из разъяснений вышеуказанных свидетелей усматривается, что осужденный Бахмин систематически распространял в устной форме заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй.

В связи с этим доводы осужденного о том, что высказанные им убеждения в беседах не были заведомо ложными, опровергаются содержанием показаний указанных свидетелей.

Как показали свидетели Аноп, Косулин, Шульгин, Витрищак, они каких-либо провокационных бесед с осужденным не вели и не вынуждали его высказываться по тому или иному вопросу.

При наличии таких данных в их совокупности суд пришел к обоснованному выводу о доказанности вины Бахмина в совершении преступления, предусмотренного ст.190-1 УК РСФСР и оснований для отмены приговора, о чем в жалобах просят осужденный и адвокат, не имеется.

В силу изложенного и руководствуясь ст.339 УПК РСФСР,
судебная коллегия

О П Р Е Д Е Л И Л А :

Приговор Томского областного суда от 4 марта 1983 г. в
отношении Бахмина Вячеслава Ивановича оставить без изменения, а
кассационные жалобы - без удовлетворения.

Председательствующий - Луканов
члены суда - Полагайко, Гаврилин

верно: член Верховного Суда РСФСР

Гаврилин

Справка: Бахмин содержится в
следственном изоляторе г.Томска

1-2 пр-во
3-4 дело
5-6 СИЗО №1 г.Томска
7 пр-ра РСФСР
8 - наряд

дело в 1 т. в Томской о/с

05.04 тф

Д/№ 50

П Р И Г О В О Р

Именем РСФСР

Московский районный народный суд города Калинина
в составе:

председательствующего Будашева В.В.
народных заседателей Рудакова Н.М. и Филинского

А.А.

при секретаре Карузиной Н.Л.
с участием прокурора Чугуевского А.А.
адвоката Гушиной Л.П.

рассмотрел в открытом судебном заседании в городе Калинине
29 марта 1985 года

Дело по обвинению:

Б А Х М И Н А Вячеслава Ивановича, рождения 25 сентября 1947 года, уроженца г.Калинина, русского, беспартийного, с высшим образованием, женатого, имеющего на иждивении несовершеннолетнего ребенка в возрасте 13 лет, работающего в Центральном проектно-конструкторском бюро «Спецавтоматика» инженером-программистом, проживающего в деревне Бортниково Калининского района Калининской области, ранее судимого:

24 сентября 1980 года Судебной коллегией по уголовным делам Московского областного суда по ст.190-1 УК РСФСР к 3 годам лишения свободы;

4 марта 1983 года Томским областным судом по ст.190-1 УК РСФСР с применением ст.41 УК РСФСР на 1 год 1 месяц лишения свободы, освобожденного 4 февраля 1984 года по отбытии срока наказания,

в преступлении, предусмотренном ч.2 ст.206 УК РСФСР,

у с т а н о в и л :

Бахмин совершил злостное хулиганство, отличающееся особой дерзостью. Преступление совершено в г.Калинине при следующих обстоятельствах:

22 февраля 1985 года, приблизительно в 19 часов 30 минут, Бахмин, находясь в состоянии алкогольного опьянения на ул. 2-я Тургенева в г.Калинине на тропинке у дома №23, умышленно, из хулиганских побуждений, нанес потерпевшему Майорову А.А. два удара рукой в лицо. Не реагируя на замечания подошедших граждан и,

продолжая хулиганские действия, в их присутствии, Бахмин вновь нанес Майорову А.А. удар рукой в лицо.

После этого Бахмин с места происшествия пытался скрыться, но был задержан.

В результате действий Бахмина Майорову А.А. были причинены легкие телесные повреждения, не повлекшие за собой кратковременное расстройство здоровья.

Допрошенный в судебном заседании Бахмин свою вину не признал и показал, что 22 февраля 1985 года в 20 часу он возвращался из кафе «Южное», где был на свадьбе.

На тропинке с ним повстречался Майоров, которого он ранее не знал. Майоров попросил у него закурить, а затем схватил его и не отпускал. Он стал вырываться, а Майоров стал кричать, чтобы он вернул ему шапку, которая во время борьбы упала с головы Майорова. В это время мимо проходили люди, а затем подъехала автомашина и его с Майоровым доставили в отдел милиции. Во время борьбы ударов Майорову он не наносил и телесных повреждений не причинял.

Однако, вина Бахмина в судебном заседании подтверждена показаниями потерпевшего, свидетелей и другими доказательствами:

Так потерпевший Майоров А.А. рассказал, что 22 февраля 1985 года в 20 часу он шел по тропинке вдоль улицы 2-я Тургенева и спросил у незнакомого ему мужчины закурить, но тот прошел мимо.

В это время шедший следом Бахмин, сказав: «Что ты здесь шляешься» и нанес ему удар в лицо. От неожиданности он растерялся. Бахмин нанес ему второй удар в лицо, после чего он упал.

Бахмин стал убежать, но он догнал его и стал звать на помощь. Во время борьбы к ним подошли двое парней Жуковский и Маркин и Бахмин свои действия прекратил. Он был взволнован и не помнит, наносил ли Бахмин ему еще удары.

Свидетель Жуковский О.Р. показал, что в этот вечер он направлялся вместе с Маркиным к магазину в поселке Крупской и увидели впереди возню двух мужчин. Мужчина с бородой, как теперь он знает - Бахмин, ударил другого мужчину - Майорова. Он подошел к Бахмину и Майорову и стал их разнимать. Бахмин в это время вновь ударил Майорова по лицу и стал убежать, но его задержали.

Свидетель Маркин М.В. подтвердил, что видел, как Бахмин ударил Майорова. Жуковский стал их разнимать. Бахмин пытался бежать, но какая-то женщина остановила машину и Бахмина с Майоровым задержали.

Свидетель Юралеви́ч Андрей показал, что вместе с Петровским Игорем вечером 22 февраля 1985 года они шли по улице 2-я Тургеневская и увидел двоих мужчин, дравшихся между собой. Мужчины падали. К ним подошли двое парней и один из них стал разнимать мужчин. Он видел как мужчина с бородой - Бахмин, ударил Майорова.

Свидетель Петровский Игорь рассказал, что когда он с Юралеви́чем подходили к мужчинам, то видели как Бахмин несколько раз ударил Майорова, который нападал. Бахмин стал убежать, но его задержали.

Свидетель Овчинникова З.Ф. пояснила, что из своего дома вечером 22 февраля 1985 года она услышала на улице шум и увидела двоих дравшихся мужчин, которых стал разнимать подошедший к ним мужчина.

Свидетель Германова Р.Н. показала, что, находясь во дворе своего дома, она услышала на улице шум и крики. Она видела, как мужчина с бородой закручивал назад другому руки.

Она остановила проезжавшую машину и этих мужчин задержали.

Из показаний свидетеля Лариной Т.Г. видно, что когда она ехала на автомашине с работниками милиции на заправочную станцию, их остановила женщина. В это время она заметила двоих мужчин. Находившиеся граждане сказали, что Бахмин ударил Майорова. Бахмин пытался убежать, но был задержан.

В автомашине она видела у Майорова под глазом покраснение.

Из заключения эксперта видно, что у Майорова А.А. имелся кровоподтек на нижнем веке правого глаза. Указанное повреждение возникло от действия тупого твердого предмета, возможно 22 февраля 1985 года и относится к легким телесным повреждениям, не повлекшим за собой кратковременного расстройства здоровья.

Анализируя собранные по делу доказательства в их совокупности суд находит вину Бахмина доказанной полностью.

К показаниям Бахмина суд подходит критически, считает их надуманными и направленными на уклонение от ответственности. Вместе с тем, показания потерпевшего Майорова являются правдивыми и объективно подтверждены совокупностью других доказательств.

Своими действиями Бахмин совершил злостное хулиганство, грубо нарушающее общественный порядок и выражающее явное неуважение к обществу, отличающееся по своему содержанию особой дерзостью, выразившейся в насилии, повлекшим телесные повреждения у потерпевшего и эти действия следует квалифицировать по ч.2 ст.206 УК РСФСР.

При назначении наказания суд учитывает характер и степень общественной опасности содеянного, данные, характеризующие личность Бахмина. Он положительно характеризуется по работе, что смягчает его ответственность. Вместе с тем преступление он совершил в состоянии опьянения, являясь лицом ранее совершившим преступление и эти обстоятельства отягчают его ответственность.

Руководствуясь ст.ст. 301-303 УПК РСФСР, суд

п р и г о в о р и л :

Бахмина Вячеслава Ивановича признать виновным по ч.2 ст 206 УК РСФСР и назначить ему наказание три года лишения свободы с содержанием в исправительно-трудовой колонии строгого режима.

Меру пресечения Бахмину Вячеславу Ивановичу изменить - из зала суда взять под стражу.

Срок наказания исчислять с 29 марта 1985 года.

Приговор может быть обжалован и опротестован в Калининский областной суд в течение 7 суток, осужденным в тот же срок со дня вручения копии приговора.

Председательствующий: подпись
Народные заседатели: подписи.

Копия верна.

Председатель суда

В.В.Буданов

**ОБ ОБРАЗОВАНИИ МЕЖВЕДОМСТВЕННОЙ КОМИССИИ ПО
РАССМОТРЕНИЮ
ОБРАЩЕНИЙ ГРАЖДАН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СВЯЗИ С
ОТКАЗАМИ
ИМ В ВЫДАЧЕ ЗАГРАНИЧНОГО ПАСПОРТА И ВРЕМЕННЫМИ
ОГРАНИЧЕНИЯМИ НА ВЫЕЗД ЗА РУБЕЖ**

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СОВЕТ МИНИСТРОВ - ПРАВИТЕЛЬСТВО РФ

19 марта 1993 г.

N 238

(Д)

В целях реализации статей 8 и 12 Закона СССР "О порядке выезда из СССР и въезда в СССР граждан СССР, действие которого распространено с 1 января 1993 г. на территорию Российской Федерации впредь до принятия соответствующего закона России, Совет Министров - Правительство Российской Федерации постановляет:

1. Образовать межведомственную Комиссию по рассмотрению обращений граждан Российской Федерации в связи с отказами им в выдаче заграничного паспорта и временными ограничениями на выезд за рубеж в следующем составе:

Председатель комиссии:

Лавров С.В. - заместитель Министра иностранных дел Российской Федерации

Заместитель председателя Комиссии

Бахмин В.И. - директор департамента по международному гуманитарному и культурному сотрудничеству Министерства иностранных дел Российской Федерации

Члены комиссии

Ковалев С.А. - председатель Комитета Верховного Совета Российской Федерации по правам человека (по согласованию)

Дедюхин М.Т. - заместитель начальника Управления экономической безопасности Министерства безопасности Российской Федерации

- Подоплелов В.П. - заместитель начальника отдела
8-го управления Генерального штаба
Вооруженных Сил Российской
Федерации
- Кузнецов Р.А. - начальник Управления виз и
регистраций Министерства
внутренних дел Российской
Федерации
- Волох В.А. - заместитель руководителя
Федеральной миграционной службы
России
- Себенцов А.Е. - первый заместитель Руководителя
Аппарата Совета Министров -
Правительства Российской Федерации
- Рязанов Э.П. - заместитель начальника отдела
Государственно-правового
управления Президента Российской
Федерации

2. Возложить обеспечение деятельности межведомственной Комиссии по рассмотрению обращений граждан Российской Федерации в связи с отказами им в выдаче заграничного паспорта и временными ограничениями на выезд за рубеж на Министерство иностранных дел Российской Федерации.

Министерству иностранных дел Российской Федерации утвердить ответственного секретаря Комиссии.

3. Поручить Министерству иностранных дел Российской Федерации с участием заинтересованных организаций разработать и представить на утверждение в Совет Министров - Правительство Российской Федерации Положение о Комиссии, предусмотренной настоящим постановлением.

4. Комиссии по рассмотрению обращений граждан Российской Федерации в связи с отказами им в выдаче заграничного паспорта и временными ограничениями на выезд за рубеж приступить к работе с даты подписания настоящего постановления.

Председатель Совета Министров -
Правительства Российской Федерации

В.Черномырдин